

18+

ISSN 2587-8344

HISTORIA
Provinciae

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2019 • Т. 3 • № 3

Тема номера:

**«Поиски идентичности и синдром распада империй в XX веке:
сравнительная ретроспектива»**

<http://hpchsu.ru>

Выход в свет: 2019 • Т. 3 • № 3 • СЕНТЯБРЬ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Солодянкина О.Ю.*, д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Егоров А.Н., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

Марков Е.А., д-р полит. наук (Череповецкий государственный университет)

Петелин Б.В., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

Кузьминых А.Л., д-р ист. наук (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА +7 (8202) 51-72-40

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. РУДЕНКО, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Севастопольский государственный университет

Фото: Снос памятника Александру III в Москве в 1918 г. Источник фото: <http://fotki.yandex.ru/users/anna-derk/view/16305/>

Адрес издателя, редакции, типографии:

162600, Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 23.

Выход в свет: 13.09.2019

Формат 60 × 84 ¹/₈.

Гарнитура Таймс.

© Череповецкий государственный университет, 2019

18+

ISSN 2587-8344

HISTORIA

Provinciae

THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2019 • Vol. 3 • No. 3

Cover story:

**“Search for Identity and the Syndrome of Collapsing Empires
in the 20th Century: A Comparative Retrospective”**

<http://en.hpchsu.ru>

Publication: 2019 • Vol. 3 • No. 3 • September. Issued four times a year.

FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
ЭЛ №ФС77-70013 dated 31.05.2017

EDITOR-IN-CHIEF: *O.Y. Solodyankina*, Doctor of Historical Sciences
(Cherepovets State University)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

A.N. Egorov, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

E.A. Markov, Doctor of Political Sciences (Cherepovets State University)

B.V. Petelin, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

A.L. Kuzminykh, Doctor of Historical Sciences (Vologda Institute of Law and Economics, Federal Penitentiary Service of Russia)

EDITOR: A.A. LUKHNEVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: M.N. AVDYUKHOVA

EXECUTIVE EDITOR: N.A. TIKHOMIROVA +7 (8202) 51-72-40

PROOFREADER (ENGLISH): N.S. RUDENKO, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Sevastopol State University

Front cover photograph: Demolition of the monument to Alexander III of Russia in Moscow in 1918. Source of the photo: <http://fotki.yandex.ru/users/annaderk/view/16305/>

Address of the publisher, editorial office and printing office:

162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5.

OPEN PRICE

Online media

23 standard publisher's sheets

Publication: 13.09.2019

Format 60 × 84 ¹/₈.

Font style Times.

© Cherepovets State University, 2019

Содержание**Contents**

Вступительное слово 836

ИССЛЕДОВАНИЯ*Гайда Ф.А.* «Украинец» как самоидентификация в условиях распада империй в начале XX века..... 845*Крылова Е.Н.* На государственной службе: к вопросу о незаконной деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати накануне крушения Российской империи 884*Клюкина Л.А.* Дискурс о Единой России в постимперском контексте 911**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ДИСКУССИОННАЯ
ПЛОЩАДКА***Розанов Ю.В., Тихомиров П.В.* Образ революционера-террориста в России начала XX века (на примере Ивана Каляева) 939*Беженару Л.Е.* Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопоэтики..... 975**РЕЦЕНЗИИ***Ратьковский И.С.* Новые материалы о Великой Российской рево-

Opening speech 836

RESEARCH*Gayda F.* “A Ukrainian” as Self-Identification in the Context of the Collapse of Empires in the Early Twentieth Century 845*Krylova E.* In the Public Service: on the Issue of the Illegal Activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs on the Eve of the Collapse of the Russian Empire 884*Klyukina L.* Discourse about United Russia in the Post-imperial Context 911**INTERDISCIPLINARY
DISCUSSION
PLATFORM***Rozanov Y., Tikhomirov P.* The Image of a Revolutionary Terrorist in Russia at the Beginning of the Twentieth Century (Based on Ivan Kalyaev)..... 939*Bejenaru L.* Region as a Subcultural Locus of Cultural Regionalism and Regional Geopoetics..... 975**REVIEWS***Rat'kovskii I.* New Materials about the Great Russian Revolution of

люции 1917 года. Рецензия на: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2018. – 336 с.	1917. A Review of: Nikolaev, A.B., D.A. Bazhanov, and A.A. Ivanov, eds. <i>Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei</i> [The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2018
1028	1028
<i>Всеволодов А.В.</i> Историк и историография в зеркале юбилея. Рецензия на: Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С.Н. Полторак (общая редакция), И.А. Тропов (ответственный редактор) и другие. – Санкт-Петербург: Полторак, 2018. – 272 с.	<i>Vsevolodov A.</i> Historian and Historiography in the Mirror of an Anniversary. A Review of: S.N. Poltorak, I.A. Tropov et al., eds. <i>Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika</i> [State, society, person in the history of Russia (18 th – 20 th centuries): Collection of scientific works to the 80 th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladlen Semenovich Izmozik]. St Petersburg: Poltorak, 2018
1046	1046
Информация для авторов.....	Guide for Authors
1066	1066

HISTORIA

Provinciae

2019 · Vol. 3 · № 3

Вступительное слово

Opening speech

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

Настоящий номер журнала включает в себя статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на Всероссийском (с международным участием) научном семинаре «Поиски идентичности и синдром распада империй в XX веке: сравнительная ретроспектива», состоявшемся 23–24 ноября 2018 г. в г. Череповце на базе Череповецкого государственного университета. Семинар был приурочен к столетию окончания Первой мировой войны, изменившей ход мировой истории. В результате войны произошло крушение Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй,

возникли новые государственные образования. И в дальнейшем на протяжении всего XX столетия проходили грандиозные геополитические изменения, прекратили свое существование Японская, Британская и другие империи, распался Советский Союз, который тоже являлся своеобразной (советской) империей. Все эти тектонические изменения, начало которым положила Первая мировая война, породили фундаментальную научную проблему распада и гибели ведущих империй в XX веке. Анализ данной проблемы и стал главной целью семинара. При этом в первую очередь пристальное внимание было уделено дискуссионным проблемам назревания, хода и последствий революционных событий в России начала XX в., столетие которых отмечалось в 2017–2018 гг. В этом контексте особое значение приобретают вопросы, связанные с поисками новой идентичности, региональной самодостаточности, способов существования и выживания в сложных драматических условиях постоянно происходящих изменений, социальных потрясений, смены идеологических приоритетов, общественно-политических катаклизмов. Важными являются и другие аспекты: социокультурное измерение происходящего, осмысление роли личности и масс в изменяющейся действительности, художественная и публицистическая рефлексия переломных моментов в общегосударственном и региональном развитии. Именно эти проблемы и были рассмотрены в ходе работы научного семинара «Поиски идентичности и синдром распада империй в XX веке: сравнительная ретроспектива».

Важнейшей проблемой XX века стал национальный вопрос, расколовший не одну империю. В статье доцента Московского государственного универси-

тета им. М.В. Ломоносова Ф.А. Гайды рассматривается история применения термина «украинец» в предреволюционный период истории России и в ходе революционных событий начала XX в. Показано, что в конце XIX в. под «украинцами» понимались сторонники украинофильского движения. В первые годы XX в. термин был переосмыслен в классовом смысле и стал означать угнетенное население Украины (Малороссии), идущее по пути формирования новой нации. В кругах интеллигенции термин «украинцы» стал широко употребляемым накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. Именно тогда он был усвоен большевиками и впоследствии стал инструментом их политики. Как показывает автор статьи, «украинцы» как этническое самоназвание укоренилось только в советское время. В целом этноним «украинцы» стал символом слома имперской идеологии и маркером нового национального движения в Восточной Европе.

Устойчивость любой империи основывается на авторитете государственной власти, четкой работе всех ее институтов, что было не характерно для Российской империи накануне крушения. Статья доцента Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина Е.Н. Крыловой раскрывает незаконные аспекты деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати министерства внутренних дел. Созданное для обеспечения прессы достоверными и подлежащими публикации сведениями, касающимися деятельности правительства, правительственных и административных лиц и учреждений, а также объективного освещения общественно-политической жизни России и заграницы, Осведомительное бюро должно было поднимать авторитет правительства. Однако высокопоставленные сотрудники Осведомительного бюро, собирая и распространяя сведения, не подлежащие разглашению, сами становились распространителями слухов, наносящих ущерб престижу и авторитету власти. В статье проанализированы причины и последствия ситуаций, в которых государственный орган, созданный для поддержки существующей политической системы, сам же ее дискредитировал.

В статье профессора Петрозаводского государственного университета Л.А. Клюкиной проведено исследование содержания дискурса о Единой России 2000–2008 гг. в контексте семиотического подхода Ю.М. Лотмана. Автор представил идею Единой России в качестве «продукта» эволюции имперского российского сознания. В содержании этой идеи присутствуют те же признаки, что и в других имперских дискурсах российского сознания: установка на построение общества социальной справедливости с богатой духовной культурой в будущем; осуществление реализации этого проекта под руководством власти, так как знанием о модернизации действительности обладает только власть; построение сильного централизованного государства с целью защиты от внешней угрозы; укрепление веры в абстрактный идеал путем формирования образа

сильного харизматичного лидера власти; упрощение заимствованных культурных идей путем интерпретации в собственных терминах, сведение их к уже знакомому культурному материалу. Дискурс о Единой России рассматривается автором статьи в качестве варианта новой культурной идентичности России, так как нацелен на проведение модернизации общества и формирование восприятия государственной власти в качестве высшей культурной ценности, персонифицированной в институтах власти.

Отличительной особенностью научного семинара «Поиски идентичности и синдром распада империй в XX веке: сравнительная ретроспектива» стал его междисциплинарный характер, стремление рассмотреть заявленные проблемы с позиций различных отраслей социогуманитарного знания. Поэтому ряд материалов номера, носящих дискуссионный характер, подготовлен на стыке истории и филологии.

В период острых социальных и политических потрясений образ политического деятеля – положительный или отрицательный – превращается в важнейший политический знак, в ключевой элемент политического процесса. Статья профессора Вологодского государственного университета Ю.В. Розанова и бакалавра Череповецкого государственного университета П.В. Тихомирова посвящена формированию образа революционера-террориста И.П. Каляева в Российской империи начала XX в. в среде партии социалистов-революционеров и в литературных кругах. Авторы статьи убедительно показали, что для эсеров Каляев являлся удобной фигурой для оправдания революционного терроризма. Сводя его биографию к судьбе революционера-«мученика», они как бы получали санкцию общества на продолжение деятельности Боевой организации ПСР. В статье также проанализированы литературные свидетельства о Каляеве его друга – писателя А.М. Ремизова, хорошо знавшего его по вологодской ссылке. Текст Ремизова отличался тем, что автор не брал в расчет четко установившегося и угадываемого канона описания, сложившегося в революционной среде. Помещение Ремизовым фигуры Каляева в свой рассказ авторы статьи интерпретируют как ностальгическое послание к другу с напоминаниями о прежних встречах и совместных планах в литературе. Тем самым читателям начала XX в. предлагались различные в своих целях и задачах образы революционера-террориста. Статья и интересна как раз тем, что показывает, как различие в задачах описания предопределило тон, манеру, стилистику и функцию текстов, формирующих политический образ.

Художественная литература всегда была важнейшим источником для изучения образов географического пространства и генератором геопоэтических образов, влияющих на процессы национальной и территориальной идентичности. Доцент Ясского университета им. А.И. Кузы Л.Е. Беженару рассматривает регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной

геопэтики. Возникновение геопэтики связано с определением влияния географического пространства на духовную жизнь нации, с необходимостью новой концептуализации (исторической, геополитической, антропологической, философско-эстетической) территории, а также с выбором доминирующих черт ландшафта, его специфических особенностей и символов. Общность «малой родины» рассматривается в статье как основа региональной идентичности, а литература «малой родины» – как региональная модель литературы, имеющая статус региональной по отношению к материковой. Региональный литературный процесс выстраивает локальную литературную модель, своеобразный аналог национального литературного процесса. Проведенный в статье сравнительно-типологический анализ региональных текстов в аспекте межжанрового диалога способствует укреплению национальных связей, повышает осознание степени самоидентичности, укрепляет корни национальной культуры.

Опубликованные в журнале материалы дополняют рецензии И.С. Ратьковского на сборник докладов состоявшейся в ноябре 2017 г. в Санкт-Петербурге всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» и А.В. Всеволодова на сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора В.С. Измолика. Многие статьи рецензируемых сборников тесно переплетаются с тематикой докладов научного семинара «Поиски идентичности и синдром распада империй в XX веке: сравнительная ретроспектива».

Хочется надеяться, что представленные материалы будут интересны и полезны не только для историков, но и для более широкого круга читателей, а высказанные дискуссионные точки зрения станут стимулом для дальнейших научных изысканий по рассматриваемой проблематике.

*Выпускающий редактор номера
А.Н. Егоров*

Dear friends and colleagues,

This issue of the journal includes the articles that were prepared on the basis of the papers delivered at the all-Russian scientific workshop with international participation “Search for Identity and the Syndrome of Collapsing Empires in the 20th Century: A Comparative Retrospective” held on 23–24 November 2018 in Cherepovets

at Cherepovets State University. The workshop was devoted to the centenary of the end of World War I that changed the course of the world history. The war resulted in the collapse of the Russian, German, Austria-Hungary and Ottoman empires and the formation of the new state entities. Later on, during the 20th century, drastic geopolitical changes took place, the Japanese, British and other empires ceased to exist; the Soviet Union, which was a kind of Soviet empire in its own way, collapsed. All those tectonic changes that were caused by World War I gave rise to the research challenge in connection with the dissolution and downfall of the leading world empires in the 20th century. The analysis of this subject became the main objective of the workshop. Most attention was paid to the controversial issues of the background, course and consequences of the revolutionary events in Russia at the beginning of the 20th century, the centenary of which was 2017–2018. In this context, more and more importance is being attached to the problems connected with the search for a new identity, regional self-identification, modes of existence and survival under the complex dramatic conditions of constant change, social upheavals, shift of ideological priorities, and sociopolitical cataclysms. Other aspects are also of importance: sociocultural dimension of the ongoing events, understanding the role of the individual and the masses in the changing reality, literary and journalistic reflection of the crucial points in national and regional development. It is these problems that were discussed at the workshop “Search for Identity and the Syndrome of Collapsing Empires in the 20th Century: A Comparative Retrospective.”

The national question, which split more than one empire, became one of the most important issues of the 20th century. The article of F. Gayda, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University, considers the usage of the term “a Ukrainian” during the prerevolutionary period of Russian history and in the course of the revolutionary events at the beginning of the 20th century. It has been shown that at the end of the 19th century, the supporters of the Ukrainophile movement were referred to as “Ukrainians.” In the early years of the 20th century, the term was reconsidered to acquire class meaning and began to designate the oppressed population of Ukraine (Malorossiia), who was following the path of the formation of a new nation. In the circles of the intelligentsia, the term “Ukrainians” became widely used on the eve and during the February Revolution of 1917. It is at that time when it was adopted by the Bolsheviks and later became an instrument of their policy. As the author of the article points out, “Ukrainians” as an ethnic self-designation took root only during the Soviet times. In general, the ethnonym “Ukrainians” became a symbol of breakdown of imperial ideology and a marker of the new national movement in Eastern Europe.

The stability of any empire is based on the authority of the governmental power and efficient operation of all its institutions, which was not characteristic of the Russian Empire on the eve of its collapse. The article of E. Krylova, Associate Professor

of Pushkin Leningrad State University, considers the illegal activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. Established in 1906 in order to provide the press with reliable information that could be made publicly available and concerned the activities of the government, state and administrative officials and institutions, and also in order to provide objective coverage of social and political life in Russia and abroad, the Information Bureau was to enhance the authority of the government. However, the high-ranking employees of the Bureau collected and disseminated the information that was not subject to disclosure and in doing so they themselves became the distributors of rumours that impaired the prestige and authority of the government. The article analyses the causes and consequences of the situations when the state structure that had been established to support the existing political system discredited it.

The article of L. Klyukina, Professor of Petrozavodsk State University, studies the contents of the discourse about United Russia in 2000–2008 in the context of the semiotic approach of Yu. Lotman. The author introduces the idea of United Russia as the “product” of the Russian imperial consciousness. The contents of this idea include the same characteristics as other imperial discourses of the Russian consciousness do: the orientation towards building the society of social justice with rich spiritual culture in the future; implementation of this project can be carried out under the leadership of the authority as only the authority has knowledge of how to modernize the reality; building a strong centralized state for protection against external threats; strengthening the belief in the abstract ideal by forming the image of a strong charismatic leader of the authority; simplification by interpreting borrowed cultural ideas in native terms and reducing them to the already familiar cultural material. The discourse about United Russia is considered by the author of the article as an option for the new cultural identity of Russia, since it aims at modernizing the society and at forming the perception of the state authority as higher cultural value impersonated in government institutions.

Interdisciplinary character and endeavor to consider the issues under discussion in terms of different branches of socio-humanitarian knowledge were the distinctive features of the workshop “Search for Identity and the Syndrome of Collapsing Empires in the 20th Century: A Comparative Retrospective.” That is why a number of papers in this issue, which are open to discussion, were prepared at the confluence of history and philology.

During the period of dramatic social and political upheavals, the image of a politician, either positive or negative, turns into the political sign of utmost significance and into the key component of political process. The article by Yu. Rozanov, Professor of Vologda State University, and P. Tikhomirov, bachelor of Cherepovets State University, is devoted to the formation of the image of the revolutionary terrorist Ivan Kalyaev in the Russian Empire at the beginning of the 20th century amidst the

Socialist Revolutionary Party members and in literary circles. The authors of the article showed convincingly that for the Social Revolutionaries, Kalyaev was a convenient figure to be used for justifying revolutionary terrorism. Reducing his biography to the fate of a revolutionary martyr, they received the sanctions of the society to continue the activities of the Social Revolutionaries' Combat Organization. The article also analyzes literary testimonies about Kalyaev made by his friend Alexey Remizov, a writer, who knew him well from his Vologda exile. Remizov's text was notable for the fact that the author did not take into account the clearly established and guessable canon of description that had developed among the revolutionaries. The fact that Remizov placed Kalyaev's figure in his story is interpreted by the authors as a nostalgic message to the friend meant to remind him of their past meetings and plans in literature. Thus, the readers of the early 20th century were offered the images of a revolutionary terrorist that were different in terms of their purposes and tasks. What makes the article particularly interesting is that it shows how the difference in the objectives of the description predetermined the tone, manner, style and function of the texts that formed the political image.

Belles-lettres has always been a significant source for studying the images of geographical space and a generator of geopoetic images that influence the processes of national and territorial identity. L. Bejenaru, Associate Professor of A.I. Cuza University in Iași, considers the region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics. The emergence of geopoetics is associated with determining the influence of geographical space on the spiritual life of a nation, with the need for new (historical, geopolitical, anthropological, philosophical and aesthetic) conceptualization of a territory, and with the choice of dominant features of landscape, its specific features and symbols. The commonality of the "small homeland" is considered in the article as the basis for regional identity, while the literature of the "small homeland" is considered as a regional model of the literature that has regional status in relation to the mainland. The regional literary process builds the local literary model, which is a kind of an analogue of the national literary process. Presented in the article comparative typological analysis of regional texts in terms of inter-genre dialogue promotes strengthening of national ties, increases self-identity awareness, and deepens the roots of national culture.

The materials of the issue are supplemented with I. Rat'kovskii's review of the collection of papers that were presented at the all-Russian scientific conference "The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views" held in November 2017 in St Petersburg, and A. Vsevolodov's review of the collection of scientific works on the 80th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladlen Izmozik. Many of the articles in the reviewed collections interweave with the subject matter of the workshop "Search for Identity and the Syndrome of Collapsing Empires in the 20th Century: A Comparative Retrospective."

Let me hope that the presented materials will be interesting and useful not only for historians, but also for a wider readership, and the argumentative viewpoints they express will become an incentive for further research into the subjects under consideration.

*Managing editor of the issue
Andrey Egorov*

HISTORIA

Provinciae

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2019 · Vol. 3 · № 3

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-1

УДК 94(47)

Гайда Федор Александрович

Доктор исторических наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Россия)
fyodorgayda@gmail.com

Gayda, Fyodor

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia);
Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)
fyodorgayda@gmail.com

«Украинец» как самоидентификация в условиях распада империй в начале XX века *

“A Ukrainian” as Self-Identification in the Context of the Collapse of Empires in the Early Twentieth Century

Аннотация. В статье рассматривается история применения термина «украинец» в предреволюционный период истории России и в ходе революционных событий начала XX в. Показано, что первоначально (в конце XIX в.) под «украинцами» понимались сторонники украинофильского движения. В первые годы XX в. термин был переосмыслен в классовом смысле и стал означать угнетенное население Украины (Малороссии), идущее по пути формирования новой нации. Пропаганда понятия «украинцы» осуществлялась сторонниками Революционной Украинской партии, которые также настаивали на необходимости отказа от традиционных региональных самоназваний (малороссы, русины). В кругах интеллигенции термин «украинцы» стал широко употребимым накануне и в ходе Февральской революции

* Для цитирования: *Гайда Ф.А.* «Украинец» как самоидентификация в условиях распада империй в начале XX века // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 845–883. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-1

For citation: *Gayda, F.* “A Ukrainian” as Self-Identification in the Context of the Collapse of Empires in the Early Twentieth Century.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 845–883, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-1>

© Гайда Ф.А., 2019

© Gayda F., 2019

1917 г. В это время он был усвоен большевиками и впоследствии стал инструментом их политики. «Украинцы» как этническое самоназвание укоренилось только в советское время. В целом этноним «украинцы» стал символом слома имперской идеологии и маркером нового национального движения в Восточной Европе.

Ключевые слова: украинцы, Революционная Украинская партия, Н.И. Михновский, М.С. Грушевский, С. Петлюра, Февральская революция 1917 г., Украинская Народная Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика.

Abstract. The article discusses the history of using the term “a Ukrainian” in the pre-revolutionary period of the history of Russia and during the revolutionary events of the early 20th century. It is shown that initially (at the end of the 19th century), Ukrainians were understood as supporters of the Ukrainophile movement. In the early years of the 20th century the term was reconsidered to acquire class meaning and began to designate the oppressed population of Ukraine (Malorossiya [Little Russia]) following the path of the formation of a new nation. The concept “Ukrainians” was propagandized by the supporters of the Revolutionary Ukrainian Party, who also insisted on the necessity of abandoning the traditional regional self-designations (Malorossy [Little Russians], Rusyns). In the circles of the intelligentsia, the term “Ukrainians” became widely used on the eve and during the February Revolution of 1917. At that time, it was adopted by the Bolsheviks and later became an instrument of their policy. “Ukrainians” as an ethnic self-designation took root only in the Soviet times. In general, the ethnonym “Ukrainians” became a symbol of breakdown of imperial ideology and a marker of the new national movement in Eastern Europe.

Key words: Ukrainians, Revolutionary Ukrainian Party, M.I. Mikhnovsk'kyi, M.S. Hrushevs'kyi, S. Petlyura, the February Revolution of 1917, the Ukrainian People's Republic, the Ukrainian Soviet Socialist Republic

Введение

Современное понятие «украинец» в первую очередь означает этноним (название и самоназвание) одного из восточнославянских народов. Однако в этническом значении этот термин активно используется сравнительно недавно – с начала XX в. Трансформация значения этого понятия, с вытеснением параллельных вариантов, происходила непросто и отражает основные этапы и характер национального украинского движения в двух империях – Российской и Австро-Венгерской.

Тема формирования и развития украинского национального движения обширна и включает как общие обзорные¹, так и специальные работы². Оно также

¹ Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – Москва: Время, 2003; Животко А. Історія української преси. – Київ: Наша культура і наука, 1999; Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. – Киев: Laugus, 2012; Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. – Львів: Накладом власним (з друкарні оо. Василян у Жовкві), 1926; Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине

рассматривается в широком историческом контексте: на фоне дореволюционной правительственной политики и общественных дискуссий по национальному вопросу³, социальной модернизации⁴, формирования новых режимов на развалинах империй⁵. Появились общие работы по белорусской тематике⁶, а также по представлениям о России в славянском мире⁷. Стоит отметить теоретические разработки по теме европейского национализма⁸. Национальное конструирование, создание «воображаемого сообщества» часто обостряло вопрос самоназвания. В последнее время выходят работы по исторической семантике, в том числе и посвященные этнической проблематике⁹. Исторические дискуссии о зна-

XIX–XX вв. – Москва: Имперская традиция, 2007; Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Ответственный редактор Е.Ю. Борисенок. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2008; *Plochy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. – New York: Cambridge university press, 2006 (в переводе на рус. яз.: *Плохий С.* Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в Украине и России. – Харьков: Фолио, 2018).

² *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – Москва: Московский государственный университет, 1959; *Федевич К.К., Федевич К.И.* За Веру, Царя и Кобзаря. Малороссийские монархисты и украинское национальное движение (1905–1917 годы). – Киев: Критика, 2017; *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. – Москва: Издательский дом «Регнум», 2010; *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. – Москва: Политическая энциклопедия, 2018.

³ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006; *Мухомина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – Москва: Институт славяноведения РАН, 2003; *Weeks T.R.* Nation and the State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. – DeKalb: Northern Illinois university press, 1996; *Ascher A. P.A.* Stolypin. The Search of Stability in the Late Imperial Russia. – Stanford: Stanford university press, 2001.

⁴ *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. – DeKalb: Northern Illinois university press, 2003.

⁵ *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия: К истории этнокультурной инженерии. – Москва: Модест Колеров, 2006; *Борисенок Е.Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2015; *Дронов М.Ю.* Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938): дис. ... канд. ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2013; *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007.

⁶ *Латышонак А.* Нацыянальнасьць – Беларус. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009.

⁷ *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2017.

⁸ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2001.

⁹ «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под редакцией А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. – Москва: Новое литературное обозрение,

чении слова «Украина» значительно активизировались после 1991 г. Вместе с тем, история родственного ему понятия «украинец / украинцы» пока не написана.

Основная часть

Само слово «украинец» в русском и польском языках известно с XVI в., оно имело разнообразные значения, но этническое среди них явно не доминировало. «Украинец» был связан с «украиной» – окраиной, пограничьем. Например, изначально «украинцами дворянами» и «украинцами детьми боярскими» именовались пограничные служилые люди Российского государства, несшие в XVI–XVII вв. службу по р. Оке против крымцев. Близким по значению термином в то время пользовались и поляки: он тоже касался пограничных вооруженных сил. В XVII в. «украинцами» также стали именовать казаков: как донских, так и малороссийских. Затем, в начале XVIII в., «украинцами» уже именовались жители Слободской Украины (Слободско-Украинской или Харьковской губернии). С этого времени оно постепенно стало использоваться в качестве самоназвания слобожан, а также малороссийского казачества, однако последнее предпочитало именоваться «козаками» и – в более широком смысле – «народом руським» или «малороссиянами»¹⁰.

С конца XVIII в. русские и иностранные литераторы иногда прибегали к понятию «украинцы» в отношении малороссийского казачества или всего населения Украины–Малороссии, но доминирующим было понятие «малороссияне», с середины XIX в. – «малорусы» и «малоросы». Первая попытка противопоставить термины «малороссияне» и «украинцы» связана с деятельностью «Кирилло-Мефодиевского братства», существовавшего в Киеве в 1845–1847 гг. Настаивая на самостоятельном существовании украинского народа по отношению к русскому, участники «Братства» (Н.И. Костомаров, В.М. Белозерский, П.А. Кулиш) именовали малороссиян «южно-руссами» или «украинцами». Литературный термин «украинцы» был позаимствован из исторического труда А.И. Ригельмана (конец XVIII в.). Широкого распространения он не имел. Интересно отметить, что нет ни одного примера употребления слова «ук-

2012; Грищенко А.И. К новейшей истории слова «россияне» // Русский язык в научном освещении. – № 1(23). – 2012. – С. 126–136; Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия – для русских» в дореволюционной общественной мысли. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2016; Наконечный Е. Украденное имя: Почему русины стали украинцами. – Киев: Издательство Белявского, 2015; Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: Сборник статей / под редакцией Е.Ю. Борисенко, М.Е. Клоповой, М.В. Лескинен. – Москва: Нестор-История, 2016.

¹⁰ Гайда Ф.А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России / Редактор-составитель О.Р. Айрапетов и др. – Т. XII. – Москва: Регнум, 2012. – С. 7–18.

раинцы» одним из наиболее радикально настроенных участников «Братства» Т.Г. Шевченко¹¹.

В целом термин «украинцы» как этноним в середине XIX в. не прижился. От представления о малороссиянах как отдельном этносе позднее отказалось большинство участников «Братства» (например, Костомаров и Кулиш). «Украинцами» наряду с «малорусами» по-прежнему именовали жителей Украины¹². В 1874 г. Костомаров писал:

В народной речи слово «украинец» не употреблялось и не употребляется в смысле народа; оно значит только обитателя края: будь он поляк, иудей – все равно: он украинец, если живет в Украине; все равно, как, напр., казанец или саратовец значит жителя Казани или Саратова <...> Украина значила <...> вообще всякую окраину. Ни в Малороссии, ни в Великороссии это слово не имело этнографического смысла, а имело только географический¹³.

Не удивительно, что «украинцы» отделялись от галицких русинов, проживавших на территории Австро-Венгрии. Даже те общественные деятели (М.П. Драгоманов, Л. Украинка), которые считали малорусов и галичан единым и отдельным народом, понятие «украинцы» на население Галиции не распространяли. Использовался обобщающий термин «русины-украинцы»¹⁴. Галицкий писатель И. Франко, говоривший о едином «украинско-руськом народе», называл себя «русином»¹⁵.

В 1860-е гг. появилось еще одно значение слова «украинцы»: так стали именовать украинофилов – сторонников украинофильского движения. Первоначально такое понимание было свойственно для русских консервативных кругов, но затем усвоено самими украинофилами, в частности М.П. Драгомановым¹⁶. Публицист ввел термин «новое украинство» (1879)¹⁷. Формулируя его

¹¹ Гайда Ф.А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы». – С. 18–23.

¹² Гайда Ф.А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы». – С. 23–25.

¹³ Костомаров Н.И. Историческая поэзия и ее новые материалы // Вестник Европы. – 1874. – № 12. – С. 620.

¹⁴ Гайда Ф.А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы». – С. 25–26.

¹⁵ Франко І. Український і галицький радикалізм // Житє і слово. – 1896. – Т. 6. – С. 244; Франко І. Коли не по конях, так хоч по оглоблях // Житє і слово. – 1897. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 16–17; Франко І. Про життя і діяльність Олександра Кониського. – Львів: Видавництво товариства «Просвіта», 1901; Франко І. Олександр Яківлевич Кониський // Літературно-науковий вістник. – Т. 13. – Кн. 1. – С. 46–47.

¹⁶ Драгоманов М.П. Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»). – Київ: Либідь, 1991. – С. 42 и далее.

¹⁷ Драгоманов М.П. Шевченко, українофілы і соціалізм // Драгоманов М.П. Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»). – С. 130.

задачи, Драгоманов писал: «Украинцам нужны товарищества и товарищества, труды и труды везде – от Кубани до Тисы!..»¹⁸. В программной статье «Что такое украинофильство?» (1881) Драгоманов демонстративно именовал галичан «украинцами» и частью «украинской нации»¹⁹. Термин «украинцы» в данном случае был образован от понятия «украинофилы»:

Посредствующим языком в Славянщине, действительно, имеет более всего шансов сделаться язык великорусский, особенно при изменении к лучшему литературных условий в России. Украинцы не могут иметь ничего против этого посредничества и всегда высказывали ему сочувствие и в России, и даже в Австрии²⁰.

Далее словом «украинцы» в подобном значении публицист не пользовался.

Тем не менее, влияние Драгоманова и его трудов и в Галиции, и в Малороссии было существенным, особенно в конце XIX в., что было связано с социальной модернизацией и оживлением общественной жизни. В 1890 г. сторонники Драгоманова (М. Павлик, И. Франко и др.) создали во Львове «Руско-украинскую радикальную партию»²¹. В 1891 г. в Киеве также было создано «Братство тарасовцев» – первая организация, выступавшая за политическую автономию Украины в составе двух империй: России и Австро-Венгрии²². Одним из основателей «Братства» стал учитель Б.Д. Гринченко. В полемике с Драгомановым, развернувшейся в 1892–1893 гг., Гринченко также использовал термин «русины-украинцы». По отношению к «патриотической украинской интеллигенции» («сознательным украинцам») Гринченко использовал понятия «австрийские украинцы» и «украинцы галицкие, буковинские и венгерские». Poleмический характер словоупотребления виден в том, что в связке друг с другом применялись такие термины, как «украинцы-русины с Украины Надднепрянской, российской» и «русины российские»²³.

Письма Гринченко выходили в газете «Буковина» в 1892–1893 гг.²⁴, письма Драгоманова были опубликованы отдельным сборником в Галиции в 1894 г.²⁵ В результате новое партийно-политическое понятие «украинцы» (украинофилы) было усвоено в Галиции. В 1895 г. о «галицких украинцах» как политическом

¹⁸ Драгоманов М.П. Шевченко, українофіли і соціалізм. – С. 130.

¹⁹ Драгоманов М.П. Что такое украинофильство? // Драгоманов М.П. Вибране («...мії задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»). – С. 439–443.

²⁰ Драгоманов М.П. Что такое украинофильство? – С. 442.

²¹ Українська суспільно-політична думка в 20 столітті: Документи і матеріали / Упоряд. Т. Гунчак, Р. Сольчаник. – Т. 1. – Б. м.: Сучасність, 1983. – С. 9.

²² Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. – С. 23.

²³ Грінченко Б. Листи з України Наддніпрянської (см.: Б. Грінченко – М. Драгоманов. Діалоги про українську національну справу. – Київ: НАН України, 1994. – С. 38, 62, 73, 82, 101, 104).

²⁴ Б. Грінченко – М. Драгоманов. Діалоги про українську національну справу. – С. 20.

²⁵ Листи на Наддніпрянську Україну Михайла Драгоманова. – Коломия: Народ, 1894.

течении уже писал галичанский марксист Ю.А. Бачинский²⁶. В 1896 г. И. Франко употребил понятие «каждый украинец по эту и по ту сторону Збруча» (р. Збруч была пограничной рекой между Россией и Австро-Венгрией)²⁷. С 1898 г. понятие «украинец» уже активно использовалось галицкими националистами–украинофилами²⁸.

Преобразование партийно-политического понятия «украинец» (украинофил) в этноним произошло благодаря участнику «Братства тарасовцев» полтавскому адвокату Н.И. Михновскому. В 1900 г. в Харькове близкими к тарасовцам студентами и семинаристами была создана «Революционная Украинская партия» (РУП). Михновский написал для партии брошюру «Самостійна Україна», которая вскоре была опубликована во Львове. Михновский отождествлял понятия «украинцы», «украинская нация» и «украинский народ». Результатом революционной борьбы должна была стать «одна, единая, неделимая, свободная, самостоятельная Украина от гор Карпатских и по Кавказские». При этом Михновский рассуждал практически лишь о Поднепровье, не касаясь Галичины²⁹. После разрыва с РУП Михновский создал собственную «Украинскую народную партию» и написал для нее «10 заповедей УНП» (1904), среди которых была следующая: «Украина для украинцев! Итак, выгони отовсюду из Украины чужаков-угнетателей»³⁰. Михновский считал «украинцев» угнетенным классом и будущей нацией, которая находится на стадии становления. Будущая свободная Украина рассматривалась им как «республика рабочих людей». Среди существующего правящего слоя, по мнению Михновского, «украинцев» не было, а были лишь «москалы, ляхи, венгры, румыны и жидаы». Сотрудничество с этими «врагами» превращало «украинца» в «рenegата-отступника», «оборотня-отступника» и «изменника», после чего он уже не мог рассматриваться настоящим «украинцем»³¹.

Михновский соединял в своей программе националистическую и социалистическую повестку. Классовая и этническая структура украинского общества накладывались друг на друга. Соответственно, этнизация термина «украинец» получала основание не только политическое, но и идеологическое – классовое. «Украинцем» рассматривался тот, кто был готов участвовать в строительстве будущей нации.

²⁶ Бачинський Ю. Україна Ingredienta // Українська суспільно-політична думка. – С. 31, 33.

²⁷ Франко І. З кінцем року // Українська суспільно-політична думка. – С. 38. Ср. противопоставление галичан и «украинцев» в письмах 1894 и 1899 гг. (Франко І. Зібрання творів у п'ятидесяти томах. – Київ: Наукова думка, 1976–2010. – Т. 49. – С. 472; – Т. 50. – С. 440).

²⁸ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споми́нів. – С. 310.

²⁹ Міхновський М.І. Самостійна Україна. – Київ: Діокор, 2002. – С. 29, 32, 35–37, 41–43.

³⁰ Міхновський М.І. Самостійна Україна. – С. 9.

³¹ Міхновський М.І. Самостійна Україна. – С. 9.

С партийной газетой РУП «Гасло» («Лозунг»), выходящей в 1902–1903 гг., сотрудничал галицкий публицист М. Лозинский. С ноября 1904 г. он начал использовать этноним «украинцы» (а также «галицкие украинцы») в львовском журнале «Літературно-науковий вістник», издававшемся М. Грушевским и И. Франко³². В феврале 1905 г. Лозинский обращал особое внимание читателей на недопустимость употребления наряду со словом «український» традиционного для Галичины понятия «руський»³³. С начала 1905 г. та же тенденция проявилась у публициста газеты «Киевские отклики» полтавчанина И. Стешенко. Он также контактировал с РУП. Стешенко особо отмечал, что «укаинофильство вмещает» как «культурно-национальные идеи», так и «социально-политические»³⁴. Впоследствии, в 1917–1918 гг. публицист занимал пост генерального секретаря (министра) образования Украинской Центральной рады. Использовал понятие «украинцы» с 1905 г. член РУП С. Петлюра (будущий председатель Директории Украинской Народной Республики)³⁵. Наряду с этим он активно разоблачал «денационализированных предателей» – «малоросов»³⁶.

Первая русская революция 1905–1907 гг. способствовала дальнейшему распространению этнонима «украинцы». Откликаясь на происходившие в России события, И. Франко в апреле 1905 г. писал:

Мы, Украинцы, видели до сих пор миллионы примеров, как издевался над живыми людьми и нациями абсолютизм, вооруженный тремя доктринами: православие, самодержавие и обрусение. <...> Мы должны научиться чувствовать себя Украинцами – не галицкими, не буковинскими украинцами, а Украинцами без официальных границ³⁷.

Профессор Лембергского (Львовского) университета (впоследствии председатель Украинской Центральной Рады) М.С. Грушевский первоначально пользовался поздней терминологией Драгоманова. В своих публицистических рабо-

³² Літературно-науковий вістник. – Т. 28. – Кн. 11. – Паг. II. – С. 86; – Т. 29. – Кн. 1. – Паг. II. – С. 32; – Т. 32. – Кн. 10. – Паг. II. – С. 18 и т.д.

³³ Літературно-науковий вістник. – Т. 29. – Кн. 2. – Паг. II. – С. 105. См. также: *Лозинський М.* Українство і москвофільство серед українсько-руського народу в Галичині. – Львів: накладом В. Бачинського, 1909. – С. 9.

³⁴ *Стешенко И.* Украинский вопрос в освещении «Гражданина» // Киевские отклики. – 1905. – 30 марта. См. также: *Стешенко И.* М.П. Драгоманов и его значение в развитии украинского народа // Киевские отклики. – 1905. – 8 июня.

³⁵ *Петлюра С.* Статті, листи, документи. – Нью-Йорк: Центральний комітет вшанування пам'яті Симона Петлюри в Америці; Українська вільна академія наук у США, 1956. – С. 32, 202, 208; *Петлюра С.* Статті, листи, документи. – Т. IV. – Київ: ПП Сергійчук М.І., 2006. – С. 49, 61, 70, 114–116, 135.

³⁶ *Петлюра С.* Статті, листи, документи. – Т. IV. – С. 53–57.

³⁷ *Франко І.* Одвертий лист до галицької української молодіж. – С. 132, 134.

тах Грушевський писав об «українсько-руськом народі»³⁸, розуміючи під «українцями» лише населення російської України³⁹. Можна привести найбільш показові приклади:

Українці повинні стати нацією, якщо не хочуть залишитися паріями серед народностей. Пришло то час – час життя або смерті. Деякі основи національного розвитку створені працею останніх років в Галичині – їх можна присвоїти. Але крім того залишається багато такого, що повинно бути зроблено самими українцями, і не буде, не може бути зроблено ніким іншим за них⁴⁰;

Розуміється, галичани і українці не повинні цього допустити. Те зусилля в українізації Галичини, яке поки здійснювалось свідомо лише одиницями і викликало часто нарікання в людях, не свідомих цього насущного справи, тепер, при такій небезпеці, повинні здійснюватись всіма свідомими галицькими силами⁴¹.

В своєму особистому щоденнику Грушевський також продовжував використовувати слово «українці» в старому, географічному значенні⁴².

Стоить відзначити, що Грушевському були добре відомі історичні приклади найбільш раннього використання терміна «українці» в польських документах XVI–XVII вв., які він цитував в своїх працях⁴³, а також публікував. Грушевський знав, що «українцями» поляки називали жителів окраїн, які могли привертатися до боротьби з повставшим козацтвом. Перше з відомих згадувань «українців» було пов'язане з їх участю в кровавому придушенні повстання С. Наливайка (1596)⁴⁴. Можливо, саме тому історик не надто поспішав застосовувати слово «українці» як етнонім. Крім того,

³⁸ Грушевський М.С. Добиваймося свого університету [1897] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 1. – Львів: Світ, 2002. – С. 164–176; Грушевський М.С. Українсько-руське літературне відродження в історичній розвідці українсько-руського народу [1898] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 1. – С. 111–116).

³⁹ Грушевський М.С. Запомога письменникам [1894] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 11. – Львів: Світ, 2008. – С. 19–23; Грушевський М.С. Українсько-руське літературне відродження в історичній розвідці українсько-руського народу [1898]. – С. 111–116; Грушевський М.С. Як мене спроваджено до Львова, [1898] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 1. – С. 117–122. См. також: Грушевський М. К польсько-українським відносинам Галичини // Київська старина. – 1905. – № 7–8. – С. 200.

⁴⁰ Грушевський М.С. Українство і питання дня в Росії [март 1905] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 1. – С. 293–300.

⁴¹ Грушевський М.С. Галичина і Україна [грудень 1906] // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. – Т. 1. – С. 376–382.

⁴² Грушевський М.С. Щоденник (1888–1894 рр.). – Київ: [б.в.], 1997. – С. 152 (сп. звідси використання слова «русинський»), 196.

⁴³ Грушевський М. Історія України-Руси / Грушевський М. Твори: у 11 т. – Київ: Наукова думка, 1995. – Т. VII. – С. 231.

⁴⁴ Грушевський М. Жерела до історії України-Руси. – Т. 8. – Львів: Археологічна комісія Наукового товариства імені Шевченка, 1908. – С. 92.

это также предполагало отказ от этнонима «русин», который был известен уже с X в. Замена традиционного этнонима на новообразованный могла подорвать историческую схему самого Грушевского, который развивал идею непрерывности истории Украины–Руси с древнейших времен. Подобные опасения обозначились у историка в особом примечании, которым он предвосхитил одну из своих публицистических статей в мае 1905 г.:

В Галичине по старой традиции термины Русь, Русин, русинский означают национальность малоросскую (украинскую по принятой теперь терминологии)⁴⁵.

Показательно, что депутаты Государственной думы I и II созывов (1906–1907 гг.) этнонимом «украинцы» практически не пользовались. Полтавчанин В.М. Шемет (участник «Братства тарасовцев», сторонник Михновского) в своей речи 5 июня 1906 г. лишь потребовал свободного национального самоопределения «украинского народа»⁴⁶. Назвал себя «украинцем» с трибуны II Думы лишь депутат-трудолик от Харьковской губернии крестьянин Ф.К. Васютин⁴⁷. В 1906 г. в Петербурге выходил еженедельник украинской депутатской группы «Украинский вестник», в котором упоминались понятия «австрийские украинцы» и «галичане-украинцы», но в других статьях под «украинцами» понимались лишь жители российской Украины, причем в качестве синонимов присутствовали «малороссияне» и «малороссы»⁴⁸. Выступая ведущим публицистом этого издания, Грушевский обычно пользовался термином «украинский народ»⁴⁹ и лишь в 6-м номере, вышедшем 25 июня 1906 г., выступая против польского национализма в Галиции, применил понятие «украинцы галицкие»⁵⁰. При этом в языке Грушевского также сохранялось и прежнее значение слова «украинцы»⁵¹. Окончательная трансформация произошла в 1907 г.⁵²

⁴⁵ Грушевский М. К польско-украинским отношениям Галиции // Киевские отклики. – 1905. – 23 мая.

⁴⁶ Государственная дума. Созыв I. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1906. – С. 995.

⁴⁷ Государственная дума. Созыв II. Стенографические отчеты. Сессия II. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Типо-литография Авидона, 1907. – Стб. 642.

⁴⁸ П.С. Украинская пресса // Украинский вестник. – 1906. – № 1. – С. 48; Русов А. Несколько слов о территории и населении Украины // Украинский вестник. – 1906. – № 4. – С. 223–224.

⁴⁹ Грушевский М. Задачи «Украинского вестника» // Украинский вестник. – 1906. – № 1. – С. 6; Грушевский М. Украинский Пьемонт // Украинский вестник. – 1906. – № 2. – С. 105.

⁵⁰ Грушевский М. Встревоженный муравейник // Украинский вестник. – 1906. – № 6. – С. 337–341. См. также: Літературно-науковий вістник. – 1907. – Т. 37. – Кн. 1. – С. 42; – Кн. 2. – С. 292.

⁵¹ Грушевский М. Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии // Украинский вестник. – 1906. – № 9. – С. 641.

⁵² Грушевский М. «Конец рутенства!» // Літературно-науковий вістник. – Т. 40. – Львів, 1907. – Кн. 10. – С. 135–147; Грушевский М. Українство і всесловянство // Літературно-

В своих научных трудах Грушевский первоначально также использовал понятия «Русь», «руський»⁵³, «украинско-русская народность»⁵⁴. Хотя в «Истории Украины–Руси» (10 томов, издавались в 1898–1937 гг.) Грушевский активно вводил словосочетания «украинские племена» и «украинский народ» в историографию Древней Руси и даже догосударственного периода, но само слово «украинцы» применялось по отношению к событиям до XVII в. весьма редко и только для российской части Украины⁵⁵. Наряду с этим, очень часто упоминались термины «руський» и «русин». Лишь в 1907 г. произошел перелом: в VI томе, вышедшем в Киеве и Львове в этом году, имело место явное отождествление понятий «русин» и «украинец». При последующих переизданиях предыдущих томов слова «русин» и «украинец-русин» часто заменялись на «украинец»⁵⁶. В том же 1907 г. Грушевский написал:

Имя «Украина», «Украинцы», начавшее приобретать характер национального имени уже с XVII в., когда украинское Поднепровье, носившее это имя специально для обозначения пограничья, окраины, становится очагом национальных движений и национальной жизни Украины⁵⁷.

В отношении слова «украинцы» этот вывод ничем не подкреплялся. Таким образом, в этом вопросе ученый просто подчинился набиравшему силу политическому течению.

Расширительная трактовка этнонима «украинцы» постепенно приживалась в журнале «Украинский вестник»⁵⁸ и в иных украинофильских изданиях России. Младший брат историка приват-доцент Новороссийского университета А.С. Грушевский использовал понятие «украинцы в Галичине» в качестве этнонима в журнале «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» с конца

науковий вістник. – Т. 42. – 1908. – Кн. 6. – С. 543; Грушевский М. На новий рік // Літературно-науковий вістник. – Т. 45. – 1909. – Кн. 1. – С. 123–124.

⁵³ Грушевский М. Вступний виклад з давньої історії Русі, виголошений у Львівському університеті 30 вересня 1894 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – 1894. – Т. IV. – С. 140–150.

⁵⁴ Грушевский М.С. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славянознавству. – Т. I. – Санкт-Петербург: Типографія Імператорської Академії наук, 1904. – С. 301 и т.д.

⁵⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. – Т. I. – Изд. 2-е. – Львів: Накладом автора; з друкарні наукового товариства імені Шевченка, 1904. – С. 4, 166, 173, 269, 271, 511–512, 525–527; – Т. III. – Львів: Накладом автора; з друкарні наукового товариства імені Шевченка, 1905. – С. 147, 466 и т.д.

⁵⁶ Ср. т. I, изд. 2-е (Львів, 1904; с. 269, 275, 525) и изд. 3-е (Київ, 1913; с. 306, 312, 559).

⁵⁷ Грушевский М. Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. – С. 12.

⁵⁸ В. Ж[аботинский]. Non multum, sed multa // Украинский вестник. – 1906. – № 9. – С. 647–650; Дорошенко Д. Ученое общество имени Шевченка во Львове // Украинский вестник. – 1906. – № 9. – С. 667; Дорошенко Д. На Украине // Украинский вестник. – 1906. – № 10. – С. 715.

1906 г.⁵⁹ Известный журнал «Киевская старина», выходящий с 1882 г., в 1907 г. был переименован в «Украину», после чего в нем началось последовательное применение соответствующего этнонима, в том числе по отношению к галицким русинам. В особенности это было характерно для таких авторов, как Д. Дорошенко и С. Петлюра⁶⁰. Ранее оба состояли в РУП, а впоследствии прославились как лидеры украинского националистического движения. Польский историк и украинский общественный деятель В.К. Липинский в 1909 г. уже предлагал использовать понятие «украинец» вместо «русин» на том основании, что его в качестве самоназвания якобы использовали казаки начиная с XVI в. Вероятнее всего, он повторял лишенный аргументации тезис Грушевского⁶¹. Для журнала «Украинская жизнь», выходящего в 1912–1917 гг. в Москве под редакцией С. Петлюры и А. Саликовского, этническое понимание слова «украинцы» стало уже обыденным. Можно привести такой пример:

Толерантное отношение к украинцам Австрии, диктуемое обстоятельствами времени, открыло бы большие возможности: оно создало бы тяготение оторванной историческими условиями части к национальному украинскому целому, связанному с Россией; в результате совершилось бы великое дело исправления исторической ошибки, а воссоединенному в своих частях украинскому народу открылась бы возможность, в единении с возрождающейся Россией и населяющими ее народами, развития его богатых сил⁶².

После окончания Первой русской революции этноним «украинцы» постепенно усваивался в общероссийской среде. С конца 1907 г. он появился в работах В.И. Ульянова-Ленина⁶³, при этом он называл так и галичан⁶⁴. Однако главный в большевистской партии специалист по национальному вопросу И.В. Сталин впервые упомянул «украинцев» лишь в брошюре «Марксизм и национальный вопрос» (1913)⁶⁵. Кадеты заговорили об «украинцах» на ноябрьской партийной конференции 1909 г. под влиянием своего полтавского активи-

⁵⁹ Грушевський О.С. 3 українського культурного і наукового життя середині XIX в. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – Т. 74. – 1906. – С. 83, 87.

⁶⁰ Украина. – 1907. – № 1. II паг. – С. 12–14, 39, 40, 47; – № 2. I паг. – С. 243, 246, 254–257, 261; II паг. – С. 78, 84, 94, 96, 98; – № 4. I паг. – С. 62, 115, 120; II паг. – С. 4.

⁶¹ Lipiński W. Szlachta na Ukrainie. I. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1909. – S. 7–8.

⁶² Петлюра С. Война и украинцы // Украинская жизнь. – 1914. – № 7. – С. 7.

⁶³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 16. – Москва: Издательство политической литературы, 1973. – С. 386; – Т. 17. – Москва: Издательство политической литературы, 1968. – С. 263.

⁶⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 25. – Москва: Издательство политической литературы, 1969. – С. 66.

⁶⁵ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 2. – Москва: ОГИЗ; Издательство политической литературы, 1946. – С. 291, 305.

ста П.И. Чижевского⁶⁶. Однако и позднее, в феврале 1914 г., на заседании Государственной думы как лидер кадетов П.Н. Милюков, так и меньшевик И.Н. Туляков наряду с «украинцами» пользовались и понятием «малороссы»⁶⁷. В научно-популярной литературе замещение «малоросса» на «украинца» в этот период тоже происходило непоследовательно: например, в издание «Народы Земли» (1911) был включен очерк «Украинцы» с соответствующим термином в основном тексте, но в подписях к иллюстрациям значились «малороссы»⁶⁸.

В правительственных и умеренных кругах слово «украинцы» также использовалось, но в значении партийном (укаинофилы). Подобным образом его, в частности, употреблял происходивший с Черниговщины Т.В. Локоть, бывший трудовик, ставший впоследствии русским националистом⁶⁹. 1 мая 1910 г. премьер П.А. Столыпин отдал распоряжение директору Департамента общих дел МВД А.Д. Арбузову: «В ближайший доклад напомните мне о вкравшемся в наш циркуляр о закрытии окраинных политич[еских] обществ неудобном по отношению к украинцам выражении «инородцы»». ⁷⁰ В официальных донесениях Министерства иностранных дел с 1910 г. под «украинцами» понимались галицкие укаинофилы, противостоявшие как полякам, так и «русской партии»⁷¹. Сохранились свидетельства того, что галичане сопротивлялись попыткам навязывания в регионе нового, непривычного понятия. Например, один галицкий русин выразился следующим образом: «Прозывают нас украинцами, а ведь мы ничего не украли»⁷². Кроме того, противопоставление «украинцев» и «малороссов» проникает и в консервативные круги. На упомянутом думском заседании в феврале 1914 г. русский националист из Киева А.И. Савенко аттестовал слово «украинцы» как новое и опасное: по его мнению, оно имело сепаратистское

⁶⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. / Ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2000. – Т. 2. – С. 151, 165–166.

⁶⁷ Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия II. – Ч. 2. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – Стб. 904, 914–916, 919.

⁶⁸ [Березин Н.] Украинцы // Народы Земли. – Кн. 3. – Т. 4. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1911. – С. 49–60.

⁶⁹ Локоть Т.В., Киев – Ф.И. Гучкову, Москва, 4 декабря 1911 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. – Москва: РОССПЭН, 2014. – С. 208.

⁷⁰ Столыпин П.А. Переписка. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 361.

⁷¹ Из докладной записки чиновника МИД В.В. Олферьева (1914 г.) // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. – Тула: Аквариус, 2014. – С. 396; Клопова М.Э. Национальные движения восточнославянского населения Австро-Венгрии глазами русских наблюдателей (конец XIX – начало XX веков) // Русские об Украине и украинцах. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. – С. 291, 296–297, 299, 302, 305, 308–310, 317, 324.

⁷² Антонец Н.И. Наше нынешнее положение (Эпизоды из новейшей истории). – Ч. 1. – Львов: [б.и.], 1907. – С. 61.

значение⁷³. Известный правый депутат из Бессарабии В.М. Пуришкевич возмущался заменой слова «русский» на «украинец» в галицких изданиях повести «Тарас Бульба»⁷⁴.

В период Первой мировой войны русское военное начальство четко различало в рядах противника «русинов» и «украинцев», понимая под последними военнотружущих Легиона украинских сечевых стрельцов (УСС):

Кременецким полком в районе Макувки взяты 2 русин из батальона Долара. Они показали, что на той же высоте находятся две роты украинцев Сечевиков, у которых некоторые офицерские должности заняты женщинами⁷⁵.

27 октября 1914 г. императрица Александра Федоровна сообщала мужу забавный казус: ее фрейлина А.А. Вырубова «сильно флиртует с молодым украинцем»⁷⁶ (в письме это необычное слово было подчеркнуто). 24 августа 1915 г., в ответ на телеграмму графа М. Тышкевича из Швейцарии с выражениями преданности, по распоряжению Николая II министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс передал по телеграфу:

Sa Majesté m'a donné l'ordre de vous remercier ainsi que le groupe d'Ukrainiens réunis en Suisse pour les sentiments exprimés dans votre télégramme (Его величество приказал мне поблагодарить Вас, а также группу собравшихся в Швейцарии украинцев за чувства, выраженные в Вашей телеграмме)⁷⁷.

Смысл термина в данном контексте не вполне понятен: Тышкевич был поляком малороссийского происхождения и украинофилом, поэтому «украинцы» в телеграмме могли иметь политическое, географическое или этническое значение. В записке Департамента полиции МВД об украинском движении (23 июня 1916 г.) термин «украинцы» использовался и в политическом⁷⁸, и в этническом значении⁷⁹.

⁷³ Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия II. – Ч. 2. – Стб. 931–932.

⁷⁴ Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия II. – Ч. 2. – Стб. 723.

⁷⁵ Цит. по: *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. – Москва: Регнум, 2010. – С. 181–182. См. также с. 305, 312.

⁷⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. – Москва–Петроград: Государственное издательство; Централхив, 1923. – С. 41.

⁷⁷ Цит. по: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 183.

⁷⁸ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. – Петроград: [б.и.], 1916. – С. 2, 4, 8, 26, 27, 39, 54, 63, 65, 66, 73.

⁷⁹ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. – С. 8,

Однако в обыденном сознании даже в самой Малороссии понятие «украинец» еще не укоренилось. Будущий секретарь Центральной рады М.М. Еремеев вспоминал:

В ту эпоху само название «украинец» было еще каким-то чужим и странным, потому что украинская литература его никогда не употребляла. Писалось и говорилось: «Украина», «украинский» и даже, очень редко, «украинка», но термин «украинец» был в ту эпоху неологизмом, который тяжело входил в жизнь. Следовательно, нет ничего удивительного, что первый номер нашего гимназического журнала, который мы издавали с Евгением Нероновичем и Петей Чикаленко, начинался словами: «Украинец – что это?»⁸⁰.

Широкое распространение произошло лишь вследствие победы Февральской революции 1917 г. Бывший член РУП и будущий председатель Директории УНР В.К. Винниченко называл своих новоявленных сторонников «мартовскими украинцами»⁸¹. Один из героев его повести «На ту сторону» (1919), в которой описывались события 1918 г., говорил: «Я – малоросс, или, как теперь модно говорить, украинец»⁸².

В официальных документах украинских властей понятие «украинцы» использовалось достаточно редко. Например, в универсалах Центральной Рады оно встречается только дважды, причем в разных значениях. Во II Универсале (3 июля 1917 г.) «украинцы» понимаются в географическом смысле:

Граждане земли Украинской. <...> Что касается комплектования воинских частей, то для этого Центральная Рада будет иметь своих представителей при кабинете Военного Министра, при Генеральном штабе и Верховном Главнокомандующем, которые будут принимать участие в делах комплектования отдельных частей исключительно украинцами постольку, поскольку такое комплектование, по определению Военного Министра, будет являться с технической стороны возможным без нарушения боеспособности армии⁸³.

26–29, 69, 74. См. также записку начальника Волынского губернского жандармского управления В.Е. Гофмана волынскому губернатору А.П. Кутайсову от 30 октября 1911 г. (Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. – С. 485–486). Только политическое значение присутствует в донесении начальника Киевского губернского жандармского управления директору Департамента полиции (Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. – С. 491–492).

⁸⁰ Еремійв М. За лаштунками Центральної Ради (Сторінки зі спогадів) // Український історик. – 1968. – №1–4. – С. 98.

⁸¹ Винниченко В. Щоденник. Т. 1. 1911–1920. – Едмонтон; Нью-Йорк: КІУС; УВАН, 1980. – С. 296.

⁸² Винниченко В. На той бік. Повесть. – Нью-Йорк: УВАН, 1972. – С. 70.

⁸³ Українська суспільно-політична думка. – С. 308–309.

III Универсал (7 ноября 1917 г.), вышедший уже после захвата власти в Петрограде большевиками, придавал слову «украинцы» значение этническое:

Народ украинский и все народы Украины! <...> К территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные в большинстве Украинцами: Киевщина, Подолия, Волинь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсон, Таврия (без Крыма)⁸⁴.

При этом стоит отметить, что уже в I Универсале (10 июня 1917 г.) «украинский народ» определялся как «народ крестьян, рабочих, трудящихся» и «народ рабочих, народ хлеборобов»⁸⁵, а в IV Универсале (12 февраля 1918 г.) Украинская Народная Республика – как «крестьянско-рабочая»⁸⁶. Таким образом, закреплялось провозглашенное Михновским классовое, социалистическое понимание «украинцев» как «безбуржуазной нации»⁸⁷. В результате в период гражданской войны самоназвание «украинец» в Киеве в образованной среде зачастую переименовывалось в ругательство «украинец»⁸⁸.

Официальное этническое самоназвание «украинцы» укрепилось лишь после создания УССР⁸⁹. 22 ноября 1917 г. Ленин заявил:

Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии⁹⁰.

В мае 1920 г. В.К. Винниченко писал:

Украинцам надо быть как можно более последовательными, вернейшими коммунистами, чтобы стоять на страже полной коммунистической последовательности, поскольку именно коммунизм не допускает господства нации над нацией⁹¹.

Нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин 10 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) отметил:

⁸⁴ Українська суспільно-політична думка. – С. 340–343.

⁸⁵ Українська суспільно-політична думка. – С. 295, 297–298.

⁸⁶ Українська суспільно-політична думка. – С. 374.

⁸⁷ Винниченко В. Відродження нації: (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). – Київ-Відень: [б.в.], 1920. – Ч. 2. – С. 101–102.

⁸⁸ Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною... – Москва: Возвращение, 2000. – С. 71.

⁸⁹ Борисенко Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 838–851.

⁹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. – Москва: Издательство политической литературы, 1974. – С. 116.

⁹¹ Винниченко В. Політичні листи. – Київ-Відень: Нова доба, 1920. – С. 18–19.

Недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы⁹².

С 1932 г. в СССР была введена единая паспортная система, в документе указывалась национальность, что утверждало приоритет официального термина «украинец» над любыми иными.

В Галиции «украинцы» как этническое самоназвание стало распространяться после 1914 г. Например, униатский митрополит Андрей (граф Шептицкий) в своих довоенных посланиях пользовался традиционными понятиями «народ русский» и «русини» («русини»)⁹³. Первая эпизодическая попытка утвердить понятие «украинцы» официально была предпринята в обращении императора Франца Иосифа к депутатам-галичанам в 1912 г.⁹⁴ Галицийская газета «Свобода», издававшаяся в США с 1893 г. и использовавшая понятия «русский народ», «русский народ», «русский народ», заменила их на термин «украинцы» 15 октября 1914 г.⁹⁵ Это слово также активно использовалось в обращении Общей Украинской рады, принятом в Вене 15 сентября 1916 г.⁹⁶ В официальной брошюре, опубликованной в начале 1918 г. по случаю возвращения в Австро-Венгрию из российского плена А. Шептицкого, часто и нарочито упоминались «галицкие украинцы» и «буковинские украинцы» в этническом смысле⁹⁷. Окончательное официальное закрепление самоназвания «украинцы» в Галиции началось в конце 1918 г. В Уставе Украинской Национальной Рады от 18 октября 1918 г. в г. Львове был обозначен лишь «украинский народ»⁹⁸, но принятый 13 ноября 1918 г. Временный основной закон Западноукраинской Народ-

⁹² *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 48–49.

⁹³ Листъ пастирскій високопреосвященого Андрея Шептицкого ... до руської інтелігенції. – Жовква: Печатня оо. Василян, 1901. С. 44; *Шептицкий А.*, митр. Канадйским русинам. – Жовква: Печатня оо. Василян, 1911. – С. 8, 10–12, 15, 25, 27, 33, 35, 39, 47–49, 55, 57, 58, 67, 92.

⁹⁴ *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. – С. 620–621.

⁹⁵ Сколько лет назад появились украинцы? – URL: <http://novorus.info/news/interesno/26877-skolko-let-nazad-poyavilis-ukraincy.html> (дата обращения: 23.01.2017). См. архив газеты «Свобода». – URL: <http://www.svoboda-news.com/arxiv/pdf/1914/Svoboda-1914-62.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).

⁹⁶ Українська суспільно-політична думка. – С. 224–225.

⁹⁷ Царський вязень. 1914–1917. – Львів: Накладом Комітету «Живого Пам'ятника»; з печатні Ставропігійського Інститута, 1918. – С. 108, 114, 117, 129, 136, 137, 139, 154, 162.

⁹⁸ *Левицький К.* Великий зрив. (До історії української державності від березня до листопада 1918 р. на підставі споминів та документів). – Львів: Червона Калина, 1931. – С. 113–114.

ной Республики уже называл «украинцев» в этническом смысле (арт. I)⁹⁹. Акт объединения УНР и ЗУНР от 22 января 1919 г. упоминал «всех украинцев б[ывшей] Австрийской империи»¹⁰⁰.

При присоединении западноукраинских земель к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. был восстановлен прежний официальный термин «русины». Этноним «украинцы» в это время звучал слишком покоммунистически. Лишь после смерти Й. Пилсудского украинские депутаты польского Сейма подняли вопрос об официальном переименовании. В результате был издан циркуляр МВД о замене термина «русин» на «украинец». Однако на практике изменения происходили медленно¹⁰¹. Закрепление нового этнонима полностью произошло только после вхождения Западной Украины в состав УССР в 1939 г. В Закарпатской области это случилось в 1945 г.¹⁰² Межвоенные и послевоенные попытки властей ввести самоназвание «украинцы» в среде словацких русинов успеха не имели¹⁰³.

Заключение

Таким образом, этноним «украинцы» стал символом слома имперской идеологии и маркером нового национального движения в Восточной Европе. Первоначально (в конце XIX в.) под «украинцами» понимались сторонники украинофильского движения. В первые годы XX в. термин был переосмыслен в классовом смысле и стал означать угнетенных, идущих по пути формирования новой нации. Пропаганда понятия «украинцы» осуществлялась сторонниками Революционной Украинской партии, которые также настаивали на необходимости отказа от традиционных региональных самоназваний (малороссы, русины). В кругах интеллигенции термин «украинцы» стал широко употребимым накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. В это время он был усвоен большевиками и впоследствии стал инструментом их политики. «Украинцы» как этническое самоназвание укоренилось только в советское время.

⁹⁹ Українська суспільно-політична думка. – С. 406.

¹⁰⁰ Акт объединения УНР и ЗУНР от 22 января 1919 г. Факсимиле оригинала: – URL: <http://www.archives.gov.ua/Sections/Constitution/2/index.php?41> (дата обращения: 23.01.2017).

¹⁰¹ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – S. 88–89, 212–213, 270–275, 322–323. См. также: *Борисенко Е.Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). – С. 664–670.

¹⁰² *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия: К истории этнокультурной инженерии. – Москва: Модест Колеров, 2006. – С. 251–254.

¹⁰³ *Дронов М.Ю.* Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938): дис. ... канд. ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 53, 55, 199–200, 204, 222, 237, 244, 249–250; *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия: К истории этнокультурной инженерии. – С. 254–258.

Introduction

The modern concept “Ukrainian” in the first place means the ethnonym (name and self-designation) of one of the East Slavic peoples. However, in the ethnic sense, this term has been in active use for a relatively short time, since the beginning of the twentieth century. The transformation of the meaning of this concept, with the repression of parallel variants, was not easy and reflected the main stages and the character of the Ukrainian national movement in two empires, the Russian Empire and the Austro-Hungarian Empire.

The subject of the formation and development of the Ukrainian national movement is extensive and includes both general overview¹ and special² works. It is also considered in a broad historical context: against the background of pre-revolutionary governmental policy and public debate on the national question,³ social moderniza-

¹ L.D. Kuchma, *Ukraine is not Russia* [in Russian] (Moscow: Vremya, 2003); A. Zhivotko, *History of Ukrainian Press* [in Ukrainian] (Kiev: Nasha kul'tura i nauka, 1999); A. Tolochko, *Kievan Rus' and Malorossiia in the 19th Century* [in Russian] (Kiev: Laurus, 2012); K. Levytsky, *A History of the Political Thought of the Galician Ukrainians. 1848–1914. On the Basis of Reminiscences* [in Ukrainian] (Lviv: Nakladom vlasnim (z drukarni oo. Vasiliyan u Zhovkvi), 1926); N.M. Pashaeva, *Essays on the History of the Russian Movement in Galicia in 19th – 20th Centuries* [in Russian] (Moscow: Imperskaya traditsiya, 2007); E.Yu. Borisenok, ed. *Ukraine and Ukrainians: Images, Ideas, Stereotypes. Russians and Ukrainians in Mutual Communication and Perception* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2008); S. Plokyh, *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (New York: Cambridge University Press, 2006); translated into Russian (Kharkov: Folio, 2018).

² P.A. Zaionchkovskii, *Cyril and Methodius Society (1846–1847)* [in Russian] (Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1959); K.K. Fedevich and K.I. Fedevich, *For Faith, Tsar and Kobzar. Malorossiia Monarchists and the Ukrainian National Movement (1905–1917)* [in Russian] (Kiev: Kritika, 2017); V.B. Kashirin, *Capture of Mount Makovka: Unknown victory of Russian troops in the spring of 1915* [in Russian] (Moscow: Izdatel'skii dom “Regnum,” 2010); V.F. Soldatenko, *In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920: Historical and Historiographical Essays* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018).

³ A.I. Miller, “Ukrainian Question” in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century) [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2000); A.I. Miller, *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006); I.V. Mikhutina, *The Ukrainian Problem in Russia (the late 19th – early 20th century)* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2003); T.R. Weeks, *Nation and the State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996); A. Ascher,

tion,⁴ the formation of new regimes on the ruins of the empires.⁵ General works have been published on Belarusian themes⁶ and on the ideas about Russia in the Slavic world.⁷ It is worth noting theoretical insights into the subject of European nationalism.⁸ National construction and the creation of an “imaginary community” often exacerbated the issue of self-designation. Recently, works on historical semantics, including ethnic issues,⁹ have been published. Historical discussions about the meaning of the word “Ukraine” have become significantly more active since 1991. At the same time, the history of the related notion “a Ukrainian / Ukrainians” has not been written so far.

Main body

The word “Ukrainian” has been known in Russian and Polish since the 16th century, it had various meanings, but the ethnic meaning did not clearly dominate among them. “A Ukrainian” was associated with “Ukraine,” the outskirts, the borderland. For example, initially “Ukrainian noblemen” and “Ukrainians, boyars’ children” were

P.A. Stolypin: The Search of Stability in the Late Imperial Russia (Stanford: Stanford University Press, 2001).

⁴ J.A. Sanborn, *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003).

⁵ K.V. Shevchenko, *Rusyns and Interwar Czechoslovakia: On the History of Ethnocultural Engineering* [in Russian] (Moscow: Modest Kolerov, 2006); E.Yu. Borisenok, *Concepts of “Ukrainization” and Their Implementation in the National Policy in the States of the Eastern European Region (1918–1941)* [in Russian] (Doctoral diss., Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015); M.Yu. Dronov, *The Role of the Greek Catholic Church in the Formation of the Ethno-National Identity of the Rusyns of Slovakia (1919–1938)* [in Russian] (PhD diss., Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013); E. Mironowicz, *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego* (Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007).

⁶ A. Latyshonak, *Nationality – Belarus* [in Byelorussian] (Białystok: Belaruskae gistrarychnae tavarystva; Vilnius: Instytut belarusistyki, 2009).

⁷ I.V. Churkina, *Russia and the Slavs in the Ideology of Slovenian National Figures of the 16th Century – 1914* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2017).

⁸ B. Anderson, *Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism* [in Russian] (Moscow: KANON-press-Ts, 2001).

⁹ A. Miller, D. Sdvizhkov, and I. Sehirle, eds. “*Concepts about Russia*”: *On the historical semantics of the imperial period*, 2 vols. [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012); A.I. Grishchenko, “On the Contemporary History of the Word ‘Russians’” [in Russian], *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(23) (2012): 126–36; A.A. Ivanov, *The Challenge of Nationalism: the Slogan “Russia is for Russians” in Pre-Revolutionary Social Thought* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2016); E. Nakonechnyi, *The Stolen Name: Why Rusyns Became Ukrainians* [in Russian] (Kiev: Izdatel'stvo Belyavskogo, 2015); E.Yu. Borisenok, M.E. Klopova, and M.V. Leskinen, eds. *The Name of a People: Ukraine and Its Population in Official and Scientific Terms, Journalism and Literature: a Collection of Articles* [in Russian] (Moscow: Nestor-Istoriya, 2016).

the words to refer to the servicemen of the Russian state who performed military service on the Oka River guarding it against the Crimean Khanate in the 16th – 17th centuries. A similar term was used by the Poles at the time: it also referred to the border armed forces. In the 17th century, both Don and Malorossiyan [Little Russian] Cossacks also began to be called Ukrainians. Then, at the beginning of the 18th century, the residents of Sloboda Ukraine (Sloboda-Ukrainian or Kharkov Province) were referred to as Ukrainians. From that time on, the word gradually began to be used as a self-designation of Sloboda Ukraine residents and Malorossiyan Cossacks, but the latter preferred to be called Cossacks and, in a broader sense, the people of Rus' or Malorossiyan.¹⁰

Since the end of the 18th century, Russian and foreign writers sometimes resorted to the notion “Ukrainians” in relation to the Malorossiyan Cossacks or the entire population of Ukraine–Malorossiya [Little Russia], but the notion “Malorossiyan” (*Maloruses* and *Malorosy*) was dominant since the mid-19th century. The first attempt to consciously oppose the terms “Malorossiyan” and “Ukrainians” is associated with the activities of the Brotherhood of Saints Cyril and Methodius, which existed in Kiev in 1845–1847. Insisting on the independent existence of the Ukrainian people in relation to the Russians, the participants of the Brotherhood (N. Kostomarov, V. Belozerskii, P. Kulish) called Malorossiyan “South Russians” or “Ukrainians.” The literary term “Ukrainians” was borrowed from the historical work of A.I. Rigelman (late 18th century). But the term was not widespread. It is interesting to point out that there is not a single example of using the word “Ukrainians” by one of the most radical participants of the Brotherhood T.G. Shevchenko.¹¹

In general, the term “Ukrainians” did not come into wide use as an ethnonym in the middle of the 19th century. Most of the participants of the Brotherhood (for example, N. Kostomarov and P. Kulish) later abandoned the idea of Malorossiyan as a separate ethnos. As well as “Malorossiyan,” “Ukrainians” was still the word to refer to the residents of Ukraine.¹² In 1874, Kostomarov wrote:

In the people’s speech, the word “Ukrainian” was not used and is not used to denote a people; it means only an inhabitant of the region: be he a Pole, a Jew – it doesn’t matter: he is a Ukrainian if he lives in the Ukraine; anyway, like, for example, a *kazanets* or a *saratovets* means a resident of Kazan or Saratov. . . . Ukraine meant . . . any outskirts in general. Nei-

¹⁰ F.A. Gayda, “Historical Background of the Origin and Usage of the Word ‘Ukrainians’” [in Russian], in *Russian Collection: Studies in the History of Russia*, vol. 12, ed. O.R. Airapetov et al. (Moscow: Regnum, 2012), 7–18.

¹¹ Gayda, “Historical Background,” 18–23.

¹² Gayda, “Historical Background,” 23–25.

ther in Malorossiia, nor in Great Russia this word had any ethnographic meaning, but only geographical.¹³

Not surprisingly, the Ukrainians were separated from the Galician Rusyns, who lived in the territory of Austria-Hungary. Even those public figures (M. Drahomanov, L. Ukrainka) who considered Malorossiians and Galicians to be one and single people did not extend the concept of Ukrainians to the population of Galicia. The generalizing term “Rusyns-Ukrainians” was used.¹⁴ Galician writer I. Franko, who spoke about the single “Ukrainian-Russian people,” called himself “a Rusyn.”¹⁵

In the 1860s one more meaning of the word “Ukrainians” appeared: this is how Ukrainophiles, supporters of the Ukrainophile movement, were called. Initially, this interpretation was characteristic of Russian conservative circles, but then it was assimilated by Ukrainians themselves, in particular, by M. Drahomanov.¹⁶ The writer coined the term “new Ukrainians” (1879).¹⁷ Formulating their tasks, Drahomanov wrote: “Ukrainians need partnerships and partnerships, works and works everywhere: from Kuban to Tisza! . . .”¹⁸ In the policy article “What is Ukrainophilism?” (1881), Drahomanov defiantly referred to Galicians as “Ukrainians” and as a part of the “Ukrainian nation.”¹⁹ The term “Ukrainians” in this case was derived from the notion of Ukrainophiles:

In the Slavic Region, indeed, there is a greater chance of the Great Russian language to become an interlanguage, especially when the literary conditions in Russia change for the better. Ukrainians cannot have anything against this mediation and have always expressed sympathy for it in Russia and even in Austria.²⁰

Further on, the writer did not use the word “Ukrainians” in a similar sense.

¹³ N.I. Kostomarov, “Historical Poetry and its New Materials” [in Russian], *Vestnik Evropy*, no. 12 (1874): 620.

¹⁴ Gayda, “Historical Background,” 25–26.

¹⁵ I. Franko, “Ukrainian and Galician Radicalism” [in Ukrainian], *Zhyte i slovo*, vol. 6 (1896): 244; I. Franko, “He Who Cannot Beat the Horse, Beats the Saddle” [in Ukrainian], *Zhyte i slovo*, vol. 6, bk. 1 (1897): 16–17; I. Franko, “About Life and Work of Oleksandr Konysky” [in Ukrainian] (Lviv: Vydavnytstvo tovarystva “Prosvita,” 1901); I. Franko, “Oleksandr Yakovych Konysky” [in Ukrainian], *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 13, bk. 1 (1901): 46–47.

¹⁶ M.P. Drahomanov, *Selected Works* (“...my intention is to compose an essay of the history of civilization in Ukraine”) [in Ukrainian] (Kiev: Lybid', 1991), 42, ff.

¹⁷ Drahomanov, “Shevchenko, Ukrainophiles and Socialism” [in Ukrainian], in Drahomanov, *Selected Works*, 130.

¹⁸ Drahomanov, “Shevchenko, Ukrainophiles and Socialism,” 130.

¹⁹ Drahomanov, “What is Ukrainophilism?” [in Russian], in Drahomanov, *Selected Works*, 439–43.

²⁰ Drahomanov, “What is Ukrainophilism?”, 442.

Nevertheless, the influence of Drahomanov and his writings both in Galicia and in Malorossiia was significant, especially at the end of the 19th century, which was associated with social modernization and the revival of social life. In 1890, Drahomanov's supporters (M. Pavlyk, I. Franko, and others) established the Russian-Ukrainian Radical Party in Lviv.²¹ In 1891, the Brotherhood of Tarasovs was also established in Kiev to be the first organization that advocated the political autonomy of Ukraine as a part of two empires: Russia and Austria-Hungary.²² One of the founders of the brotherhood was B. Hrinchenko, a teacher. In the polemic with Drahomanov that unfolded in 1892–1893, Hrinchenko also used the term “Rusyn-Ukrainians.” In relation to the “patriotic Ukrainian intelligentsia” (“Conscious Ukrainians”), Hrinchenko used the notions “Austrian Ukrainians” and “Galician, Bukovinian and Hungarian Ukrainians.” The polemical nature of the use of the word is evident in the fact that such terms as “Ukrainians-Rusyns from Dnieper Ukraine” and “Russian Rusyns” were used in the same context in close connection to each other.²³

Hrinchenko's letters were published in the newspaper *Bukovyna* in 1892–1893,²⁴ Drahomanov's letters were published in a separate collection in Galicia in 1894.²⁵ As a result, the new party-political concept “Ukrainians” (Ukrainophiles) was adopted in Galicia. In 1895, the Galician Marxist Yu. Bachyns'ky²⁶ was writing about the “Galician Ukrainians” as a political movement. In 1896, I. Franko used the concept “every Ukrainian on this and on the other side of the Zbruch”²⁷ (the Zbruch River was a border river between Russia and Austria-Hungary). Since 1898, the concept “A Ukrainian” was actively used by the Galician Ukrainophile nationalists.²⁸

The transformation of the party-political notion “Ukrainian” (Ukrainophile) into an ethnonym occurred thanks to a member of the Brotherhood of Tarasovs M. Mikhnovs'kyi, a lawyer from Poltava. In 1900, the Revolutionary Ukrainian Party

²¹ T. Gunchak and R. Sol'chanik, comps., *Ukrainian Socio-Political Thought in the 20th Century: Documents and Source Materials* [in Ukrainian], vol. 1 (n.p.: Suchasnist', 1983), 9.

²² Gunchak and Sol'chanik, *Ukrainian Socio-Political Thought*, 23.

²³ B. Hrinchenko, “Letters from Dnieper Ukraine” [in Ukrainian], in *B. Hrinchenko – M. Drahomanov. Dialogues about Ukrainian National Cause* [in Ukrainian] (Kiev: NAN Ukrayiny; Institut ukrayins'koyi arkhheografii, 1994), 38, 62, 73, 82, 101, 104.

²⁴ *Hrinchenko – M. Drahomanov. Dialogues about Ukrainian National Cause*, 20.

²⁵ *Letters to Dnieper Ukraine of Mikhaïlo Drahomanov* [in Ukrainian] (Kolomyia: Narod, 1894).

²⁶ Yu. Bachyns'ky, “Ukraine Irredenta” [in Ukrainian], in Gunchak and Sol'chanik, *Ukrainian Socio-Political Thought*, 31, 33.

²⁷ I. Franko, “On the End of the Year” [in Ukrainian], in *Ukrainian Socio-Political Thought*, 38. Cf. the opposition between Galicians and Ukrainians in the letters of 1894 and 1899, see I. Franko, *Collected Works in 50 Volumes* [in Ukrainian], (Kiev: Naukova dumka, 1976–2010), 49:472; 50:440.

²⁸ Levytsky, *A history of the Political Thought of the Galician Ukrainians*, 310.

(RUP) was established in Kharkov by the students and seminarians who were close to the Tarasovs. For the party, Mikhnovs'kyi wrote the brochure “Independent Ukraine,” which was soon published in Lviv. Mikhnovs'kyi identified the concepts of Ukrainians, Ukrainian nation and Ukrainian people. The revolutionary struggle was to result in “one, united, indivisible, free, independent Ukraine stretching from the Carpathian Mountains to the Caucasus.” At the same time, Mikhnovs'kyi was practically talking about the Dnieper region, without touching upon Galicia²⁹. After leaving the RUP, Mikhnovs'kyi established his own Ukrainian People’s Party and wrote the “Ten Commandments” (1904) for it, among which was the following: “Ukraine is for Ukrainians! So, drive alien oppressors out of every place in Ukraine.”³⁰ Mikhnovs'kyi considered Ukrainians an oppressed class and a future nation that was in its infancy. The future free Ukraine was viewed as the “republic of working people.” According to Mikhnovs'kyi, there were no Ukrainians among the existing ruling stratum, but there were only Muscovites, Poles, Hungarians, Romanians and Jews. Cooperation with those “enemies” turned a Ukrainian into a renegade-apostate, a werewolf-apostate and a traitor, after which he could no longer be considered a real Ukrainian.³¹

In his program Mikhnovs'kyi combined nationalist and socialist agenda. The class and ethnic structure of Ukrainian society overlapped. Accordingly, the ethnization of the term “Ukrainian” received not only political, but also ideological, i.e. class, basis. A person who was willing to participate in the construction of the future nation was considered a Ukrainian.

A Galician writer of political essays M. Lozynsky collaborated with *Gaslo* [Slogan], the newspaper of the RUP, which was published in 1902–1903. From November 1904, he began to use the ethnonym “Ukrainians” (and “Galician Ukrainians”) in the Lviv journal *Literaturno-naukovyi vistnyk* [Literary and Scientific Bulletin], published by M. Hrushevs'kyi and I. Franko.³² In February 1905, Lozynsky paid special attention of readers to the inadmissibility of the use of the traditional for Galicia concept “rus'kyi” [of Rus'] along with the word “Ukrainian.”³³ From the beginning of 1905, the same tendency manifested itself in the works of I. Steshenko, a contributor to the newspaper *Kievskie otkliki* [Kiev Responses]. He also was in contact with the RUP. Steshenko especially stressed that Ukrainophilism embraced both “cultural and

²⁹ M.I. Mikhnovs'kyi, *Independent Ukraine* [in Ukrainian] (Kiev: Diokor, 2002), 29, 32, 35–37, 41–43.

³⁰ Mikhnovs'kyi, *Independent Ukraine*, 9.

³¹ Mikhnovs'kyi, *Independent Ukraine*, 9.

³² *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 28, bk. 11 (1904): pag. 2: 86; vol. 29, bk. 1 (1905): pag. 2: 32; vol. 32, bk. 10 (1905): pag. 2: 18, etc.

³³ *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 29, bk. 2 (1905): pag. 2: 105. See also M. Lozins'kii, *Ukrainian Identity and Moscowphilism among Ukrainian Russian People in Galicia* [in Ukrainian] (Lviv: Nakladom V. Bachyns'kogo, 1909), 9.

national ideas” and “social and political.”³⁴ Subsequently, in 1917–1918, Steshenko held the post of Secretary General (Minister) of Education of the Ukrainian Central Rada. S. Petlyura, a member of the RUP and the future chairman of the Directory of the Ukrainian People’s Republic, used the concept “Ukrainians” from 1905.³⁵ Along with this, he actively exposed the “denationalized traitors,” “Malorossiyan.”³⁶

The First Russian Revolution of 1905–1907 contributed to the further spread of the ethnonym “Ukrainians.” Responding to the events that took place in Russia, I. Franko wrote in April 1905:

We, Ukrainians, have seen so far millions of examples of how living people and nations were tortured by the absolutism, armed with three doctrines: Orthodoxy, autocracy and Russification. . . . We must learn how to feel ourselves as Ukrainians – not Galicia or Bukovina Ukrainians, but Ukrainians without official borders.³⁷

M. Hrushevs'kyi, a Professor at Lemberg (Lviv) University, and later the Chairman of the Ukrainian Central Rada, originally used the later terminology of Drahomanov. In his journalistic works, Hrushevs'kyi wrote about the “Ukrainian-Rus' people,”³⁸ meaning by Ukrainians the population of Russian Ukraine only.³⁹ We can give the most illustrative examples:

Ukrainians should become a nation if they do not want to remain pariahs among the nationalities. The time has come – the time of life or death. Some foundations for national development have been created by the work of recent years in Galicia – they can be appro-

³⁴ I. Steshenko, “Ukrainian Question covered by *Grazhdanin*” [in Russian], *Kievskie otkliki*, March 30, 1905. See also I. Steshenko, “M.P. Drahomanov and His Significance in the Development of the Ukrainian People” [in Russian], *Kievskie otkliki*, June 8, 1905.

³⁵ S. Petlyura, *Articles, Correspondence, Documents* [in Ukrainian] (New York: Petlyura Memorial Committee; Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the USA, 1956), 32, 202, 208; S. Petlyura, *Articles, Correspondence, Documents* [in Ukrainian], vol. 4 (Kiev: PP Serhiichuk M.I., 2006), 49, 61, 70, 114–16, 135.

³⁶ Petlyura, *Articles, Correspondence, Documents*, vol. 4, 53–57.

³⁷ I. Franko, “Open Letter to Galician Ukrainian Youth” [in Ukrainian], in *Ukrainian Socio-Political Thought*, 132, 134.

³⁸ M.S. Hrushevs'kyi, “Striving for Our Own University” [1897] [in Ukrainian], in M.S. Hrushevs'kyi, *Writings. 50 vols.*, vol. 1 (Lviv: Svit, 2002), 164–76; M.S. Hrushevs'kyi, “Ukrainian-Russian Literary Revival in the Historical Development of Ukrainian-Russian People” [1898] [in Ukrainian], in Hrushevs'kyi, *Writings*, vol. 1, 111–16.

³⁹ M.S. Hrushevs'kyi, “In Aid of the Writers” [1894] [in Ukrainian], in Hrushevs'kyi, *Writings*, vol. 11 (Lviv: Svit, 2008), 19–23; Hrushevs'kyi, “Ukrainian-Russian Literary Revival,” 111–16; M.S. Hrushevs'kyi, “How I Was Sent Out to Lviv” [1898] [in Ukrainian], in Hrushevs'kyi, *Writings*, vol. 1, 117–122. See also M. Hrushevs'kyi, “On Polish-Ukrainian Relations in Galicia” [in Russian], *Kievskaya starina*, no. 7–8 (1905): 200.

priated. But besides that, a lot of things remain that must be done by Ukrainians themselves, and will not and cannot be done by anyone else for them.⁴⁰

Of course, Galicians and Ukrainians should not allow this to happen. Those efforts in the Ukrainianization of Galicia, which so far have been undertaken consciously only by single individuals and have often caused criticism in people who are not aware of this vital cause, now, in such danger, must be carried out by all conscious Galician forces.⁴¹

In his personal diary, Hrushevs'kyi also continued to use the word “Ukrainians” in the old, geographical, meaning.⁴²

It is worth noting that Hrushevs'kyi was well aware of historical examples of the earliest use of the term “Ukrainians” in Polish documents of the 16th – 17th centuries, which he quoted in his works⁴³ and also published. Hrushevs'kyi knew that “Ukrainians” was the name the Poles used to refer to the residents of the outskirts, who could be involved in the fight against the rebellious Cossacks. The first known mention of Ukrainians was associated with their participation in the bloody suppression of the Nalyvaiko Uprising (1596).⁴⁴ Perhaps, that is why the historian was not in a hurry to use the word “Ukrainians” as an ethnonym. Besides, it would also imply the rejection of the ethnonym “Rusyn,” which had been known since the 10th century. Replacing the traditional ethnonym with the new one could undermine the historical model of Hrushevs'kyi, who developed the idea of continuity of the history of Ukraine–Rus' since the ancient times. Similar concerns were identified by the historian in a special note, with which he began one of his journalistic articles in May 1905:

In Galicia, according to the old tradition, the terms “Rus',” “Rusyn,” “Rutheinan” designate the Malorossiyan nationality (Ukrainian, according to the terminology now adopted).⁴⁵

It is significant that the deputies of the State Duma of the First and Second Conventions (1906–1907) practically did not use the ethnonym “Ukrainians.” V. Shemet from Poltava (a member of the Brotherhood of Tarasovs and a supporter of Mikhnovs'kyi) in his speech on June 5, 1906, only demanded free national self-

⁴⁰ M.S. Hrushevs'kyi, “Ukrainian Identity and the Issue of the Day in Russia” [March 1905] [in Ukrainian], in Hrushevs'kyi, *Writings*, vol. 1, 293–300.

⁴¹ M.S. Hrushevs'kyi, “Galicia and Ukraine” [December 1906] [in Ukrainian], in Hrushevs'kyi, *Writings*, vol. 1, 376–82.

⁴² M.S. Hrushevs'kyi, *The Diary (1888–1894)* [in Ukrainian] (Kiev: [n.p.], 1997), 152. (Cf., *ibid.*, 196, the use of the word *Rusyn'skyi* [Ruthenian]).

⁴³ M.S. Hrushevs'kyi, *History of Ukraine-Rus'*, in 11 vols. [in Ukrainian], vol. 7 (Kiev: Naukova dumka, 1995), 231.

⁴⁴ M.S. Hrushevs'kyi, *Sources to the History of Ukraine-Rus'* [in Ukrainian], vol. 8 (Lviv: Arkheografichna komisiya Naukovoho tovarystva imeni Shevchenka, 1908), 92.

⁴⁵ M.S. Hrushevs'kyi, “On Polish-Ukrainian Relations of Galicia.” [in Russian], *Kievskie otkliki*, May 23, 1905.

determination of “the Ukrainian people.”⁴⁶ The only person to call himself a Ukrainian from the rostrum of the Second Duma was Trudovik deputy from the Kharkov Province F.K. Vasyutin, a peasant.⁴⁷ In 1906, the Ukrainian deputy group published the weekly *Ukrainskii vestnik* [Ukrainian Bulletin], which mentioned “Austrian Ukrainians” and “Galician-Ukrainians,” but in other articles “Ukrainians” were understood as the residents of Russian Ukraine, with “Malorossiyan” and “Malorossy” being used synonymically.⁴⁸ Being the leading writer of this edition, Hrushevs'kyi usually used the term “Ukrainian people”⁴⁹ and only in the 6th issue, published on June 25, 1906, speaking against Polish nationalism in Galicia, he used the concept “Galician Ukrainians.”⁵⁰ At the same time, the former meaning of the word “Ukrainians” was also preserved in Hrushevs'kyi’s language.⁵¹ The final transformation took place in 1907.⁵²

In his scholarly works, initially Hrushevs'kyi also used the concepts “Rus',” “Ruthenian,”⁵³ “Ukrainian-Russian people.”⁵⁴ Although in “The History of Ukraine-Rus’” (10 volumes, published in 1898–1937), Hrushevs'kyi actively introduced the phrases “Ukrainian tribes” and “Ukrainian people” into the historiography of Ancient Rus' and even of the pre-state period, the word “Ukrainians” was used very rarely with reference to the events before the 17th century, and only for the Russian part of

⁴⁶ The State Duma of the Russian Empire of the First Convocation, verbatim reports, session 1, part 2 (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1906), 995.

⁴⁷ The State Duma of the Russian Empire of the Second Convocation, verbatim reports, session 2, part 2 (St Petersburg: Tipo-litografiya Avidona, 1907), col. 642.

⁴⁸ P.S., “The Ukrainian Press” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 1 (1906): 48; A. Rusov, “A Few Words about the Territory and Population of Ukraine” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 4 (1906): 223–24.

⁴⁹ M. Hrushevs'kyi, “The Tasks of the *Ukrainskii vestnik*” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 1 (1906): 6; M. Hrushevs'kyi, “Ukrainian Piedmont” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 2 (1906): 105.

⁵⁰ M. Hrushevs'kyi, “Anthill Stirred Up” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 6 (1906): 337–41. See also *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 37, bk. 1 (1907): 42; vol. 37, bk. 2 (1907): 292.

⁵¹ M. Hrushevs'kyi, “The Course of Political and Public Ukrainian Thought in the 19th Century” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 9 (1906): 641.

⁵² M. Hrushevs'kyi, “The End of Ruthenian Identity” [in Ukrainian], *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 40, bk. 10 (1907): 135–47; M. Hrushevs'kyi, “Ukrainian and All-Slavic Identity” [in Ukrainian], *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 42, bk. 6 (1908): 543; M. Hrushevs'kyi, “On the New Year” [in Ukrainian], *Literaturno-naukovyi vistnyk*, vol. 45, bk. 1 (1909): 123–24.

⁵³ M. Hrushevs'kyi, “Introductory Lecture on the Ancient History of Rus', Delivered in Lviv University on September 30, 1894” [in Ukrainian], *Zapysky Naukovogo tovarystva imeni Shevchenka*, vol. 4 (1894): 140–50.

⁵⁴ M. Hrushevs'kyi, “The Usual Model of ‘Russian’ History and the Cause of Compiling Rationally the History of Eastern Slavs” [in Ukrainian], in *Stat'i po slavyanovedeniyu*, iss. 1 (St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1904), 301, ff.

Ukraine.⁵⁵ Along with this, the terms “Ruthenian” and “Rusyn” were often mentioned. Only in 1907 there was a turning point: in Volume 6, published in Kiev and Lviv that same year, there was a clear identification of the concepts “Rusyn” and “Ukrainian.” In subsequent reprints of previous volumes, the words “Rusyn” and “Ukrainian-Rusyn” were often replaced with “Ukrainian.”⁵⁶ In the same 1907, Hrushevs'kyi wrote:

The name “Ukraine,” “Ukrainians” began to acquire the character of a national name as early as in the 17th century, when the Ukrainian Dnieper region, which bore this name specifically to refer to the border, the outskirts, became the center of national movements and national life of Ukraine.⁵⁷

With regard to the word “Ukrainians” this conclusion was not supported by anything. Thus, in this matter, the scholar simply submitted to the political trend that was gaining strength.

A broader interpretation of the ethnonym “Ukrainians” was gradually taking root in the *Ukrainskii vestnik*⁵⁸ and in other Ukrainophile publications in Russia. The younger brother of the historian, privat-docent at the University of Novorossiysk, O.S. Hrushevs'kyi used the concept “Ukrainians in Galicia” as an ethnonym in the journal *Zapysky Naukovogo tovarystva imeni Shevchenka* [Bulletin of the Shevchenko Scientific Society] from the end of 1906.⁵⁹ *Kievskaya starina* [Kiev Antiquity], a well-known journal, published since 1882, was renamed *Ukraina* in 1907, and after that it started the consistent use of the corresponding ethnonym, among other things, to refer to Galicia Rusyns. In particular, that was typical for such authors as D. Doroshenko and S. Petlyura.⁶⁰ Both of them were members of the RUP earlier, and later they became famous as the leaders of the Ukrainian nationalist movement. As early as in 1909, W. Lipiński, a Polish historian and a Ukrainian public figure, proposed that the concept “Ukrainian” should be used instead of “Rusyn” on the

⁵⁵ M. Hrushevs'kyi, *History of Ukraine-Rus'* [in Ukrainian], 2nd ed., enl., vol. 1 (Lviv: Nakladom avtora; z drukarni naukovogo tovarystva imeni Shevchenka, 1904), 4, 166, 173, 269, 271, 511–12, 525–27; vol. 3 (Lviv: Nakladom avtora; z drukarni naukovogo tovarystva imeni Shevchenka, 1905), 147, 466, ff.

⁵⁶ Cf. vol. 1, 2nd ed. (Lviv, 1904), 269, 275, 525; vol. 1, 3rd ed. (Kiev, 1913), 306, 312, 559.

⁵⁷ M. Hrushevs'kyi, *Liberation of Russia and the Ukrainian Question. Articles and Notes* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1907), 12.

⁵⁸ V. Zh[abotinskii], “Non multum, sed multa” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 9 (1906): 647–650; D. Doroshenko, “Shevchenko Scientific Society in Lviv” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 9 (1906): 667; D. Doroshenko, “In Ukraine” [in Russian], *Ukrainskii vestnik*, no. 10 (1906): 715.

⁵⁹ O.S. Hrushevs'kyi, “From Ukrainian Cultural and Scientific Life in the Middle of the 19th Century” [in Ukrainian], *Zapysky Naukovogo tovarystva imeni Shevchenka*, vol. 74 (1906): 83, 87.

⁶⁰ *Ukraina*, no. 1 (1907): pag. 2: 12–14, 39, 40, 47; no. 2 (1907): pag. 1: 243, 246, 254–57, 261; pag. 2: 78, 84, 94, 96, 98; no. 4 (1907): pag. 1: 62, 115, 120; pag. 2: 4.

grounds that Cossacks allegedly used it as their self-designation from the 16th century. Most likely, he just repeated Hrushevs'kyi's point that was lacking in arguments.⁶¹ In the monthly *Ukrainskaya zhizn'* [Ukrainian Life], edited by S. Petlyura and A. Salikovskii and published in 1912–1917 in Moscow, the ethnic understanding of the word “Ukrainians” became commonplace. Here is an example:

Tolerant attitude towards the Ukrainians of Austria, dictated by the circumstances of the time, would open up great opportunities: it would create the attraction of the part torn off by historical conditions to the national Ukrainian whole associated with Russia; as a result, the great work of correcting the historical mistake would be accomplished, and the opportunity to develop their rich forces would open up to the Ukrainian people in unity with the resurgent Russia and its peoples.⁶²

After the end of the First Russian Revolution, the ethnonym “Ukrainians” was gradually assimilated into the all-Russian environment. From the end of 1907, it appeared in the works of V. Ulyanov-Lenin,⁶³ but he also referred so to Galicians.⁶⁴ However, the chief expert of the Bolshevik Party in the national issue I. Stalin first mentioned Ukrainians only in the pamphlet “Marxism and the National Question” (1913).⁶⁵ The Constitutional Democratic Party started talking about Ukrainians at the party conference in November 1909 under the influence of their Poltava activist P. Chizhevskii.⁶⁶ However, later, at the session of the State Duma in February 1914, both the leader of the Cadets P. Milyukov and Menshevik I. Tulyakov used the concept “Malorossiyan” along with “Ukrainians.”⁶⁷ In popular science literature the substitution of “Malorossiyan” for “Ukrainian” was also inconsistent during that period: for example, the essay “Ukrainians” was included in the publication “Peoples of the Earth” with the corresponding term in the main text, but the captions to the illustrations said “Malorossiyan.”⁶⁸

⁶¹ W. Lipiński, *Szlachta na Ukrainie. I. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów* (Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1909), 7–8.

⁶² S. Petlyura, “War and Ukrainians” [in Russian], *Ukrainskaya zhizn'*, no. 7 (1914), 7.

⁶³ V.I. Lenin, *Complete Works* [in Russian], vol. 16 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973), 386; vol. 17 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968), 263.

⁶⁴ V.I. Lenin, *Complete Works*, vol. 25 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969), 66.

⁶⁵ I.V. Stalin, *Writings* [in Russian], vol. 2 (Moscow: OGIZ; Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1946), 291, 305.

⁶⁶ V.V. Shelokhaev, ed. *Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party*, vol. 2 (Moscow: ROSSPEN, 2000): 151, 165–66.

⁶⁷ The State Duma of the Russian Empire of the Fourth Convocation, verbatim reports, session 2, part 2 (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1914), col. 904, 914–16, 919.

⁶⁸ [N. Berezin], “Ukrainians” [in Russian], in *Peoples of the Earth*, bk. 3, vol. 4 (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1911), 49–60.

In the governmental and moderates circles, the word “Ukrainians” was also used, but in the meaning of the party (Ukrainophiles). In particular, it was used in a similar way by T. Lokot' from Chernigov region, a former Trudovik, who later became a Russian nationalist.⁶⁹ On May 1, 1910, Prime-Minister P. Stolypin gave an order to the Director of the Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs A. Arbuzov: “In the next report, remind me of the inconvenient in respect to Ukrainians expression “non-Russians” that crept in our directive on the closure of marginal political societies.”⁷⁰ Since 1910 in the official reports of the Ministry of Foreign Affairs, “Ukrainians” were understood as Galician Ukrainophiles who opposed both the Poles and the “Russian Party.”⁷¹ There is evidence that the Galicians resisted the attempts to impose a new, unusual concept in the region. For example, one Galician Rusyn expressed himself in the following way: “They call us Ukrainians, but we haven't stolen anything.”⁷² Moreover, the opposition of “Ukrainians” and “Malorossiyans” penetrated the conservative circles. At the above-mentioned Duma session in February 1914, A. Savenko, a Russian nationalist from Kiev, qualified the word “Ukrainians” as new and dangerous: in his opinion, it had a separatist meaning.⁷³ A well-known right-wing deputy from Bessarabia V. Purishkevich was indignant at replacing the word “Russian” with “Ukrainian” in the Galician publications of “Taras Bulba.”⁷⁴

During the First World War, the Russian military authorities clearly distinguished between “Rusyns” and “Ukrainians” in the ranks of the enemy, meaning by the latter the soldiers of the Legion of the Ukrainian Sich Riflemen (USS):

⁶⁹ A letter of T.V. Lokot', Kiev, to F.I. Guchkov, Moscow, December 4, 1911 [in Russian], in *Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917: The Material of opening and inspection of mail by the Police Department* (Moscow: ROSSPEN, 2014), 208.

⁷⁰ P.A. Stolypin, *Correspondence* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2004), 361.

⁷¹ From the memorandum of the official of Foreign Ministry V.V. Olf'er'ev (1914), in *Ministry of Foreign Affairs of Russia during the First World War: Collection of Documents*. (Tula: Akvarius, 2014), 396; M.E. Klopova, “National Movements of the Eastern Slavic Population of Austria-Hungary through the eyes of Russian Observers (late 19th – early 20th Centuries)” [in Russian], in *Russians about Ukraine and Ukrainians* (St Petersburg: Aleteiya, 2012), 291, 296–97, 299, 302, 305, 308–10, 317, 324.

⁷² N.I. Antonevich, *Our Current Position (Episodes from Recent History)* [in Russian], part 1 (Lviv: [n.p.], 1907), 61. In the original text there is a pun based on the phonetic similarity between the words *ukraintsy* [Ukrainians] and *ukrast'* [to steal] that results in a nonce meaning of *ukraintsy* – “those who steal.”

⁷³ The State Duma of the Russian Empire of the Fourth Convocation, verbatim reports, session 2, part 2, col. 931–32.

⁷⁴ The State Duma of the Russian Empire of the Fourth Convocation, verbatim reports, session 2, part 2, col. 723

The Kremenets regiment in Makuvka region took 2 Rusyns from the Dolar battalion. They said that at the same height there are two companies of Sich Riflemen, some of the officer positions being occupied by women.⁷⁵

On October 27, 1914, Empress Aleksandra Fyodorovna informed her husband of a funny incident: her lady-in-waiting A. Vyrubova “flirts strongly with a young *Ukrainian*”⁷⁶ (this unusual word was underlined in the letter). On August 24, 1915, in response to the telegram from M. Tyszkiewicz from Switzerland with expressions of loyalty, by order of Nicholas II, the minister of the imperial court V. Frederiks telegraphed:

Sa Majesté m'a donné l'ordre de vous remercier ainsi que le groupe d'Ukrainiens réunis en Suisse pour les sentiments exprimés dans votre télégramme [His Majesty ordered me to thank you, as well as a group of Ukrainians gathered in Switzerland for the feelings expressed in your telegram].⁷⁷

The meaning of the term in this context is not completely clear: Tyszkiewicz was a Pole of Malorossiyan origin and a Ukrainophile, so the “Ukrainians” in the telegram could have political, geographical or ethnic meaning. In a note by the Police Department of the Ministry of Internal Affairs about the Ukrainian movement (June 23, 1916), the term “Ukrainians” was used both in political⁷⁸ and in ethnic meanings.⁷⁹

However, the concept “Ukrainian” had not yet taken root in the ordinary consciousness even in Malorossiya itself. The future secretary of the Central Rada, M. Yeremiyiv recalled:

⁷⁵ Quoted in V.B. Kashirin, *Capture of Mount Makovka: Unknown Victory of Russian Troops in the Spring of 1915* [in Russian] (Moscow: Regnum, 2010), 181–82. See also *ibid.*, 305, 312.

⁷⁶ *Correspondence of Nikolas and Aleksandra Romanov*, vol. 3 (Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Tsentrarkhiv, 1923), 41.

⁷⁷ Quoted in A.I. Miller, *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006), 183.

⁷⁸ Note on the Ukrainian Movement in 1914–1916 with a Brief Essay on the History of this Movement as a Separatist-Revolutionary Movement among the Population of Malorossiya (Petrograd: [n.p.], 1916), 2, 4, 8, 26, 27, 39, 54, 63, 65, 66, 73.

⁷⁹ Note on the Ukrainian Movement in 1914–1916 with a Brief Essay on the History of this Movement as a Separatist-Revolutionary Movement among the Population of Malorossiya, 8, 26–29, 69, 74. See also Note of the Head of the Volyn Province Gendarme Department V.E. Hoffman to the Volyn Governor A.P. Kutaisov of October 30, 1911 in *Ukrainian Identity and Language Issue in the Russian Empire: An Attempt of State Regulation (1847–1914). A Collection of Documents and Materials* [in Ukrainian] (Kiev: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 2013), 485–86. Only political meaning is found in the dispatch of the Head of the Kiev Province Gendarme Department to the Director of the Police Department (*Ukrainian Identity and Language Issue in the Russian Empire*, 491–92).

At that time, the very name “Ukrainian” was still somehow alien and strange, because Ukrainian literature never used it. It was written and said “Ukraine,” “a Ukrainian,” and even, very rarely, “a Ukrainian woman,” but the term “a Ukrainian” was a neologism at that time and had difficulty coming into life. Consequently, it is not surprising that the first issue of our gymnasium journal, which we published with Evgenii Neronovich and Petya Chikalenko, began with the words: “A Ukrainian – what is this?”⁸⁰

A wide spread occurred only as a result of the victory of the February Revolution of 1917. V. Vynnychenko, a former member of the RUP and the future chairman of the Ukrainian People’ Republic Directorate, called his new supporters “March Ukrainians.”⁸¹ One of the characters of his short novel “To the Other Side” (1919), in which the events of 1918 were described, said: “I am a Malorossiyan, or, as it is now fashionable to say, a Ukrainian.”⁸²

The concept “Ukrainians” was rarely used in the official documents of Ukrainian authorities. For example, in the Universal of the Central Rada, it occurs only twice, and in different meanings. In the Second Universal (July 3, 1917) “Ukrainians” are understood in the geographical sense:

Citizens of the Ukrainian land. . . . As for the recruitment of military units, for this the Central Rada will have its representatives at the office of the War Minister, at the General Staff and the Supreme Commander-in-Chief, who will participate in the recruitment of individual units exclusively by Ukrainians insofar as such recruitment, by the definition of the War Minister, will be technically possible without disrupting the combat capability of the army.⁸³

The Third Universal (November 7, 1917), issued after the Bolsheviks seized power in Petrograd, lent ethnic meaning to the word “Ukrainians”:

Ukrainian people and all peoples of Ukraine! . . . The territory of the Ukrainian People’s Republic includes the lands populated mostly by Ukrainians: the regions of Kiev, Podolia, Volyn, Chernigov, Poltava, Kharkov, Yekaterinoslav, Kherson, Taurida (without Crimea).⁸⁴

It should be noted that in the First Universal (June 10, 1917) the “Ukrainian people” were already defined as “the people of peasants, workers, labourers” and “the

⁸⁰ M. Yeremiyiv, “Behind the Scenes of the Central Rada (Pages from the Memoirs)” [in Ukrainian], *Ukrayins'kyi Istoryk*, no. 1–4 (1968): 98.

⁸¹ V. Vynnychenko, *Diary. 1911–1920*, vol. 1. [in Ukrainian] (Edmonton; New York: CIUS; UVAN, 1980), 296.

⁸² V. Vynnychenko, *To the Other Side. A Novel* [in Ukrainian], (New York: UVAN, 1972), 70.

⁸³ *Ukrainian Socio-Political Thought*, 308–09.

⁸⁴ *Ukrainian Socio-Political Thought*, 340–43.

people of workers, the people of grain growers,”⁸⁵ and in the Fourth Universal (February 12, 1918) the Ukrainian People’s Republic was termed “peasants’ and workers’.”⁸⁶ Thus, the socialist class understanding of Ukrainians as a “bourgeoisie-free nation,”⁸⁷ proclaimed by Mikhnovs'kyi, was consolidated. As a result, in the period of the Civil War, the self-designation “Ukrainian” was often reinterpreted by the educated people in Kiev as a swear word “*Ukraionets*”⁸⁸.

The official ethnic self-designation “Ukrainians” was consolidated only after the formation of the Ukrainian SSR.⁸⁹ On November 22, 1917, Lenin declared:

We will say to the Ukrainians: as Ukrainians, you can arrange your life as you wish. But we will lend the fraternal hand to the Ukrainian workers and tell them: together we will fight against your and our bourgeoisie.⁹⁰

In May 1920, V. Vynnychenko wrote:

Ukrainians must be as consistent and loyal Communists as possible, in order to stand guard over complete communist consistency, since it is communism that does not allow a nation to dominate over a nation.⁹¹

At the Tenth Congress of the RCP(b) on March 10, 1921, People’s Commissar for the Affairs of Nationalities of the RSFSR I. Stalin noted:

Recently it was still said that the Ukrainian Republic and the Ukrainian nation are an invention of the Germans. Meanwhile, it is clear that the Ukrainian nation exists, and the development of its culture is the responsibility of the Communists. One cannot go against history. It is clear that Russian elements still prevail in the cities of Ukraine, but over time these cities will inevitably be ukrainized.⁹²

⁸⁵ *Ukrainian Socio-Political Thought*, 295, 297–98.

⁸⁶ *Ukrainian Socio-Political Thought*, 374.

⁸⁷ V. Vynnychenko, *Revival of the Nation (History of Ukrainian Revolution [March 1917 – December 1919])* [in Ukrainian], part 2 (Kiev–Vienna: [n.p.], 1920), 101–02.

⁸⁸ Yu.L. Yurkevich, *The Past Passes Before Me ...* [in Russian] (Moscow: Vozvrashchenie, 2000), 71.

⁸⁹ E.Yu. Borisenok, *Concepts of “Ukrainization” and Their Implementation in the National Policy in the States of the Eastern European Region (1918–1941)* [in Russian] (Doctoral diss., Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015), 838–51.

⁹⁰ V.I. Lenin, *Complete Works*, vol. 35 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974), 116.

⁹¹ V. Vynnychenko, *Political Letters* [in Ukrainian] (Kiev–Vienna: Nova doba, 1920), 18–19.

⁹² I.V. Stalin, *Writings* [in Russian], vol. 5 (Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1947), 48–49.

In 1932, the single passport system was introduced in the USSR, and the document indicated the nationality, which asserted the priority of the official term “a Ukrainian” over any others.

In Galicia, “Ukrainians” as an ethnic self-designation began to spread after 1914. For example, in his pre-war pastoral letters, Uniate Metropolitan Andrey (Count Sheptytsky) used the traditional notions “the people of Rus” and “Rusyns.”⁹³ The first episodic attempt to officially approve the concept “Ukrainians” was made in the appeal of Emperor Franz Joseph to the Galicia deputies in 1912.⁹⁴ The Galician newspaper *Svoboda* [Freedom], published in the USA from 1893, which used the concepts “Russian people,” “Ruthenian people,” “people of Rus” replaced them with the term “Ukrainians” on October 15, 1914.⁹⁵ This word was also widely used in the appeal of the General Ukrainian Council adopted in Vienna on September 15, 1916.⁹⁶ The official brochure published in early 1918 on the occasion of the return of A. Sheptytsky from Russian captivity to Austria-Hungary frequently and deliberately mentioned “Galician Ukrainians” and “Bukovina Ukrainians” in the ethnic sense.⁹⁷ The final official consolidation of the self-designation “Ukrainians” in Galicia began at the end of 1918. The Charter of the Ukrainian National Rada of October 18, 1918 in Lviv designated only the “Ukrainian people,”⁹⁸ but the Provisional Basic Law of the West Ukrainian People’s Republic, adopted on November 13, 1918, referred to Ukrainians in the ethnic sense (art. 1).⁹⁹ Act Zluky [Unification Act] of the Ukrainian People’s Republic and the West Ukrainian People’s Republic of January 22, 1919 referred to “all Ukrainians of the former Austrian empire.”¹⁰⁰

⁹³ A. Sheptytsky, *The pastoral letter of Most Eminent Andrey Sheptytsky ... to Russian Intelligentsia* [in Ukrainian] (Zhovkva: pechatnya oo. Vasyliyan, 1901), 44; A. Sheptytsky, Metropolitan, *To Canadian Rusyns* [in Ukrainian] (Zhovkva: pechatnya oo. Vasyliyan, 1911), 8, 10–12, 15, 25, 27, 33, 35, 39, 47–49, 55, 57, 58, 67, 92.

⁹⁴ Levytsky, *A History of the Political Thought of the Galician Ukrainians*, 620–21.

⁹⁵ “How many years ago did Ukrainians appear?” [in Russian], accessed January 23, 2017, <http://novorus.info/news/interesno/26877-skolko-let-nazad-poyavilis-ukraincy.html>. See the archive of the newspaper *Svoboda*, accessed January 23, 2017, <http://www.svoboda-news.com/arxiv/pdf/1914/Svoboda-1914-62.pdf>.

⁹⁶ Gunchak and Sol'chanik, *Ukrainian Socio-Political Thought*, 224–25.

⁹⁷ *Tsar's Prisoner. 1914–1917* [in Ukrainian], (Lviv: Nakladom Komitetu “Zhivogo Pam'yatnyka”; z pechatni Stavropihiis'kogo Instytutu, 1918), 108, 114, 117, 129, 136, 137, 139, 154, 162.

⁹⁸ K. Levytsky, *The Great Breakdown (To the History of Ukrainian Statehood from March to November 1918 on the Basis of Memoirs and Documents)* [in Ukrainian] (Lviv: Chervona Kalyna, 1931), 113–14.

⁹⁹ Gunchak and Sol'chanik, *Ukrainian Social and Political Thought*, 406.

¹⁰⁰ Act Zluky [Unification Act] of the Ukrainian People’s Republic and the West Ukrainian People’s Republic, 22 January 1919, facsimile of the original, accessed January 23, 2017, <http://www.archives.gov.ua/Sections/Constitution/2/index.php?41>.

When western lands were annexed to Poland by the Treaty of Riga of 1921, the former official term “Rusyns” was restored. The ethnonym “Ukrainians” sounded too communist at the time. Only after the death of Józef Piłsudski did the Ukrainian deputies of the Polish Sejm raise the question of the official renaming. As a result, a circular was issued by the Ministry of Internal Affairs to replace the term “a Rusyn” by “a Ukrainian.” In practice, however, changes were slow.¹⁰¹ The new ethnonym was fully consolidated only after the inclusion of Western Ukraine into the Ukrainian SSR in 1939. In Transcarpathian Oblast, this happened in 1945.¹⁰² Interwar and post-war attempts of the authorities to introduce the self-designation “Ukrainians” among Slovak Rusyns were not successful.¹⁰³

Conclusion

Thus, the ethnonym “Ukrainians” became a symbol of the breaking of imperial ideology and a marker of the new national movement in Eastern Europe. Initially (at the end of the 19th century), “Ukrainians” were understood as supporters of the Ukrainophile movement. In the early years of the 20th century, the term was reconsidered to acquire class meaning and began to designate the oppressed people who were following the path of the formation of a new nation. The concept “Ukrainians” was propagandized by the supporters of the Revolutionary Ukrainian Party, who also insisted on the necessity of abandoning the traditional regional self-designations (Malorossiyans, Rusyns). In the circles of the intelligentsia, the term “Ukrainians” became widely used on the eve and during the February Revolution of 1917. At that time, it was adopted by the Bolsheviks and later became an instrument of their policy. “Ukrainians” as an ethnic self-designation took root only during the Soviet times.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 288 с.

Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2015. – 951 с.

¹⁰¹ E. Mironowicz, *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego* (Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007), 88–89, 212–13, 270–75, 322–23. See also Borisenok, *Concepts of “Ukrainization” and Their Implementation in the National Policy*, 664–70.

¹⁰² K.V. Shevchenko, *Rusyns and Interwar Czechoslovakia: On the History of Ethnocultural Engineering* [in Russian] (Moscow: Modest Kolerov, 2006), 251–54.

¹⁰³ M.Yu. Dronov, *The Role of the Greek Catholic Church in the Formation of the Ethno-National Identity of the Rusyns of Slovakia (1919–1938)* (PhD diss., Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013), 53, 55, 199–200, 204, 222, 237, 244, 249–50; Shevchenko, *Rusyns and Interwar Czechoslovakia*, 254–58.

Грищенко А.И. К новейшей истории слова «россияне» // Русский язык в научном освещении. – № 1(23). – 2012. – С. 126–136.

Дронов М.Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938): дисс. ... канд. ист. наук. – Институт славяноведения РАН, 2013. – 269 с.

Животко А. Історія української преси. – Київ: Наша культура і наука, 1999. – 368 с.

Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – Москва: Московский государственный университет, 1959. – 170 с.

Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия – для русских» в дореволюционной общественной мысли. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2016. – 511 с.

Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: Сборник статей / под редакцией Е.Ю. Борисенко, М.Е. Клопова, М.В. Лескинен. – Москва: Нестор-История, 2016. – 320 с.

Каширин В.Б. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. – Москва: Регнум, 2010. – 388 с.

Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – Москва: Время, 2003. – 489 с.

Латышонак А. Нацыянальнасьць – Беларус. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: інстытут беларусістыкі, 2009. – 558 с.

Левіцький К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. – Львів: Накладом властним (з друкарні оо. Василян у Жовкві), 1926. – 737 с.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 260 с.

Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – Москва: Институт славяноведения РАН, 2003. – 289 с.

Наконечный Е. Украденное имя: Почему русины стали украинцами. – Киев: Издательство Белявского, 2015. – 288 с.

Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. – Москва: Имперская традиция, 2007. – 192 с.

Плохий С. Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в Украине и России. – Харьков: Фолио, 2018. – 350 с.

«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под редакцией А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012.

Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. – Москва: Политическая энциклопедия, 2018. – 380 с.

Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. – Киев: Laurus, 2012. – 256 с.

Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Отв. ред. Е.Ю. Борисенко. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. – 399 с.

Федевич К.К., Федевич К.И. За Веру, Царя и Кобзаря. Малороссийские монархисты и украинское национальное движение (1905–1917 годы). – Киев: Критика, 2017. – 308 с.

Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. – 576 с.

Шевченко К.В. Русины и межвоенная Чехословакия: К истории этнокультурной инженерии. – Москва: Модест Колеров, 2006. – 272 с.

Ascher A. P.A. *Stolypin. The Search of Stability in the Late Imperial Russia*. – Stanford: Stanford university press, 2001. – 468 p.

Mironowicz E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego*. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 p.

Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus*. – New York; Cambridge, UK: Cambridge university press, 2006. – 379 p.

Sanborn J.A. *Drafting the Russian Nation. Military conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925*. – DeKalb: Northern Illinois university press, 2003. – 278 p.

Weeks T.R. *Nation and the State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. – DeKalb: Northern Illinois university press, 1996. – 297 p.

References

Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts, 2001. (In Russian)

Ascher, A. P.A. *Stolypin: The Search of Stability in the Late Imperial Russia*. Stanford: Stanford University Press, 2001.

Borisenok, E.Yu. *Kontseptsii “ukrainizatsii” i ikh realizatsiya v natsional'noi politike v gosudarstvakh vostochnoevropskogo regiona (1918–1941 gg.)* [Concepts of “Ukrainization” and their implementation in the national policy in the states of the Eastern European region (1918–1941)]. Doctoral diss. Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. (In Russian)

Borisenok, E.Yu., ed. *Ukraina i ukraintsy: obrazy, predstavleniya, stereotipy. Russkie i ukraintsy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii* [Ukraine and Ukrainians: images, ideas, stereotypes. Russians and Ukrainians in mutual communication and perception]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2008. (In Russian)

Borisenok, E.Yu., M.E. Klopova, and M.V. Leskinen, eds. *Imya naroda: Ukraina i ee nasele-nie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature: Sbornik statei* [The name of a people: Ukraine and its population in official and scientific terms, journalism and literature: a collection of articles]. Moscow: Nestor-Istoriya, 2016. (In Russian)

Churkina, I.V. *Rossiya i slavyane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deyatelei XVI v. – 1914 g.* [Russia and the Slavs in the ideology of Slovenian national figures of the 16th century – 1914]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2017. (In Russian)

Dronov, M.Yu. *Rol' Greko-katolicheskoi tserkvi v formirovanii etnonatsional'noi identichnosti rusinov Slovakii (1919–1938)* [The role of the Greek Catholic Church in the formation of the ethno-national identity of the Rusyns of Slovakia (1919–1938)]. PhD diss. Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. (In Russian)

Fedevich, K.K., and K.I. Fedevich. *Za Veru, Tsarya i Kobzarya. Malorossiiskie monarkhisty i ukrainskoe natsional'noe dvizhenie (1905–1917 gody)* [For Faith, Tsar and Kobzar. Malorossiyan monarchists and the Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kiev: Kritika, 2017. (In Russian)

Grishchenko, A.I. “K noveishei istorii slova ‘rossiyane’” [On the contemporary history of the word ‘Russians’]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* 23, no. 1 (2012): 126–36. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Vyzov natsionalizma: lozung «Rossiya – dlya russkikh» v dorevolyutsionnoi obshchestvennoi mysli* [The Challenge of Nationalism: the slogan “Russia is for Russians” in pre-revolutionary social thought]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2016. (In Russian)

Kashirin, V.B. *Vz'yatie gory Makovka: Neizvestnaya pobeda russkikh voisk vesnoi 1915 goda* [Capture of Mount Makovka: Unknown victory of Russian troops in the spring of 1915]. Moscow: Izdatel'skii dom "Regnum", 2010. (In Russian)

Kuchma, L.D. *Ukraina – ne Rossiya* [Ukraine is not Russia]. Moscow: Vremya, 2003. (In Russian)

Latyshonak, A. *Natsiyanal'nasts' – Belarus* [Nationality – Belarus]. Bialystok: Belaruskae gis-trarychnae tavarystva; Vilnius: Instytut belarussistyki, 2009. (In Byelorussian)

Levytsky, K. *Istoriya politichnoyi dumky galytskykh ukrayintsiv* [A history of the political thought of the Galician Ukrainians. 1848–1914. On the basis of reminiscences]. Lviv: nakladom vlasnim (z drukarni oo. Vasyliyan u Zhovkvi), 1926. (In Ukrainian)

Mikhutina, I.V. *Ukrainskii vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian problem in Russia (the late 19th – early 20th century)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2003. (In Russian)

Miller, A., D. Sdvizhkov, and I. Sehirle, eds. *«Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda. V 2 tomakh* ["Concepts about Russia": On the historical semantics of the imperial period.]. 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: essays in the methodology of historical research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. (In Russian)

Miller, A.I. *«Ukrainskii vopros» v politike vlastei i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.)* ["Ukrainian Question" in the policy of the authorities and Russian public opinion (second half of the 19th century)]. St Petersburg: Aleteiya, 2000. (In Russian)

Mironowicz, E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. (In Polish)

Nakonechnyi, E. *Ukradennoe imya: Pochemu rusyny stali ukraintsami* [The Stolen Name: Why Rusyns became Ukrainians]. Kiev: Izdatel'stvo Belyavskogo, 2015. (In Russian)

Pashaeva, N.M. *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in 19th–20th centuries]. Moscow: Imperskaya traditsiya, 2007. (In Russian)

Plokhii, S. *Proiskhozhdenie slavyanskikh natsii. Domodernye identichnosti v Ukraine i Rossii* [The Origins of the Slavic nations: Premodern identities in Russia, Ukraine, and Belarus]. Kharkov: Folio, 2018. (In Russian)

Plokhyy, S. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. New York; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

Sanborn, J.A. *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

Shevchenko, K.V. *Rusyny i mezhoennaya Chekhoslovakiya: K istorii etnokul'turnoi inzhenerii* [Rusyns and interwar Czechoslovakia: On the history of ethnocultural engineering]. Moscow: Modest Kolerov, 2006. (In Russian)

Soldatenko, V.F. *V gornile revolyutsii i voin: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse* [In the crucible of revolutions and wars: Ukraine in 1917–1920: historical and historiographical essays]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. (In Russian)

Tolochko, A. *Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX v.* [Kievan Rus' and Malorossiya in the 19th century]. Kiev: Laurus, 2012. (In Russian)

Weeks, T.R. *Nation and the State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.

Zaionchkovskii, P.A. *Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo (1846–1847)* [Cyril and Methodius Society (1846–1847)]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1959. (In Russian)

Zhivotko, A. *Istoriya ukrayins'koyi presy* [History of Ukrainian press]. Kiev: Nasha kul'tura i nauka, 1999. (In Ukrainian)

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-2

УДК 94 (47) «1906/1910»:002.2

Крылова Елена Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
Ленинградский государственный университет
им. А.С.Пушкина
(Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия)
hellennak@yandex.ru

Krylova, Elena

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University
(St Petersburg, Pushkin, Russia)
hellennak@yandex.ru

**На государственной службе: к вопросу о незаконной деятельности
Осведомительного бюро Главного управления по делам печати накануне
крушения Российской империи ***

**In the Public Service: on the Issue of the Illegal Activities of the Information
Bureau of the Main Directorate for Press Affairs on the Eve of the Collapse
of the Russian Empire**

Аннотация. Статья посвящена неправовым аспектам деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. Созданное в 1906 г. с целью налаживания двухсторонней коммуникации между органами власти и средствами массовой информации Осведомительное бюро реализовывало важные функции информирования субъектов коммуникации и снижения коммуникационных шумов при передаче сообщений от отправителя к получателю информации. Выполняя значительный объем работы по обеспечению коммунікаторов достоверной информацией, сотрудники Осведомительного бюро по роду своих полномочий имели доступ к разнообразным сведениям, в том числе имеющим гриф «государственная тайна». Владение информацией

* Для цитирования: *Крылова Е.Н.* На государственной службе: к вопросу о незаконной деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати накануне крушения Российской империи // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 884–910. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-2

For citation: Krylova, E. “In the Public Service: on the Issue of the Illegal Activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs on the Eve of the Collapse of the Russian Empire.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 884–910, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-2>

© Крылова Е.Н., 2019

© Krylova E., 2019

подобного рода, а также некоторые личные качества сотрудников становились причинами разглашения секретных сведений в средствах массовой информации. Статья написана на основе архивного материала о незаконной деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати, хранящегося в Российском государственном историческом архиве.

Ключевые слова: Первая российская революция, Главное управление по делам печати, министерство внутренних дел, Осведомительное бюро, печать, общественное мнение, коррупция, незаконная деятельность.

Abstract. The article is devoted to the unlawful aspects of work of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. Formed in 1906 in order to establish two-way communication between the authorities and the media, the Information Bureau implemented important functions of informing the participants of communication and reducing communication noise while passing on the information from the sender to the recipient. While carrying out a considerable amount of work to provide communicators with reliable information, the employees of the Information Bureau had access to information of different kinds, including that which was classified as state secret. Such awareness and also some personal characteristics of the employees became the reasons for disclosing secret information in the media. The article is based on the archival materials on the illegal activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs, which are kept in the Russian State Historical Archive (RGIA).

Key words: The First Russian Revolution, the Main Directorate for Press Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Information Bureau, the press, public opinion, corruption, illegal activities

Введение

Начало XX в. ознаменовалось Первой российской революцией. Требования общества к власти о свободе печати, вероисповедания, расширении круга деятельности земских и городских учреждений, нереализованные в ходе работы по исполнению Указа 12 декабря 1904 г.¹, нашли свое воплощение в Манифесте 17 октября 1905 г. Обнародование Манифеста и дарование свободы слова, отмена цензуры и значительное облегчение процесса открытия периодических изданий, привели к росту числа средств массовой информации. Власть, утратившая старые способы контроля за печатью, вынуждена была адаптироваться к новым реалиям и начать использовать другие рычаги влияния на информационное пространство. В условиях появления большого количества частных средств массовой информации различного политического направления, подбор и интерпретация фактов в которых во многом определялись политической направленностью и капиталом, стоящим за организацией издания, образу власти и

¹ Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел: автореф. дис... канд. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2006.

ее престижу наносился существенный ущерб, поскольку в погоне за читателем периодические издания могли публиковать непроверенную сенсационную информацию.

Вопрос изучения функционирования центральных государственных учреждений и построения эффективной коммуникации привлекает современных исследователей. Среди трудов, посвященных организационно-правовым основам деятельности Главного управления по делам печати министерства внутренних дел, следует отметить работы А.В. Амбросьева². Важные моменты деятельности Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати рассмотрены в статьях В.Е. Кельнера³ и Е.Н. Крыловой⁴. Ряд аспектов работы Главного управления по делам печати изучен в исследованиях В.В. Шевцова⁵ и А.В. Лихоманова⁶. Работы С.И. Григорьева⁷ и Л.Ю. Казаниной⁸ раскрывают отдельные стороны формирования общественного мнения о власти.

² Амбросьев А. В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): автореф. дис... канд. юр. наук. – Академия управления министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012; Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати Российской империи // Соблюдение законности и обеспечение правопорядка в деятельности органов внутренних дел: сборник трудов межвузовского научного семинара. – Москва: Академия управления министерства внутренних дел Российской Федерации, 2011. – С. 5–9; Амбросьев А.В. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи: структура и организация деятельности // История государства и права. – 2011. – №17. – С. 30–35.

³ Кельнер В.Е. Создание и деятельность осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. // Цензура в России: история и современность. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2011. – Вып. 5. – С. 237–243.

⁴ Крылова Е.Н. Формирование положительного общественного мнения о государственной власти в России в 1906–1907 гг. (на примере работы Осведомительного бюро) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России. История и современность / под редакцией В.А. Веремченко. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 162–167.

⁵ Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.). – Томск: Томский университет, 2016.

⁶ Лихоманов А. В. Самодержавие в борьбе за общественное мнение в годы Первой русской революции: (Правительственная печать в 1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 1995; Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 1997.

⁷ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти, 1831–1917. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007.

⁸ Казанина Л. Ю. Столыпинские реформы в оценке российского общественного мнения (1906–1911): [к 150-летию со Дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина]. – Москва: АCADEMIA; Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2012.

Вопросам дискредитации противника и борьбы за общественное мнение посредством печати посвящена работа А.Н. Егорова⁹. Говоря о предвыборных кампаниях в Государственную думу, автор анализирует приемы, используемые для дискредитации противника: «от утрирования мыслей, передергивания фактов и высмеивания до прямой лжи и клеветы»¹⁰. Данная работа позволяет понять общественно-политическую обстановку, в условиях которой функционировало Осведомительное бюро.

Среди исследователей, изучавших должностные преступления в России, отметим работы В.В. Астанина¹¹, Е.И. Головиной¹², М.В. Шедия¹³. При известной содержательности работ, указывающих на законодательные акты и случаи превышения должностных полномочий в Российской империи, вопрос о незаконной деятельности Осведомительного бюро Главного управления по делам печати министерства внутренних дел не затрагивался¹⁴, что позволяет автору статьи говорить о новизне данной темы.

Среди зарубежных трудов, посвященных истории России начала XX в., отметим ряд работ, имеющих прямое отношение к теме исследования, однако, не отличающихся глубиной изучения вопросов взаимодействия власти и прессы¹⁵.

⁹ *Егоров А.Н.* Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. 2015. – Серия: История. – № 3 (30). – С. 170–178.

¹⁰ *Егоров А.Н.* Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи). – С. 176.

¹¹ *Астанин В.В.* Борьба с коррупцией в России XVI – XX веков: диалектика системного подхода. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2003.

¹² *Головина Е.И.* Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI – XIX вв. – Москва: Министерство внутренних дел России, 2004.

¹³ *Шедий М.В.* Коррупция в России: опыт концептуализации и механизмы противодействия. – Орел: Орловская региональная академия государственной службы, 2011.

¹⁴ *Кузовков Ю.В.* История коррупции в России: В 2 т. – Москва: Анима-пресс, 2010; *Подройкина И.А.* Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве. – Москва: Юстицинформ, 2017; *Гольцов В.Б.* Социальные основы предупреждения коррупции в правоохранительных органах России. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014; *Сторчилова Н.В.* Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2012; *Журавлева Я.А., Моисеев В.В.* Борьба с коррупцией в России и мире. – Москва: Филиал Московского института экономики, менеджмента и права, 2011; *Чащин А.Н.* Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. – Москва: Дело и сервис, 2009; *Мысловский Е. Н.* Коррупция в России: преступление или образ жизни? – Москва: Экон-Информ, 2007.

¹⁵ *Lowe N.* Mastering twentieth-century Russian history. – New York: Palgrave Macmillan, 2002; *Weeks T. R.* Across the revolutionary divide: Russia and the USSR. 1861–1945. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011; *Competing voices from the Russian Revolution / ed. by M.C. Hickey.* – Santa Barbara, CA: Greenwood, 2011; *Sunderland W.* The baron's cloak: a history of the Russian

В настоящей статье акцент сделан на противозаконных аспектах взаимодействия Осведомительного бюро Главного управления по делам печати министерства внутренних дел с периодической печатью.

Основная часть

В условиях Первой российской революции, в августе 1906 г. по инициативе председателя Совета министров П.А. Столыпина было создано Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати министерства внутренних дел. Идея была позаимствована из западноевропейского опыта, где власть взаимодействовала со средствами массовой информации через пресс-бюро. Осведомительное бюро должно было стать связующим звеном между властью и обществом. Осуществление двухстороннего информирования предполагалось производить путем сбора и обработки сведений из государственных учреждений и периодической прессы. Для руководителей центральных органов власти была налажена система газетных вырезок по актуальным вопросам возглавляемых ими учреждений.

В обязанности Осведомительного бюро входило обслуживание

официальных, официозных и частных повременных органов печати достоверными, подлежащими оглашению, сведениями, касающимися предположений, действий и деятельности Правительства, правительственных и административных лиц и учреждений, а равно и главенствующих факторов общественно-политической жизни России и заграницы¹⁶.

Предоставляемые сведения также включали опровержения и пояснения «циркулирующих слухов и сообщений русской, инороднической и иностранной печати»¹⁷.

В целях обеспечения оперативного информирования печати Осведомительное бюро выпускало ежедневные бюллетени, на которые были подписаны столичные и провинциальные газеты, а для своевременного информирования правительства о сообщениях печати была создана система газетных вырезок. Кроме председателя Совета министров данные вырезки доставлялись всем министрам и начальникам главных управлений, в случае если газетные сообщения ка-

empire in war and revolution. – Ithaca: Cornell university press, 2014; *Rendle M.* Defenders of the Motherland: the Tsarist elite in revolutionary Russia. – Oxford: Oxford university press, 2010; *Stone B.* The anatomy of revolution revisited: a comparative analysis of England, France, and Russia. – Cambridge; New York: Cambridge university press, 2014; *Стейнберг М.* Великая русская революция. 1905–1921 / перевод с английского Н. Эдельмана; под научной редакцией М. Гершзона. – Москва: Институт Гайдара, 2018.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. – Оп. 32. – Д. 213. – Л.1.

¹⁷ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 32. – Д. 213. – Л. 1.

сались их учреждений. На сотрудников бюро возлагалась обязанность проверки слухов и сообщений печати. Ежедневно сотрудники Осведомительного бюро должны были посещать распределенные между ними правительственные учреждения с целью получения информации о деятельности правительства для публикации этих сведений в бюллетенях Осведомительного бюро, а также для составления необходимых опровержений по поводу сообщаемых газетами неверных или искаженных фактов¹⁸.

Так, с 7 по 30 мая 1907 г. Осведомительное бюро подготовило 58 официальных опровержений – в среднем по два опровержения в день. Из них с резолюцией «неверно» – 10, «вымысел» – 17, сообщения с разъяснениями по поводу статей и заметок – 20. Каждое третье опровержение обосновывалось, посылался запрос в управление или министерство и давался развернутый ответ, иногда занимающий около половины всего бюллетеня. По мнению Осведомительного бюро, в этот период 19 газет опубликовали ложную информацию. Соответственно было подготовлено следующее количество опровержений: для газеты «Товарищ» – 15, «Русь» – 10, «Речь» – 4, «Биржевые ведомости» – 3, «Русское слово» – 2, «Парус» – 2, «Петербургский листок» – 2, «Современная речь» – 2, «Новое время» – 2¹⁹.

В сентябре 1906 г. на момент начала работы штат Осведомительного бюро включал в себя 22 сотрудника: заведующий бюро, старший и младший помощники заведующего, секретарь и три помощника секретаря, шесть старших и пять младших сотрудников и четыре курьера. Заведующим бюро был назначен Николай Дмитриевич Грибоедов, «опытный журналист, много лет заведовавший отделом информации в газете «Новое время»»²⁰. Как отмечено в личном деле Н.Д. Грибоедова, «организация Осведомительного бюро... вызвала усиленные хлопоты, причем г. Грибоедов проявил совершенно исключительную энергию, которая и дала возможность без всяких особых затрат со стороны казны поставить в сравнительно короткий срок столь трудное дело»²¹.

В Российском государственном историческом архиве, в деле о реорганизации Осведомительного бюро, хранится список сотрудников Осведомительного бюро с указанием обслуживаемых ими ведомств и учреждений, с обозначением числа обязательных посещений²², составленный на 10 января 1913 г. Данный документ позволяет получить представление об объеме работы в Осведоми-

¹⁸ Бельгард А.В. Воспоминания. – Москва: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 299.

¹⁹ Крылова Е.Н. Формирование положительного общественного мнения о государственной власти в России в 1906–1907 гг. (на примере работы Осведомительного бюро). – Т. 1. – С. 164.

²⁰ Кельнер В.Е. Создание и деятельность осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. – С. 239.

²¹ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 23. – Д. 50. – Л. 3 об.

²² РГИА. – Ф. 776. – Оп. 33. – Д. 162. – Л. 106–111.

тельном бюро. Так, на сотрудников, состоящих для поручений, приходилось около 13 отделов и департаментов правительственных учреждений и 26 посещений в неделю. Старшие сотрудники Осведомительного бюро посещали от 8 до 12 управлений и канцелярий от 17 до 26 раз в неделю. Младшие сотрудники обслуживали от 6 до 8 канцелярий, управ и контор, по 19 посещений в неделю на сотрудника.

Наибольшее количество посещений в неделю приходилось: в Государственную Думу, Канцелярию министерства императорского двора, Конторы великокняжеских дворов, Главное управление по делам местного хозяйства – по 6, в Канцелярию министра путей сообщения, Государственную канцелярию, Управление Главного врачебного инспектора, Канцелярию Святейшего Синода, Правительствующий Сенат, Санкт-Петербургское городское общественное управление и Канцелярию Санкт-Петербургского градоначальника – по 4.

По данным Осведомительного бюро в среднем в день производилось следующее количество работ:

а. обследуется вырезок для направления в ведомства от 500 до 600, б. наводится справок – на предмет разъяснений или опровержений от 18 до 20, в. составляется сообщений для официального и неофициального информирования печати и для сведения – ориентировки – 45–46²³.

По состоянию на 1 июня 1914 г. за 5 месяцев, с 1 января 1914 г., Осведомительным бюро было дано для печати 2 434 официальных сообщения в официальных бюллетенях и 968 неофициальных сообщений в бюллетенях «Бюро русских журналистов»²⁴. В среднем 680 сообщений в месяц, из них – 487 официальных. Из 2 434 официальных сообщений 534 приходилось по министерству внутренних дел, 181 – по министерству финансов, 163 – по военному ведомству, 157 – по министерству путей сообщения, 131 – по совету министров. Наименьшее количество сообщений за 5 месяцев было дано по Государственному контролю и Государственной канцелярии – 1.

Таким образом, представленные данные позволяют говорить о значительном объеме работы Осведомительного бюро, сотрудники которого проводили мониторинг средств массовой информации, осуществляли запросы в соответствующие учреждения для официальных разъяснений, подготавливали официальные сообщения для прессы и были осведомлены о текущей работе министерств и настроениях прессы. Уникальность получаемой информации и ее доступность порой вызвали искушение воспользоваться ей в корыстных целях для улучшения собственного благополучия.

²³ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 33. – Д. 162. – Л. 111.

²⁴ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 33. – Д. 162. – Л. 112.

В мае 1910 г. на заведующего Осведомительным бюро Н.Д. Грибоедова и его помощника Н.Х. Полномочного поступила жалоба с обвинением в незаконной деятельности. Записка начиналась с утверждения, что в 1908 г. заведующим Осведомительным бюро при Главном управлении по делам печати Николаем Дмитриевичем Грибоедовым было отдано распоряжение сотрудникам бюро доставлять негласные сведения о деятельности центральных правительственных учреждений. Эти секретные сведения не могли быть включены в рассылаемые Осведомительным бюро ежедневные бюллетени, но, по заявлению Н.Д. Грибоедова, были ему необходимы, «чтобы осведомлять Председателя Совета Министров статс-секретаря П.А. Столыпина» и самому постоянно «быть в курсе дел»²⁵.

Во второй половине 1909 г. помощником заведующего Осведомительным бюро был назначен Николай Христианович Полномочный. Приступив к исполнению обязанностей, он стал требовать от сотрудников бюро предоставления ему секретных сведений, в виде ежедневных рапортов обо всем слышанном, с указанием должностных лиц, с которыми сотрудники вели беседы. Через некоторое время сотрудники Осведомительного бюро обратили внимание, что собранные ими секретные сведения стали попадать в левую печать и заграничные газеты. У них сложилось мнение, что Н.Д. Грибоедов и Н.Х. Полномочный, пользуясь своим служебным положением, продают эти секретные сведения. Для того, чтобы убедиться в своих предположениях, один из сотрудников, Н.А. Биндеман в конце 1909 г. подал Н.Х. Полномочному

рапорт с вымышленным известием о том, что начальник Главного Тюремного Управления действительный статский советник Хрулев израсходовал назначенные в пособие служащим 24 000 рублей на разъезды свои и высших служащих Управления. И действительно, эти сведения вслед за тем появились в «Голосе Правды», «Речи» и других газетах²⁶.

На деятельность Осведомительного бюро по сбору секретных сведений обратила внимание и правая печать. 11 января 1910 г. в газете «Земщина» появилась статья «Нет дыму без огня». Автор статьи, ссылаясь на парижского корреспондента газеты «Земщина», с недоумением спрашивал,

от кого и каким образом тайные документы, подчас первой государственной важности, попадают в руки революционного кагала за границей... Кто продает Россию и ее интересы?²⁷.

²⁵ РГИА. – Ф. 776. – Оп.32. – Д. 214. – Л. 1.

²⁶ РГИА. – Ф. 776. – Оп.32. – Д. 214. – Л. 1.

²⁷ Земщина. – 1910. – 11 января. – № 183.

При этом в статье рассматривались два аспекта: во-первых, автор отмечал, что «многие министерства и другие учреждения охотно делятся с сотрудниками официального учреждения, каковым является Осведомительное бюро, своими секретными сведениями»²⁸. Однако в морском министерстве был получен отказ, в результате чего сотрудник Осведомительного бюро «явился в морское министерство с *подлинными* секретными документами министерства иностранных дел, на которых имелись Высочайшие резолюции»²⁹. Цель данного поступка состояла в предоставлении доказательств важности деятельности Осведомительного бюро. Сотрудник надеялся таким образом оказать психологическое давление на чиновников морского министерства и получить у них секретную информацию. О данном инциденте было доложено председателю Совета Министров П.А. Столыпину.

Во-вторых, автор статьи «Нет дыму без огня» обвинял Н.Х. Полномочного в совмещении сразу двух должностей: сотрудника газеты «Голос Правды» и заместителя заведующего Осведомительного бюро. На данное обвинение последовал быстрый ответ и уже в следующем номере было напечатано письмо в редакцию о том, что

бывший секретарь газеты «Голос правды», Н.Х. Полномочный 1-го ноября 1909 года сдал своему заместителю все находившиеся у него дела, а сотрудничество прекратилось с 1 ноября того же 1909 года и с тех пор никакого отношения к газете не имеет. Для тех же лиц, которые на основании нахождения фамилии г. Полномочного в числе сотрудников строят догадки о незаконном сотрудничестве его в газете, считаю долгом сообщить, что публикация о подписке на «Голос правды», на 1910 год была набрана 10 сентября 1909 г., т.е. тогда когда г. Полномочный еще из редакции не уходил³⁰.

Через две с половиной недели в газете «Земщина» появилась статья «Странное молчание»³¹. Автор статьи сетовал на то, что

прошло уже более недели после высказанных мною опасений о том, не через осведомительное ли бюро в нашу и заграничную печать проникают компрометирующие наше правительство сведения по делам негласного характера, а подчас и государственной важности (Земщина № 183). Осведомительное бюро хранит упорное молчание и по сие время ни словом не обмолвилось на это тяжкое подозрение. Невольно слагается убеждение, что заправили бюро эту недозволенную отрасль деятельности сотрудников его, путем сообщения в печать негласных сведений по делам центральных учреждений, превратили в доходную для себя статью³².

²⁸ Земщина. – 1910. – 11 января. – № 183.

²⁹ Земщина. – 1910. – 11 января. – № 183.

³⁰ Земщина. – 1910. – 12 января. – № 184.

³¹ Земщина. – 1910. – 31 января. – № 195.

³² Земщина. – 1910. – 31 января. – № 195.

Признавая правомерность опровержения о возможности совмещения должностей Н.Х. Полномочным, автор вновь ставит под сомнение законность деятельности Осведомительного бюро:

Допускаю, что г. Полномочный более в «Голосе правды» не работает, но в таком случае позволю себе лишь спросить, из каких источников получены газетой следующие сведения: о 24.000 р., отпущенных начальнику главного тюремного управления Хрулеву на пособие низшим служащим и израсходованных им, будто бы, на командировки; о «рождественском гусе» чинов министерства путей сообщения; о «бездарном» директоре горного департамента Курмакове; о чиновнике министерства иностранных дел Горвице и некоторые другие появившиеся в газете под рубрикой «Вести и слухи» заметки?» и далее: «Если «Голос правды» пожелает воспользоваться бесспорным своим правом не называть авторов этих заметок, то пусть он подтвердит, что перечисленные заметки никакого отношения к Осведомительному бюро не имеют³³.

Несмотря на то, что редакция газеты «Земщина» упрекала Осведомительное бюро в молчании, а руководство в бездействии, статьи все же произвели определенный эффект. После появления статей Осведомительное бюро посетил начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард, который обратился к сотрудникам с речью, приблизительно следующего содержания:

Вы, господа, делаете великое государственное дело. Нарекания во всяком деле, так и в Вашем почти неизбежны. Но Вы этим не смущайтесь, за Ваши ошибки отвечаю я. Секретных сведений Вы не добывайте. Те, которые дают Вам эти сведения, знают, для чего они их Вам дают. Вы же их не принимайте...³⁴

Однако, несмотря на беседу, сбор секретных сведений в Осведомительном бюро не прекратился. Секретная информация продолжала собираться сотрудниками, хотя уже не в таких размерах и не так открыто, как ранее. 9 мая 1910 г. Н.Д. Грибоедов поручил сотруднику Н.А. Биндеману собрать сведения о предполагаемом строительстве в Финляндии укреплений и казарм военного министерства. Однако сотрудник, которому это было поручено, боясь ответственности, отказался, о чем сообщил сослуживцам. Помимо сбора секретной информации, бесплатно сообщаемой Осведомительному бюро, материал записывался в расходные ведомости, как платный, на имя некоторых сотрудников. Секретарь Осведомительного бюро, знавший о ситуации, потратил подотчетные средства, прикрыв эти растраты подлогами, а заведующий Осведомительным бюро не поднял вопроса о привлечении его к уголовной ответственности.

³³ Земщина. – 1910. – 31 января. – № 195.

³⁴ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 32. – Д. 214. – Л. 2.

Отметим, что деятельность государственных служащих регулировалась действующим законодательством, в частности, «Уложением о наказаниях» пятым разделом «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». М.В. Шедий указывает, что

Уложение о наказаниях устанавливало достаточно жесткие санкции за неисполнение высочайшего указа или поведение с намерением для каких-либо корыстных или иных видов превышения власти, ... присвоение или растрату вверенного по службе казенного или частного имущества³⁵.

Например, за получение непредусмотренного законом вознаграждения должностным лицом органов государственной власти, связанное с нарушением обязанностей по службе, оно подвергалось наказанию

в виде лишения свободы на срок от одного года до трех лет, ... при смягчающих вину обстоятельствах должностное лицо наказывалось судом строгим выговором или освобождением от занимаемой должности³⁶.

Можно согласиться с Е.И. Головиной, которая замечает, что

с объективной стороны состав превышения власти характеризовался совершением действий, как выходящих за пределы компетенции должностного лица, так и таких, которые формально соответствовали служебной компетенции, но по существу противоречили интересам государства³⁷.

В ситуации с Осведомительным бюро, на наш взгляд, как раз имело место превышение должностных обязанностей заведующим Осведомительным бюро и его помощником. Требуя от подчиненных сбора и предоставления секретной информации, руководители Осведомительного бюро, по сути, выходили за пределы своей компетенции и действовали в ущерб интересам государства.

Целый ряд сотрудников бюро (В.В. Добрешин, П.Р. Кук и В.А. Мясоедов) обращались к начальнику Главного управления по делам печати А.В. Бельгарду с устными и письменными жалобами на незаконную деятельность Н.Д. Грибоедова. Но расследования назначено не было³⁸.

Объяснение этого бездействия власти, по мнению автора записки о незаконной деятельности Осведомительного бюро, следовало искать в слухах, при-

³⁵ Шедий М.В. Коррупция в России: опыт концептуализации и механизмы противодействия. – С. 52.

³⁶ Шедий М.В. Коррупция в России: опыт концептуализации и механизмы противодействия. – С. 53.

³⁷ Головина Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. – С. 74.

³⁸ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 32. – Д. 214. – Л. 2.

писывающих Н.Д. Грибоедову роль поверенного в денежных делах А.В. Бельгарда. Автор утверждал, что Н.Д. Грибоедов при помощи действительного статского советника Н.В. Хлебникова, имеющего связи в финансовых сферах, неоднократно устраивал займы для А.В. Бельгарда³⁹. Сам же Н.В. Хлебников до 25 мая 1910 г. являлся сотрудником Осведомительного бюро с жалованием 300 рублей в месяц, согласно окладам исполняющих обязанности помощников заведующего Осведомительным бюро⁴⁰.

Таким образом, записка указывала на незаконный сбор секретных сведений, которые потом попадали в печать, на присвоение денежных средств и осуществление финансовых махинаций, а также бездействие вышестоящей власти. По мнению автора записки, начальник Главного управления по делам печати покрывал заведующего Осведомительным бюро.

Данная ситуация наглядно показывает состояние правительственного учреждения и настроения сотрудников Осведомительного бюро, находящихся на руководящих должностях. Обладая связями и властью, достаточной для получения ценной информации, вместо служения государственной системе, которую они были призваны защищать, и отстаивания в информационном поле ее интересов, чиновники использовали свое служебное положение для реализации личных интересов и обогащения, способствуя падению авторитета Осведомительного бюро и власти в целом.

Жалобы на деятельность бюро поступали, но судя по отсутствию документов о разбирательствах и факту, что смены начальства не произошло, можно сделать вывод о том, что служебного расследования не было. Н.Д. Грибоедов и его помощник продолжали работать в Осведомительном бюро, впрочем, как и сотрудники, которые выражали недовольство незаконной деятельностью руководства.

Заключение

Созданное для обеспечения прессы достоверными и подлежащими публикации сведениями, касающимися деятельности правительства, правительственных и административных лиц и учреждений, а также объективного освещения общественно-политической жизни России и заграницы, Осведомительное бюро функционировало на средства правительства. Выполняя государственный заказ по составлению опровержений и прояснению «циркулирующих слухов и сообщений русской, инороднической и иностранной печати» высокопоставленные сотрудники Осведомительного бюро, собирая и распространяя сведения, не подлежащие разглашению, сами становились распространителями слухов, наносящих ущерб престижу и авторитету власти. Данная ситуация была возможна

³⁹ РГИА. – Ф. 776. – Оп. 32. – Д. 214. – Л. 3.

⁴⁰ РГИА. – Ф. 785. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 84.

при отсутствии контроля за деятельностью Осведомительного бюро со стороны вышестоящего руководства, начальника Главного управления по делам печати, в ведении которого находилось Осведомительное бюро, а также отсутствия отлаженной схемы контроля за деятельностью организации, сотрудников и нормативно-правовых норм контроля, закрепленных на законодательном уровне. Совокупность данных факторов вела к возникновению ситуаций, в которых государственный орган, созданный для поддержки существующей политической системы, сам же ее дискредитировал.

Introduction

The beginning of the 20th century was marked by the First Russian Revolution. The demands of the public to the authorities on freedom of the press, religion, and expansion of the range of activities of rural and city institutions that had not been implemented during the execution of the Decree of December 12, 1904, were later embodied in the Manifesto of October 17, 1905.¹ The publication of the Manifesto and the granted freedom of expression, the abolition of censorship and significant simplification of opening new periodicals resulted in an increase in the number of mass media. Having lost the old ways to control the press, the authorities were forced to adapt to the new realities and to start using other levers of influence on the information space. The emergence of a large number of privately owned mass media of various political lines, where the selection and interpretation of facts were largely determined by the political orientation and by the capital invested to open a periodical, impaired the image of the authorities and their prestige, because in pursuit of the readership periodicals could publish unverified sensational information.

The issue of studying the functioning of central public institutions and of establishing effective communication attracts modern researchers. Among the works devoted to the organizational and legal framework of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs, the works of A. Ambros'ev should be noted.²

¹ E.N. Krylova, *Petr Dmitrievich Svyatopolk-Mirsky and the Activities of the Ministry of Internal Affairs* [in Russian] (PhD thesis, St Petersburg State University, 2006).

² A.V. Ambros'ev, *Organizational and Legal Bases for the Activities of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (1865–1917)* [in Russian] (PhD thesis. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012); A.V. Ambros'ev, “Organizational and Legal Bases for the Activities of the Information Bu-

The articles by V. Kel'ner³ and E. Krylova⁴ discuss important points in the activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs. Some aspects of the work of the Main Directorate for Press Affairs were considered in the studies of V. Shevtsov⁵ and A. Likhomanov.⁶ S. Grigor'ev⁷ and L. Kazanina⁸ devoted their works to the study of individual aspects of shaping public opinion about the authorities.

The work of A. Egorov is devoted to the problems of discrediting the opponent and of the struggle for public opinion with the help of the press.⁹ Speaking about the election campaigns to the State Duma, the author analyzes the methods used to discredit the adversary, “from exaggerating thoughts, distorting facts and ridiculing, to direct lies and slander.”¹⁰ This work allows us to understand the social and political situation in which the Information Bureau operated.

reau of the Main Directorate for Press Affairs of the Russian Empire” [in Russian], in *Observance of the Law and Ensurance of Law and Order in the Activities of Internal Affairs Authorities* (Moscow: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2011), 5–9; A.V. Ambros'ev, “The Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: Structure and Organization of Activities” [in Russian], *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 17 (2011): 30–35.

³ V.E. Kel'ner, “Establishment and Operation of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs: 1906–1917” [in Russian], in *Censorship in Russia: History and the Present*, issue 5 (St Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2011), 237–43.

⁴ E.N. Krylova, “Forming Positive Public Opinion about the Governmental Authorities of Russia in 1906–1907 (Based on the Work of the Information Bureau)” [in Russian], in *Private and Public Affairs in the Daily Life of the Population of Russia. History and Modernity*, ed. V.A. Veremenko, vol. 1 (St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2018): 162–67.

⁵ V.V. Shevtsov, *Governmental Periodical Press of Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)* [in Russian] (Tomsk: Tomskii universitet, 2016).

⁶ A.V. Likhomanov, *Autocracy in the Struggle for Public Opinion during the First Russian Revolution (Governmental Press in 1905–1907)* [in Russian] (PhD thesis. St Petersburg State University, 1995); A.V. Likhomanov, *The Struggle of Autocracy for Public Opinion in 1905–1907* [in Russian] (St Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 1997).

⁷ S.I. Grigor'ev, *Court Censorship and the Image of Supreme Power, 1831–1917* [in Russian] (St Petersburg: Aleteya, 2007).

⁸ L.Yu. Kazanina, *Stolypin Reforms in the Assessment of Russian Public Opinion (1906–1911): [To the 150th Anniversary of the Birth of Petr Arkad'evich Stolypin]* [in Russian] (Moscow: ACADEMIA; Akademiya povysheniya kvalifikatsii i professional'noi perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 2012).

⁹ A.N. Egorov, “Pre-Election Campaign as a Tool to Discredit a Political Opponent (Based on the Materials of Elections to the State Duma of the Russian Empire)” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3(30) (2015): 170–78.

¹⁰ Egorov, “Pre-Election Campaign,” 176.

Among the researchers who studied official misconduct in Russia, we should note the works of V. Astanin,¹¹ E. Golovina,¹² and M. Shedii.¹³ With a well-known pithiness of works devoted to legislative acts and cases of abuse of power in the Russian Empire, the question of illegal activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs has not been addressed,¹⁴ which allows the author of the article to speak about the novelty of this subject.

Among foreign works devoted to the history of Russia in the beginning of the 20th century, let us note a number of works which pertain to the subject of research but do not give a deeper insight into the interaction between the authorities and the press.¹⁵

This article focuses on the illegal aspects of the interaction between the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs and the periodical press.

¹¹ V.V. Astanin, *The Fight against Corruption in Russia in the 16th – 20th Centuries: Dialectics of System Approach* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2003).

¹² E.I. Golovina, *Legal Framework of the Fight against Corruption in Russia in the 16th – 19th Centuries* [in Russian] (Moscow: Ministerstvo vnutrennikh del Rossii, 2004).

¹³ M.V. Shedii, *Corruption in Russia: the Experience of Conceptualization and Counteraction Mechanism* [in Russian] (Orel: Orlovskaya regional'naya akademiya gosudarstvennoi sluzhby, 2011).

¹⁴ Yu.V. Kuzovkov, *History of Corruption in Russia* [in Russian], 2 vols. (Moscow: Anima-press, 2010); I.A. Podroikina, *The System of Criminal Penalties in the History of Russia and in Modern Foreign Legislation* [in Russian] (Moscow: Yustitsinform, 2017); V.B. Gol'tsov, *Social Foundations for the Prevention of Corruption in Law Enforcement Agencies of Russia* [in Russian] (Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014); N.V. Storchilova, *Corruption in the Internal Affairs Bodies and Its Prevention* [in Russian] (Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 2012); Ya.A. Zhuravleva and V.V. Moiseev, *Fight against Corruption in Russia and in the World* [in Russian] (Moscow: Filial Moskovskogo instituta ekonomiki, menedzhmenta i prava v gorode Tula, 2011); A.N. Chashin, *Corruption in Russia: Strategy, Tactics and Methods of Fight* [in Russian] (Moscow: Delo i servis, 2009); E.N. Myslovskii, *Corruption in Russia: a Crime or a Way of Life?* [in Russian] (Moscow: Ekon-Inform, 2007).

¹⁵ N. Lowe, *Mastering Twentieth-Century Russian History* (New York: Palgrave Macmillan, 2002); T.R. Weeks, *Across the Revolutionary Divide: Russia and the USSR. 1861–1945* (Chichester: Wiley-Blackwell, 2011); M.C. Hickey, ed., *Competing Voices from the Russian Revolution* (Santa Barbara, Calif.: Greenwood, 2011); W. Sunderland, *The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution* (Ithaca: Cornell University Press, 2014); M. Rendle, *Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia* (Oxford: Oxford University Press, 2010); B. Stone, *The Anatomy of Revolution Revisited: A Comparative Analysis of England, France, and Russia* (Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014); M. Steinberg, *The Russian Revolution, 1905–1921* [in Russian], transl. N. Edel'man, ed. M. Gershzon (Moscow: Institut Gaidara, 2018).

Main body

Under the conditions of the First Russian Revolution, in August 1906, on the initiative of the chairman of the Council of Ministers P. Stolypin, the Information Bureau was established as a part of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. The idea was borrowed from the Western European experience, where the authorities interacted with the media through a press bureau. The Information Bureau was supposed to be the link between the government and the public. The implementation of such two-way informing was supposed to be done by collecting and processing information from the public institutions and periodicals. For the heads of the central authorities, a system of newspaper clippings was developed, the clippings concerning the topical issues of the institutions they headed.

The responsibilities of the Information Bureau included:

Servicing official, para-governmental, and private periodical press organs with reliable, publicly available information concerning the assumptions, actions and activities of the government, of state and administrative officials and institutions, as well as objective coverage of the dominating factors of social and political life in Russia and abroad.¹⁶

The information provided also included denials and explanations of “circulating rumours and reports from the Russian, non-Russian, and foreign press.”¹⁷

In order to provide the press with the latest update information, the Information Bureau issued daily newsletters, for which capital and regional newspapers were subscribed, and a system of newspaper clippings was established to timely inform the government about publications in the press. In addition to the chairman of the Council of Ministers, those clippings were delivered to all ministers and heads of main departments if the newspaper reports concerned their institutions. The Bureau employees had the responsibility to check rumours and press reports. Every day, the employees of the Information Bureau had to visit assigned to them government agencies in order to obtain information about the activities of the government to be published in the newsletters of the Information Bureau and to compile the necessary denials of false or misrepresented facts published by newspapers.¹⁸

Thus, from May 7 to May 30, 1907, the Information Bureau prepared 58 official denials, with an average of two denials per day. Of them, 10 were marked as false; 17 were marked as fiction; 20 were items explaining articles and notes. Every third denial was justified, an enquiry was sent to an administration or a ministry and a detailed reply was given that sometimes occupied about half of the newsletter. According to the Information Bureau, during this period, 19 newspapers published false in-

¹⁶ F. 776, op. 32, d. 213, l. 1. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁷ F. 776, op. 32, d. 213, l. 1, RGIA.

¹⁸ A.V. Bel'gard, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009), 299.

formation. The following number of denials were prepared, correspondingly: 15 for the newspaper *Tovarishch* [Comrade]; 10 for *Rus'*; 4 for *Rech'* [Speech]; 3 for *Birzhevye vedomosti* [Stock exchange news]; 2 for *Russkoe slovo* [The Russian word]; 2 for *Parus* [Sail]; 2 for *Peterburgskii listok* [Petersburg leaflet]; 2 for *Sovremennaya rech'* [The modern speech]; 2 for *Novoe vremya* [New time].¹⁹

In September 1906, at the time of starting its work, the staff of the Information Bureau consisted of 22 employees: the head of the Bureau, a senior and a junior assistant to the head, a secretary and three secretary assistants, six senior and five junior employees, and four messengers. Nikolai Dmitrievich Griboedov, “an experienced journalist who had been in charge of the information department in the *Novoe Vremya* newspaper for many years,”²⁰ was appointed the head of the Bureau. As is pointed out in N. Griboedov’s personal file, “the organization of the Information Bureau . . . took much effort, but Mr. Griboedov showed exceptional energy, due to which it was possible to set going such a difficult work in such short time without any special costs for the treasury.”²¹

The file of the reorganization of the Information Bureau, which is kept in the Russian State Historical Archive, contains the list of employees of the Information Bureau as of January 10, 1913, indicating the departments and agencies they covered and the number of mandatory visits.²² This document makes it possible to get an idea of the amount of work done by the Information Bureau. For example, the employees who ran errands were to work with 13 divisions and departments of the government agencies and to make 26 visits per week. Senior employees of the Information Bureau visited from 8 to 12 administrations and administrative offices from 17 to 26 times a week. Junior employees services from 6 to 8 administrative offices, councils and offices and each of them was to make 19 visits a week.

The greatest number of visits per week fell at the State Duma, the Office of the Ministry of the Imperial Court, the Office of the Grand Duchy Courts, the Main Directorate for Local Economy Affairs (6 visits to each); the Office of the Minister of Communications, the State Chancellery, the Office of the Chief Medical Inspector, the Office of the Most Holy Synod, the Governing Senate, St Petersburg City Public Administration, the Office of the St Petersburg Mayor (4 visits to each).

According to the Information Bureau, the average number of activities per day was as follows:

- (a) from 500 to 600 newspaper clippings are examined to be further sent to various government institutions;
- (b) from 18 to 20 inquiries are made for explanations or denials;

¹⁹ Krylova, “Forming Positive Public Opinion about the Governmental Authorities of Russia,” 164.

²⁰ Kel'ner, “Establishment and Operation of the Information Bureau,” 239.

²¹ F. 776, op. 23, d.50, l. 3 ob., RGIA.

²² F. 776, op. 33, d. 162, ll. 106–111, RGIA.

(c) 45–46 messages are compiled for official and unofficial information to the press and for reference.²³

As of June 1, 1914, for the period of 5 months beginning from January 1, 1914, the Information Bureau prepared for publication 2,434 official messages in the official newsletters and 968 unofficial messages in the newsletters of the Bureau of Russian Journalists.²⁴ On average, that amounted to 680 messages per month, of which 487 were official. Out of 2,434 official reports, on the Ministry of Internal Affairs were 534; on the Ministry of Finance, 181; on the Military Department, 163; on the Ministry of Railways, 157; on the Council of Ministers, 131. The smallest number of messages (only 1) for the period of 5 months was issued on the State Control Office and the State Chancellery.

Thus, the data presented above suggests a significant amount of work done by the Information Bureau, whose staff monitored the media, made inquiries to the relevant institutions for official interpretations, prepared official press releases, and were aware of the current work of the ministries and attitudes of the press. The uniqueness of the information received and its accessibility were tempting enough to yield to the temptation now and then and to use the information for personal advantage in order to improve one's own well-being.

In May 1910, a complaint was filed against the head of the Information Bureau N. Griboedov and his assistant N. Polnomochnyi, accusing them of illegal activities. The text began with the statement that in 1908 the head of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs Nikolai Dmitrievich Griboedov ordered the Bureau employees to deliver secret information about the activities of central government agencies. That secret information could not be included in the daily newsletters of the Information Bureau but, according to N. Griboedov, was necessary for him “to inform the chairman of the Council of Ministers, State Secretary P. Stolypin” and also “to be constantly in the know himself.”²⁵

In the second half of 1909, Nikolai Khristianovich Polnomochnyi was appointed assistant to the head of the Information Bureau. On entering upon his duties, he started to demand that the Bureau employees should provide him with secret information in the form of daily reports on everything they had heard, indicating the officials they had talked to. After some time, the staff of the Information Bureau noticed that the secret information they had collected began to appear in the leftist press and in foreign newspapers. They formed the opinion that N. Griboedov and N. Polnomochnyi abused their official positions and sold that secret information. In order to verify

²³ F. 776, op. 33, d. 162, l. 111, RGIA.

²⁴ F. 776, op. 33, d. 162, l. 112, RGIA.

²⁵ F. 776, op. 32, d. 214, l. 1, RGIA.

those assumptions, at the end of 1909, N. Bindeman, one of the employees, submitted to N. Polnomochnyi a report.

A report with fictitious news that the head of the Main Prison Administration Active State Councillor Khrulev spent 24,000 roubles assigned to his employees' allowance for his personal traveling and that of his senior officers. And indeed, this information appeared afterwards in *Golos Pravdy*, *Rech'*, and other newspapers.²⁶

The right-wing press also paid attention to the efforts of the Information Bureau to collect secret information. On January 11, 1910, an article under the headline "There's no Smoke without Fire" appeared in the newspaper *Zemshchina*. Referring to the Paris correspondent of *Zemshchina*, the author of the article asked in perplexity:

From whom and how exactly do secret documents, sometimes of state importance, fall into the hands of the revolutionary crowd abroad? . . . Who sells Russia and its interests?²⁷

The article considered two aspects: first, the author noted that "many ministries and other institutions willingly shared their secret information with the employees of an official institution, and the Information Bureau was such an institution."²⁸ However, a refusal was received at the Ministry of Maritime Affairs and an employee of the Information Bureau "came to the Ministry of Maritime Affairs with *authentic* secret documents of the Ministry of Foreign Affairs, which had the Highest instructions appended on them."²⁹ The purpose of this act was to provide evidence of the importance of the Information Bureau activities. In this way the employee hoped to exert psychological pressure on the officials of the Ministry of Maritime Affairs and to receive secret information from them. This incident was reported to the chairman of the Council of Ministers P. Stolypin.

Secondly, the author of the article "There is No Smoke without Fire" accused N. Polnomochnyi of combining two positions at once: that at the newspaper *Golos Pravdy* and the position of the deputy head of the Information Bureau. This accusation was followed by a quick response, and the next issue of the newspaper published a letter to the editor stating the following:

The former secretary of the newspaper *Golos Pravdy* N.Kh. Polnomochnyi turned over all his duties and all his files to his deputy on November 1, 1909; his cooperation with the newspaper ended on November 1 of that same year 1909, and since then, he has had nothing to do with the newspaper. For those persons who speculate about Polnomochnyi's ille-

²⁶ F. 776, op. 32, d. 214, l. 1, RGIA.

²⁷ *Zemshchina*, no. 183, January 11, 1910.

²⁸ *Zemshchina*, no. 183, January 11, 1910.

²⁹ *Zemshchina*, no. 183, January 11, 1910.

gal cooperation with the newspaper on seeing his name in the list of employees, I consider it my duty to inform that the announcement about the subscription to the newspaper *Golos Pravdy* for 1910 was typeset on September 10, 1910, when Mr. Polnomochnyi had not still left the editorial office.³⁰

After two and a half weeks, the article “Strange Silence” appeared in the newspaper *Zemshchina*.³¹ The author of the article complained:

More than a week has passed after the concerns I expressed about the involvement of the Information Bureau in passing the compromising information on secret matters, and sometimes on matters of national importance, to domestic and foreign press (*Zemshchina* no. 183). The Information Bureau keeps stubborn silence and has not said a word about this serious suspicion so far. The conviction is involuntarily formed that, by reporting secret information on the affairs of central institutions to the press, the kingpins of the Bureau have turned this unlawful activity of their employees into a profitable business for themselves.³²

Admitting the legitimacy of the denial that N. Polnomochnyi occupied two positions at once, the author questioned the lawfulness of the Information Bureau’s activities again:

I can admit that Mr. Polnomochnyi does not work for *Golos Pravdy* any longer but, that being the case, I will only let myself ask what sources provided the newspaper with the following information: about 24,000 roubles allocated to the Head of the Main Prison Administration Khrulev as an allowance to his lower-ranking employees and spent by him on business trips; about the “Christmas goose” of the officials of the Ministry of Railways; about Kurmakov, the “inept” director of the mining department; about the official of the Ministry of Foreign Affairs Gorvitsa; and about some other items published under the heading “News and Rumours.” And further: if *Golos Pravdy* wishes to use its undisputable right not to name the authors of those items, then let it confirm that the items listed above have nothing to do with the Information Bureau.³³

Despite the fact that the editorial board of the newspaper *Zemshchina* accused the Information Bureau of silence, and its management, of inaction, the articles still made a certain effect. After the publication of those articles, the head of the Main Directorate for Press Affairs A. Bel'gard visited the Information Bureau and addressed its staff with a speech:

You, gentlemen, are doing a great job for the state. In any job, as well as in yours, complaints are almost inevitable. However, do not be embarrassed by that, I am responsible for

³⁰ *Zemshchina*, no. 184, January 12, 1910.

³¹ *Zemshchina*, no. 195, January 31, 1910.

³² *Zemshchina*, no. 195, January 31, 1910.

³³ *Zemshchina*, no. 195, January 31, 1910.

your mistakes. Do not fish for secret information. Those who give it know why they give it to you. You should not accept this information.³⁴

However, despite the conversation, the Information Bureau did not stop collecting secret information. The employees continued collecting secret information, although the process was not so extensive and not so open as before. On May 9, 1910, N. Griboedov instructed the employee N. Bindeman to collect information about the prospected construction of fortifications and barracks of the war ministry in Finland. However, fearing the responsibility, the employee who was charged with the task refused to do it, of which he informed his associates. In addition to the collection of classified information, which was reported to the Information Bureau free of charge, materials were listed in the expenditure statements as paid ones, in the name of some employees. The secretary of the Information Bureau, who knew about the situation, spent the funds to be accounted for and covered up the embezzlement with forgery, and the head of the Information Bureau did not raise the issue of instituting criminal proceedings against him.

It should be noted that the activities of civil servants were regulated by the current legislation, in particular, by the fifth section of the Code of Punishment “On Crimes and Misconduct in the State and Public Service.” M. Shedii points out:

The Code of Punishment established rather harsh sanctions for non-execution of the highest decree or conduct with intent for any mercenary or other types of abuse of power . . . , misappropriation or embezzlement of state or private property consigned for official purposes.³⁵

For example, if any public official received remuneration that was not statutory and was associated with violation of duties in the service, that person was subject to punishment:

In the form of imprisonment for a period from one to three years, . . . under mitigating circumstances, such an official was punished by court with severe reprimand or dismissal from office.³⁶

One can agree with E. Golovina, who notes:

From the objective side, such abuse of power was characterized both by the actions that went beyond the competence of an official, and by those that formally complied with the sphere of his competence, but in essence contradicted the interests of the state.³⁷

³⁴ F. 776, op. 32, d. 214, l. 2. RGIA.

³⁵ Shedii, *Corruption in Russia*, 52.

³⁶ Shedii, *Corruption in Russia*, 53.

³⁷ Golovina, *Legal Framework of the Fight against Corruption in Russia*, 74.

What was the case with the Information Bureau, in our opinion, was the fact of exceeding the official duties by the head of the Information Bureau and his deputy. In fact, demanding that their subordinates should collect and submit secret information, the leadership of the Information Bureau went beyond their competence and acted to the detriment of the interests of the state.

Several employees of the Bureau (V. Dobreshin, P. Kuk, and V. Myasoedov) addressed the head of the Main Department for Press Affairs A. Bel'gard with oral and written complaints about the illegal activities of N. Griboedov, but no inquiry was instituted.³⁸

In the opinion of the author of the note on the illegal activities of the Information Bureau, the explanation of the inaction of higher authorities should be sought in the rumours that attributed the role of an attorney in A. Bel'gard's monetary affairs to N. Griboedov. The author declared that with the help of Active State Councillor N. Khlebnikov, who had connections in financial spheres, N. Griboedov repeatedly arranged loans for A. Bel'gard.³⁹ Until May 25, 1910, N. Khlebnikov himself was an employee of the Information Bureau with a salary of 300 roubles per month, according to the salaries of the acting assistants to the head of the Information Bureau.⁴⁰

Thus, the note pointed out the illegal collection of secret information which then came into print, the appropriation of funds and the implementation of financial fraud, and also the inaction of higher authorities. According to the author of the note, the head of the Main Department for Press Affairs covered up for the head of the Information Bureau.

This situation clearly shows the state of affairs at the government institution and the attitudes of the Information Bureau executive employees. Possessing connections and authority sufficient to obtain valuable information, instead of serving the system of the state they were meant to protect and to uphold its interests in the information field, the officials used their positions for personal gain and enrichment, thus contributing to the weakening of authority of the Information Bureau and of the authorities in general.

Complaints about the activities of the Information Bureau were accepted, but judging by the lack of documents on the proceedings and by the fact that there was no replacement of management, it can be concluded that there was no official investigation. Both N. Griboedov together with his deputy and the employees who expressed dissatisfaction with the illegal activities of the leadership continued their work at the Information Bureau.

³⁸ F. 776, op. 32, d. 214, l. 2, RGIA.

³⁹ F. 776, op. 32, d. 214, l. 3, RGIA.

⁴⁰ F. 785, op. 1, d. 151, l. 84, RGIA.

Conclusion

The Information Bureau was established in order to provide the press with reliable information intended for publication and concerning the activities of the government, state and administrative officials and institutions, and also to provide objective coverage of social and political life in Russia and abroad, and was funded by the government. When fulfilling the order of the state to write denials and to clarify “circulating rumours and messages of Russian, non-Russian and foreign press,” high-ranking officials of the Information Bureau collected and disseminated the information that was not subject to disclosure and in doing so they themselves became the distributors of rumours that impaired the prestige and authority of the government. That situation was possible because of the absence of any control over the activities of the Information Bureau by the higher leadership, the head of the Main Directorate for Press Affairs who was in charge of the Information Bureau as well as the lack of any well-established mechanism for controlling the institution and its employees and the lack of regulatory standards of control codified in the legislation. The combination of those factors resulted in the emergence of such situations when the state agency which had been established to support the existing political system discredited it instead.

Список литературы

Амбросьев А. В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Академия управления министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. – 23 с.

Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати Российской империи // Соблюдение законности и обеспечение правопорядка в деятельности органов внутренних дел. – Москва: Академия управления министерства внутренних дел Российской Федерации, 2011. – С. 5–9.

Амбросьев А.В. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи: структура и организация деятельности // История государства и права. – 2011. – №17. – С. 30–35.

Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI – XX веков: диалектика системного подхода. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 96 с.

Головина Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI – XIX вв. – Москва: МВД России, 2004. – 90 с.

Гольцов В.Б. Социальные основы предупреждения коррупции в правоохранительных органах России. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. – 108 с.

Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти, 1831–1917. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 476 с.

Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. – 2015. – Серия: История. – № 3 (30). – С. 170–178.

Журавлева Я.А., Моисеев В.В. Борьба с коррупцией в России и мире. – Москва.: Филиал Московского института экономики, менеджмента и права в г. Тула, 2011. – 417 с.

Казанина Л. Ю. Столыпинские реформы в оценке российского общественного мнения (1906–1911): [к 150-летию со Дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина]. – Москва: ACADEMIA; Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2012. – 371 с.

Кельнер В.Е. Создание и деятельность осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. // Цензура в России: история и современность. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2011. – Вып. 5. – С. 237–243.

Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – 23 с.

Крылова Е.Н. Формирование положительного общественного мнения о государственной власти в России в 1906–1907 гг. (на примере работы Осведомительного бюро) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России. История и современность / отв. ред. В.А. Веремченко. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 162–167.

Кузовков Ю.В. История коррупции в России: В 2 т. – Москва: Анима-пресс, 2010.

Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 1997. – 134 с.

Лихоманов А. В. Самодержавие в борьбе за общественное мнение в годы Первой русской революции: (Правительственная печать в 1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет, 1995. – 18 с.

Мысловский Е. Н. Коррупция в России: преступление или образ жизни? – Москва: Экон-Информ, 2007. – 238 с.

Подройкина И.А. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве. – Москва: Юстицинформ, 2017. – 112 с.

Стейнберг М. Великая русская революция. 1905–1921 / перевод с английского Н. Эдельмана; под научной редакцией М. Гершзона. – Москва: Институт Гайдара, 2018. – 554 с.

Сторчилова Н.В. Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2012. – 124 с.

Чашин А.Н. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. – Москва: Дело и сервис, 2009. – 208 с.

Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.). – Томск: Томский университет, 2016. – 622 с.

Шедий М.В. Коррупция в России: опыт концептуализации и механизмы противодействия. – Орел: Орловская региональная академия государственной службы, 2011. – 144 с.

Competing voices from the Russian Revolution / ed. by M.C. Hickey. – Santa Barbara, California: Greenwood, 2011. – 599 p.

Lowe N. Mastering twentieth-century Russian history. – New York: Palgrave Macmillan, 2002. – 496 p.

Rendle M. Defenders of the Motherland: the Tsarist elite in revolutionary Russia. – Oxford: Oxford university press, 2010. – 274 p.

Stone B. The anatomy of revolution revisited : a comparative analysis of England, France, and Russia. – Cambridge; New York: Cambridge university press, 2014. – 529 p.

Sunderland W. The baron's cloak: a history of the Russian empire in war and revolution. – Ithaca: Cornell university press, 2014. – 344 p.

Weeks T. R. Across the revolutionary divide: Russia and the USSR. 1861–1945. – Chichester: Wiley–Blackwell, 2011. – 282 p.

References

Ambros'ev, A.V. “Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti osvedomitel'nogo byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati Rossiiskoi imperii” [Organizational and legal bases for the activities of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Russian Empire]. In *Soblyudenie zakonnosti i obespechenie pravoporyadka v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Observance of the law and ensurance of law and order in the activities of internal affairs authorities], 5–9. Moscow: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 2011. (In Russian)

Ambros'ev, A.V. *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti Glavnogo upravleniya po delam pechati Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii (1865–1917 gg.)* [Organizational and legal bases for the activities of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (1865–1917)]. PhD thesis. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. (In Russian)

Ambros'ev, A.V. “Osvedomitel'noye byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati MVD Rossiyskoy imperii: struktura i organizatsiya deyatel'nosti” [The Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: Structure and organization of activities]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 17 (2011): 30–35. (In Russian)

Astanin, V.V. *Bor'ba s korruptsiyey v Rossii XVI – XX vekov: dialektika sistemnogo podkhoda* [The fight against corruption in Russia in the 16th – 20th centuries: dialectics of system approach]. Moscow: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2003. (In Russian)

Chashin, A.N. *Korruptsiya v Rossii: strategiya, taktika i metody bor'by* [Corruption in Russia: strategy, tactics and methods of fight]. Moscow: Delo i servis, 2009. (In Russian)

Egorov, A.N. “Predvybornaya agitatsiya kak instrument diskreditatsii politicheskogo protivnika (po materialam vyborov v Gosudarstvennuyu dumu Rossiiskoi imperii)” [Pre-election campaign as a tool to discredit a political opponent (based on the materials of elections to the State Duma of the Russian Empire)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 30, no. 3 (2015): 170–78. (In Russian)

Golovina, E.I. *Pravovyye osnovy bor'by s korruptsiyey v Rossii v XVI – XIX vv.* [Legal framework of the fight against corruption in Russia in the 16th – 19th centuries]. Moscow: Ministerstvo vnutrennikh del Rossii, 2004. (In Russian)

Gol'tsov, V.B. *Sotsial'nye osnovy preduprezhdeniya korruptsii v pravookhranitel'nykh organakh Rossii* [Social foundations for the prevention of corruption in law enforcement agencies of Russia]. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014. (In Russian)

Grigor'ev, S.I. *Pridvornaya tsenzura i obraz verkhovnoy vlasti, 1831–1917* [Court censorship and the image of supreme power, 1831–1917]. St Petersburg: Aleteya, 2007. (In Russian)

Hickey, M.C., ed. *Competing Voices from the Russian Revolution*. Santa Barbara, Calif.: Greenwood, 2011.

Kazanina, L.Yu. *Stolypinskie reformy v otsenke rossiiskogo obshchestvennogo mneniya (1906–1911): [k 150-letiyu so Dnya rozhdeniya Petra Arkad'evicha Stolypina]* [Stolypin reforms in the assessment of Russian public opinion (1906–1911): [to the 150th anniversary of the birth of Petr

Arkad'evich Stolypin]]. Moscow: ACADEMIA; Akademiya povysheniya kvalifikatsii i professional'noi perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 2012. (In Russian)

Kel'ner, V.E. "Sozdanie i deyatel'nost' osvedomitel'nogo byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati: 1906–1917 gg." [Establishment and operation of the Information Bureau of the Main Directorate for Press Affairs: 1906–1917]. In *Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: history and the present]. Issue 5, 237–43. St Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2011. (In Russian)

Krylova, E.N. "Formirovaniye polozhitel'nogo obshchestvennogo mneniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii v 1906–1907 gg. (na primere raboty Osvedomitel'nogo byuro)" [Forming positive public opinion about the government authorities of Russia in 1906–1907 (based on the work of the Information Bureau)]. In *Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Private and public affairs in the daily life of the population of Russia. History and modernity], edited by V.A. Veremenko, vol. 1, 162–67. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2018. (In Russian)

Krylova, E.N. *Petr Dmitrievich Svyatopolk-Mirskii i deyatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del* [Petr Dmitrievich Svyatopolk-Mirsky and the activities of the Ministry of Internal Affairs]. PhD thesis. St Petersburg State University, 2006. (In Russian)

Kuzovkov, Yu.V. *Istoriya korruptsii v Rossii* [History of corruption in Russia]. 2 vols. Moscow: Anima-press, 2010. (In Russian)

Likhomanov, A.V. *Samoderzhavie v bor'be za obshchestvennoe mnenie v gody Pervoi russkoi revolyutsii: (Pravitel'stvennaya pechat' v 1905–1907 gg.)* [Autocracy in the struggle for public opinion during the First Russian Revolution (Governmental press in 1905–1907)]. PhD thesis. St Petersburg State University, 1995. (In Russian)

Likhomanov, A.V. *Bor'ba samoderzhaviya za obshchestvennoe mnenie v 1905–1907 gg.* [The struggle of autocracy for public opinion in 1905–1907]. St Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 1997. (In Russian)

Lowe, N. *Mastering Twentieth-Century Russian History*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.

Myslovskii, E.N. *Korruptsiya v Rossii: prestuplenie ili obraz zhizni?* [Corruption in Russia: a crime or a way of life?]. Moscow: Ekon-Inform, 2007. (In Russian)

Podroikina, I.A. *Sistema ugovolnykh nakazanii v istorii Rossii i v sovremennom zarubezhnom zakonodatel'stve* [The system of criminal penalties in the history of Russia and in modern foreign legislation]. Moscow: Yustitsinform, 2017. (In Russian)

Rendle, M. *Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Shedii, M.V. *Korruptsiya v Rossii: opyt kontseptualizatsii i mekhanizmy protivodeistviya* [Corruption in Russia: the experience of conceptualization and counteraction mechanism]. Orel: Orlovskaya regional'naya akademiya gosudarstvennoi sluzhby, 2011. (In Russian)

Shevtsov, V.V. *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.)* [Governmental periodical press of Siberia (second half of the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomskii universitet, 2016. (In Russian)

Steinberg, M. *Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921* [The Russian Revolution, 1905 – 1921]. Translated by Nikolai Edel'man. Edited by Mikhail Gershzon. Moscow: Institut Gaidara, 2018. (In Russian)

Stone, B. *The Anatomy of Revolution Revisited: A Comparative Analysis of England, France, and Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014.

Storchilova, N.V. *Korrupsiya v organakh vnutrennikh del i ee preduprezhdenie* [Corruption in the internal affairs bodies and its prevention]. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 2012. (In Russian).

Sunderland, W. *The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.

Weeks, T.R. *Across the Revolutionary Divide: Russia and the USSR. 1861–1945*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.

Zhuravleva, Ya.A., and V.V. Moiseev. *Bor'ba s korrupsiiei v Rossii i mire* [Fight against corruption in Russia and in the world]. Moscow: Filial Moskovskogo instituta ekonomiki, menedzhmenta i prava v gorode Tula, 2011. (In Russian)

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-3
УДК 130.2

Клюкина Людмила Александровна
Доктор философских наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет,
(Петрозаводск, Россия)
klyukina-la77@yandex.ru

Klyukina, Lyudmila
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
klyukina-la77@yandex.ru

Дискурс о Единой России в постимперском контексте *

Discourse about United Russia in the Post-imperial Context

Аннотация. В данной статье проведено исследование содержания дискурса о Единой России 2000–2008 гг. в контексте семиотического подхода Ю.М. Лотмана. Автор представил идею Единой России в качестве «продукта» эволюции имперского российского сознания и обосновал тезис о том, что дискурс о Единой России может рассматриваться в качестве варианта новой культурной идентичности России, так как нацелен на проведение модернизации общества и формирование восприятия государственной власти в качестве высшей культурной ценности, персонифицированной в институтах власти.

Ключевые слова: бинарная культура, дискурс, Единая Россия, империя, концепция «Москва – Третий Рим», СССР.

Abstract. This article investigates the substance of the discourse about United Russia in years from 2000 to 2008 in the context of the semiotic approach of Yu.M. Lotman. The author introduces

* Для цитирования: *Клюкина Л.А.* Дискурс о Единой России в постимперском контексте // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 911–937. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-3

For citation: *Klyukina, L.* “Discourse about United Russia in the Post-imperial Context.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 911–937, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-3>

the idea of United Russia as the “product” of the Russian imperial state’s evolution. The author argues that the discourse about United Russia can be regarded as one of the options for the new cultural identity of Russia. Author’s reasoning is that the purpose of this discourse is to modernize society and offer a new perception of the state authority as the higher cultural value embodied in government institutions.

Key words: binary culture, discourse, United Russia, empire, “Moscow is the Third Rome” concept, the USSR

Введение

Хотя Российская империя перестала существовать фактически в начале XX в., некоторые отечественные исследователи видят связь современной российской цивилизации с имперской традицией в философско-культурологическом аспекте. Отечественный философ А.С. Ахиезер характеризовал Россию в конце XX в. как «большое общество», представляющее собой объединение локальных обществ в форме государства на основе абстрактной системы ценностей, охраняемой законом. «Большое общество» формируется с целью дать адекватный ответ на очередной цивилизационный «вызов» (А. Тойнби). Ахиезер, опираясь на свою концепцию социокультурной эволюции, движущим фактором которой признавал развитие нравственного идеала, пришел к выводу, что главной задачей российского общества на рубеже XX–XXI вв. является преодоление раскола между соборным и авторитарным идеалами. Так как с этой задачей российская цивилизация сталкивалась уже не раз, Ахиезер сомневался в быстрой демократизации российского общества и предлагал критически осмыслить весь исторический опыт России, чтобы не повторять роковых ошибок¹. Российский культуролог В.К. Кантор утверждает, что империя является исключительно европейской идеей и противопоставляет ее идее восточной деспотии. Кантор предлагает следующее понимание империи:

империя – это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов².

С точки зрения Кантора, в задачу империи входит организация социального хаоса, контроль за первобытными инстинктами в правовом поле. Согласно такой логике, к империям можно отнести и Священную Римскую Империю, и ЕС. В любом историческом государстве можно наблюдать элементы деспотического правления и имперского. Критерием усиления имперского элемента, по Кан-

¹ Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.

² Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 19.

тору, является подчинение власти закону. Кантор считает, что нормальное развитие России вне империи невозможно, однако это должно быть наднациональное государство, объединяющее народы на основе идеи терпимости к Другому, выраженной в идеальной форме в христианстве. Ахиезер и Кантор рассматривали события начала XXI в. в России как переходный период, как новый виток развития российской цивилизации. Зарубежные исследователи Джереми Эдельман³, Ричард Пайпс⁴, Джереми Смит⁵, Рональд Суни⁶, Дэвид Хоффманн⁷, также отмечали наличие признаков имперской формы социально-политического бытия на различных этапах истории российского общества и государства. Позиция зарубежных авторов в данной статье рассматриваться не будет, так как эта задача для отдельного исследования.

В данной работе был сделан акцент на таком признаке империи, как стремление власти установить максимальную (предельно неограниченную) форму господства над обществом в рамках дискурса, основанного на принятых в конкретный период в международной среде представлениях о государственной легитимности. В контексте семиотического подхода Ю.М. Лотмана обосновывается возможность выявления/конструирования кода культуры, посредством которого можно исследовать дискурс культуры. Под кодом культуры он понимал структурные элементы локальных знаковых систем, а также принципы их применения в этих системах. Лотман считал, что выявление кода культуры создает для исследователя возможность конструирования семиотической ситуации изучаемой культуры, что позволяет ему применять определенную интерпретационную схему, наделяя события теми или иными значениями или смыслами. Культура является историческим феноменом, поэтому можно серьезно говорить о существовании исторической памяти культуры, а также о развитии культуры. Социальную и культурную историю Лотман интерпретировал в контексте идей синергетического подхода И. Пригожина, а также теории катастроф Ж.Л. Кювье. Мыслитель считал, что культура осознает себя в ситуации культурного взрыва⁸. Под культурным взрывом он понимал ситуацию, возникшую в результате взаимодействия между семиотической и внесемиотической реальностью, или ситуацию взаимодействия между культурными традициями, имеющими мало общего. В момент культурного взрыва «включаются те механизмы исто-

³ *Adelman J.* The Russian Revolution and Global Empires // *Ab Imperio*. – 2017. – № 2. – С. 45–52.

⁴ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. – New York: Charles Scribner's Sons, 1974.

⁵ *Smith J.* The Soviet State and the Individual // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 279–284.

⁶ *Suny R.G.* The revenge of the past: nationalism, revolution and the collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford university press, 1993.

⁷ *Hoffmann D.L.* Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 273–278.

⁸ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – Москва: Гнозис; Прогресс, 1992. – С. 30.

рии, которые должны ей самой объяснить, что произошло»⁹. В этой ситуации исследователь может занять место внешнего наблюдателя. То, что в прошлом произошло как случайность, в сознании наблюдателя конституируется как закономерность. Лотман разделял идею Пригожина о нелинейной эволюции самоорганизующейся системы, понимая под точками бифуркации «культурные взрывы». Становление относительно устойчивых состояний культуры Лотман связывал с формированием языка и кода культуры, на основе которых складывается дискурс культуры.

Лотман предлагает два сценария конституирования культурного взрыва, теоретически оформленные в виде бинарной и тернарной модели культуры. Для бинарной модели культуры характерна установка на уничтожение базовых ценностей «старой» культуры и замену на подлинные ценности «новой» культуры. Бинарная модель ориентирована на реализацию утопического идеала в жизни радикальными методами¹⁰. В тернарной культуре базовые ценности «старой» культуры перемещаются из центра на периферию, оставаясь признанными, но менее значимыми. Абстрактные идеалы адаптируются к реальности. Следствием этого является признание культурного плюрализма, утверждаемого в рамках социального и политического компромисса¹¹. Лотман рассматривал русскую культуру как бинарную, катастрофически переживающую культурные взрывы. Культурный взрыв конца XX в. Лотман считал историческим шансом для России перейти к построению тернарной модели культуры, упустить который значило бы столкнуться с новой «исторической катастрофой»¹².

Следуя логике Лотмана, а также учитывая тезис историков о том, что историей принято называть события пятилетней давности, условно можно занять позицию внешнего наблюдателя по отношению к отечественной культуре конца XX – начала XXI вв. и рассматривать ее как культуру, переживающую взрыв, являющийся «следствием» или отголоском культурных взрывов предшествующих эпох, т.е. «следствием» революции 1917 года и реформ Петра I. Таким образом, можно рассматривать российскую культуру конца XX – начала XXI вв. в постимперском контексте. В ракурсе ретроспективного видения в истории русской, и шире отечественной, культуры можно выделить следующие ситуации культурного взрыва, в контексте которых были сформированы тексты, содержащие знание о коде культуры того или иного периода: формирование концепции «Третьего Рима» на рубеже XV – XVI вв., идея Российской империи XVIII в., идея Советского государства начала XX в., идея Единой России начала XXI в. Целью данной статьи является исследование в контексте семио-

⁹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 30.

¹⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 258.

¹¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 257.

¹² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 270–271.

тического подхода Ю.М. Лотмана дискурса о Единой России 2000–2008 гг. в качестве «продукта» эволюции российского имперского сознания, а также обоснование возможности рассмотрения идеи Единой России в качестве варианта новой культурной идентичности России.

Основная часть

На рубеже XV – XVI вв. в русской культуре оформляется концепция «Третий Рим». Сама концепция оформляется как в ходе диалога с католическим Западом по вопросу об эсхатологических пророчествах тех лет, так и в ходе диалога Русской православной церкви с княжеской властью. Основные идеи концепции «Третьего Рима» были изложены в 1523 г. в «Послании на звездочетцев» инока Псковского Елеазарова монастыря старца Филофея, адресованном дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину, эмиссару московского великого князя в Пскове¹³. Согласно Филофею, истинное христианское царство должно представлять собой единство материальной и духовной субстанции. После падения Византии Московское государство остается единственным крупным политически независимым православным государством. Московское царство Филофей отождествляет с «Третьим и Последним Римом», где христианская Церковь обретет вечный покой. Существование «Третьего Рима» зависит от божественного терпения, которое, в свою очередь, зависит от нравственного воспитания и духовного преображения христиан, и прежде всего, «царствующего»¹⁴. Обращаясь к подробному анализу посланий Филофея, историк Н.В. Сеницына делает вывод, что Филофей создал православный вариант теории *translatio imperii*, согласно которой «Третий Рим» переносится на северо-восток¹⁵. Два исторических процесса, оформление автокефалии Русской православной церкви и становление российского самодержавия, шли параллельно и взаимно предполагали друг друга. Инициатива, связанная с распространением христианства на Руси, традиционно исходила от власти. В этом многие церковные деятели видели особый Божий промысел. На этот факт впервые указал В.В. Зеньковский:

Теократическая тема христианства развивается в России не в смысле примата духовной власти над светской, как это случилось на Западе, а в сторону усвоения государ-

¹³ Корневский А. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // *Ab Imperio*. – 2001. – № 1–2. – С. 121.

¹⁴ Приложение №1. Около 1523–1524 г. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» // Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – Москва: Индрик, 1998. – С. 336–346.

¹⁵ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). – С. 327.

ственной власти священной миссии. Это не было движение в сторону цезарепапизма – Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения. Точкой приложения Промысла Божия в истории является государственная власть – в этом вся «тайна» власти, ее связь с мистической сферой. Но потому церковное сознание, развивая теократическую идею христианства, и стремится найти пути к освящению власти. Власть должна принять в себя церковные задачи¹⁶.

Таким образом, государственное строительство было оправдано реализацией нового в истории культурно-нравственного идеала в ходе диалога власти и церкви, власти и общества. Проведя семиотический анализ концепции «Москва – Третий Рим», Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский сделали вывод, что эта идея по самой своей сути была амбивалентной. Данная амбивалентность, с их точки зрения, предполагала две равновероятные перспективы культурной ориентации, и, следовательно, два возможных варианта исторического развития Российского государства.

С одной стороны, она (идея «Москва – Третий Рим» – Л.А. Клюкина) подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от «нечистых» земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т. е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность – в Византии видели мировую империю, наследницу римской государственной мощи¹⁷.

Так как для русской религиозной культуры XV–XVI вв. характерно было культурное преобладание символизма сознания над психизмом языка, то «формирование культа и становление власти в отечественной культуре начинают обозначаться одной языковой структурой»¹⁸. Гармоничное сочетание «священства» и «царства» в данной идее обеспечивалось тем обстоятельством, что «Рим» использовался не только как языковой объект, но как символ, имманентный самому сознанию, обозначающий сам себя. В культуре XV–XVI вв. «Тре-

¹⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. – Т. 1. – С. 46.

¹⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / ответственный редактор В.А. Карпушин. – Москва: Наука, 1982. – С. 238.

¹⁸ Клюкина Л.А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №1 (14). – С. 67.

тий Рим” являлся языковой структурой, напрямую отсылающей к такой универсалии культуры, как христианская империя»¹⁹.

Трансформация идеи «Москва – Третий Рим» в семиосфере русской культуры XVIII в. стала следствием культурного диалога с Западом. Инициатива диалога исходила от власти, проводившей культурную переориентацию с целью онтологически обосновать конструирование нового социального образования, Российской империи. В 1721 г. Петр I принимает ряд новых титулов: «Император», «Великий», «Отец Отечества». Как показывает Б.А. Успенский, титул «Отец Отечества» имел двойственное значение. В западной традиции титул «Отец Отечества» (*pater patriae*) был почетным титулом римских императоров. В контексте допетровской культуры титул «Отец Отечества» мог быть применен только к патриарху²⁰. Так как после принятия этого титула было упразднено патриаршество, и монарх был объявлен «Крайним Судией» Духовной коллегии, то указанный титул воспринимался в том смысле, что «Петр возглавил церковь и объявил себя патриархом»²¹. Проведя семиотический анализ произведений Феофана Прокоповича, а также текстов петербургской архитектуры и литературы XVIII – XIX вв., Лотман и Успенский делают вывод о том, что в этих текстах образ апостола Петра переносится на образ императора Петра²², а Петербург воспринимается как «святой город Петра», святость которого заключается в его государственности²³. Трансформация концепции «Москва – Третий Рим» выразилась в том, что идеологи петровской эпохи избрали в качестве ориентира парадигму власти. Феофан Прокопович в «Правде воли монаршей» соединяет теорию божественного происхождения верховной власти с теорией естественного права и теорией общественного договора. Феофан Прокопович утверждал, что власть монарху дана Богом и он отвечает только перед Богом, распоряжаясь общественным благом²⁴. Чтобы обосновать самовластие императора, Петр I сознательно поддерживал ситуацию семиотического двуязычия в культуре. Противопоставление старых и новых политических и государственных символов может рассматриваться модернизацией старой бинарной структуры русской культуры.

¹⁹ Клюкина Л.А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.). – С. 68.

²⁰ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – Санкт-Петербург: Азбука, 2002. – С. 80.

²¹ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 80.

²² Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 244.

²³ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 241.

²⁴ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра I в первой четверти XVIII века. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – С. 273–275.

Религиозная культура понималась как «неправильная», «несуществующая». Однако она была необходима в качестве альтернативы, так как через нее и посредством нее осуществлялась связь с заданным первичным символом, «Третьим Римом»²⁵.

Идея об особой миссии «царствующего» трансформируется в идею императора-просветителя, а сам процесс просвещения интерпретируется как дело, угодное Богу. «Запад» понимался как временный и недостойный носитель ценностей Просвещения. Тексты западной культуры переносились в русскую культуру без воспроизводства семиотической ситуации, т.е. сама новая знаковая система использовалась как код, как схема организации сообщения. В ситуации семиотического различия культа и культуры идея империи воспринималась социумом амбивалентно: либо как способ культурной самоидентификации, либо как «чужое», имеющее отрицательное значение.

Ситуация следующего культурного взрыва связана с событиями 1917 г., которые привели к распаду Российской Империи и возникновению нового государства, Советского Союза. Культуру Российской Империи сменила советская культура. В советской культуре формируется новая концепция власти. Народ признавался творцом истории и субъектом власти. Однако, чтобы удержать завоевания социалистической революции в условиях войны и экономической и культурной отсталости страны, большевики установили диктатуру пролетариата, которая позже трансформировалась в диктатуру КПСС²⁶. Партийные идеологи утверждали, что только они знают, как реализовать на практике идеи марксизма-ленинизма, чтобы создать «новый социум общей судьбы». Творение нового типа социума предполагало новый нравственно-культурный идеал – всесторонне развитую и эмансипированную личность²⁷. Опираясь на семиотический подход Лотмана и Успенского, Л.Г. Ионин характеризует советскую культуру как репрезентативную и моностилистическую. Репрезентативной она является потому, что представляла собой схему интерпретации всех событий и фактов человеческой истории и была одновременно инструментом легитимизации существующего социального порядка²⁸. Моностилистической эту культуру можно назвать, так как все ее элементы обладали внутренней связностью и активно разделялись, либо пассивно принимались всеми членами общества²⁹. Новому пониманию власти соответствовал новый вариант понимания трансцен-

²⁵ Клюкина Л.А. Идея империи как способ формирования культурной идентичности России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 87.

²⁶ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. – Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 1998. – С. 187.

²⁷ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. – С. 171.

²⁸ Ионин Л.Г. Социология культуры. – Москва: Логос, 1998. – С. 182.

²⁹ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 181–182.

дентности. Высший смысл отождествлялся с эйдетическим пространством – Идеей как таковой. Русский философ Н.А. Бердяев³⁰ первым охарактеризовал советское государство как типично идеократическое. Достижение социализма было объявлено делом будущего, поэтому все ресурсы общества были направлены на реализацию идеи советского государства как подготовки к этому достижению. По Ионину идея советского государства основывалась на следующих принципах: принципе тотальности, принципе иерархии, принципе телеологии. Согласно принципу тотальности, все события следовало понимать однозначно, в идеологических терминах. На принципе иерархии было основано право говорить от лица Истины, принадлежавшее вождю партии Сталину. Принцип телеологии ориентировал на достижение социалистического идеала в будущем³¹. Имперская культура России и современная культура буржуазных государств объявлялись «неправильными», так как оправдывали общества социальной несправедливости. Преимущества социализма, по сравнению с другими типами обществ, признавались объективными, основанными на ряде следующих убеждений. При социализме достигается гармоничное сочетание частных и общих интересов, постепенно можно улучшить условия жизни всех членов общества. Партийные лидеры обладают непогрешимостью, так как руководствуются правильной идеологией, а если даже они совершают ошибки, то последние являются объективным моментом на пути к прогрессу³². В советской культуре складывается своеобразная «метафизика власти», основой которой служит «сакрализация» деятельности партийной номенклатуры, прежде всего деятельности партийного вождя, что затем привело к обожествлению личности самого Сталина³³. Таким образом, превращение марксистско-ленинской идеологии в культурную привело к превращению КПСС к концу ее существования из политического института в культурный³⁴. КПСС выполняла роль культурной доминанты, вокруг которой организовывался остальной культурный ансамбль. Об общем генетическом коде культуры российской империи и советской культуры можно говорить условно. Идея Российской империи была онтологически обоснована, так как просвещенное государство понималось реализацией Царства Божьего на земле. Идея советского государства, заявленная как парадигма власти народа, по сути выражала сакрализацию власти КПСС.

Новая российская культура стала складываться в 2000–2008 гг., что было связано с деятельностью президента РФ В.В. Путина. Соответственно также

³⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990.

³¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 168–169.

³² Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 186–190.

³³ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 2. – Москва: АПН, 1989. – С. 135–136.

³⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 211.

формируется новая концепция власти, которая просматривается в «Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию» тех лет, понимаемых руководством страны как диалог власти с народом. Согласно конституции 1993 г. сущность власти в России состоит в демократии. По Путину, «источником благополучия и процветания России является народ»³⁵. Путин отмечает, что власть и народ объединяет общая интенция – стремление к новому, к творчеству. Однако народ, по его мнению, обладая потенцицией, не обладает знанием, как реализовать свой потенциал. Правом на творчество и знанием истины обладает только власть.

Заметьте, в какие времена мы ни жили: в периоды революционных потрясений или в годы застоя – нам почти всегда хочется перемен. Правда, при этом у каждого из нас свои представления о том, какими должны быть эти перемены, свои приоритеты, симпатии и антипатии, свои взгляды на прошлое, настоящее и на будущее. Это понятно, это естественно: мы разные. Однако есть нечто такое, что объединяет всех без исключения: все хотят, чтобы это были перемены к лучшему. Но не все знают, как этого добиться. А мы с вами, те, кто собрался сегодня здесь, в Кремле, не только обязаны это знать – мы обязаны сделать все для того, чтобы выработать план практических действий. Мы должны сделать все для того, чтобы убедить в эффективности этого плана подавляющее большинство граждан страны и сделать их реальными соучастниками общего созидательного процесса³⁶.

Таким образом, власть признается условием существования и понимания социального бытия. Место России в мире Путину видится среди ведущих мировых держав, вершащих судьбы мира:

Военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы. А именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия. Как «гасить» современные локальные конфликты. Как преодолевать другие, новые вызовы. И, наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности – будут нести ведущие мировые державы. Державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния. Вот почему вопрос модернизации российской армии является сейчас крайне важным. И он реально волнует российское общество³⁷.

³⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Официальный сайт Компании КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_60109/ (дата обращения 30.08.2018).

³⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

³⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

Признавая Россию мировой державой, Путин считает, что нет необходимости формулировать национальную идею России. Это занятие он сравнивает с поиском смысла жизни, которым можно заниматься всегда и бесконечно, поэтому не стоит тратить на это время³⁸. Президент обосновывает объединение народов в рамках великой державы исторической необходимостью:

В то же время культурная и духовная самобытность еще никому не мешала строить открытую миру страну. Россия сама внесла огромный вклад в становление общеевропейской и мировой культуры. Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий³⁹.

В своих посланиях Путин сформулировал необходимость решения следующих задач: укрепление статуса России в качестве великой мировой державы, построение гражданского общества и гражданских институтов, развитие рыночной экономики, улучшение материального и социального благополучия граждан, развитие России как уникальной цивилизации, а также развитие исторических традиций, не конкретизировав каких именно. В 2001 г., с целью поддержания общего политического курса президента, была создана партия «Единая Россия». Эту партию нельзя идентифицировать по классово-слоевому признаку, хотя членами этой партии были состоятельные люди. Всех этих людей объединяла актуальная политическая тема – «План Путина». Поэтому «Единая Россия» получила название «партия власти». В 2007 г. Путин возглавил список кандидатов от партии во время избирательной кампании в Государственную Думу V созыва. Политолог Сергей Марков охарактеризовал эту ситуацию как процесс институционализации личности президента РФ:

Приняв решение возглавить федеральный список партии «Единая Россия», Путин остается в качестве морально политического лидера нации и его положение становится более институционализированным – оно без сомнения теперь будет более стабильным, более четким и ясным, потому что мы много говорили, что надо переходить от стабильности, основанной на личности, к стабильности, основанной на институтах⁴⁰.

³⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

³⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». – URL: http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_67870/ (дата обращения 30.08.2018).

⁴⁰ Марков: После президентства Путин останется лидером нации // Деловая газета «Взгляд». – URL: <https://vz.ru/news/2007/10/1/113798.html> (дата обращения 29.08.2018).

Заместитель руководителя Администрации Президента, помощник Президента РФ В.Ю. Сурков утверждал, что концепцию российской демократии нельзя понимать без учета типичных черт русской политической культуры и русского национального сознания. В русском культурном сознании «синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным»⁴¹. Сурков предложил использовать идею целостности русской культуры в качестве аксиомы для определения параметров реальной политики. Исходя из данной культурной установки, он выделил три особенности российской политической практики:

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Опять же, все эти вещи имеются и в других политических культурах, но в нашей несколько сверх средней меры⁴².

Централизация властных функций в РФ проявилась в том, что большинство членов Государственной Думы и Совета Федерации РФ являлись членами партии «Единая Россия», такая же ситуация сложилась и в местных органах власти. Образ России как государства, по мнению Суркова, удачно выразился в образе харизматичной личности президента Путина, а программа партии «Единая Россия» воспринимается как «план Путина»⁴³. Под идеализацией целей политической борьбы Сурков понимал ориентацию на утопию, что с его точки зрения, создает важный стимул для общественного развития. Сурков отрицал мессианские концепции прошлого: Третий Рим и Третий Интернационал. Идею мессианства он предложил заменить идеей миссии российской нации, требующей уточнения, но безусловно связанной с утверждением роли России среди других мировых государств⁴⁴. Он пояснял, что речь идет о реализации желаний в будущем и предложил смотреть на проблемы России «из будущего».

В качестве денотата идеи Единой России предполагалась Российская Федерация в будущем как сильная мировая держава во главе с харизматичным лидером, где построено гражданское общество и демократические институты в условиях рыночной экономики с применением наукоемких и инновационных технологий. Идея Единой России представляла собой амбивалентность прежде всего в культурном отношении. С одной стороны, власть официально придерживалась курса на демократическую модернизацию российского общества, что предполагало децентрализацию власти, культурный плюрализм, сосуществова-

⁴¹ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – Москва: Независимая газета, 2007. – С. 6.

⁴² Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 6.

⁴³ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 7.

⁴⁴ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 7.

ние различных дискурсивных практик. С другой стороны, опасаясь социального хаоса внутри нового общества, а также угрозы терроризма и экстремизма извне, власть планировала сохранить и закрепить за Россией статус сильной в военном отношении мировой державы. Поэтому власть официально объявила об отсутствии национальной идеи, объявила эту задачу делом будущего. Построение открытого демократического общества и укрепление статуса мировой державы рассматривались властью как равновероятные варианты. В Посланиях президента Россия объявлялась уникальной самобытной цивилизацией, сформировавшейся на основе русской православной культуры и вобравшей в себя лучшие ценности мировой культуры. В этой связи в СМИ особой значимостью стали наделяться исторические события, способствовавшие объединению народов в единое централизованное государство: крещение Руси князем Владимиром, образование Московского Государства, преодоление смуты конца XVI – начала XVII вв., реформы Петра I, победа СССР в Великой Отечественной Войне. Российская Федерация в таком контексте стала мыслиться этапом прогрессивного развития российской цивилизации, которая постоянно стремится к построению открытого общества, но вынуждена преодолевать опасность внешней угрозы ее мирному существованию. Так как заявленный идеал России предполагалось осуществить только в будущем, власть обратилась к сакрализации дискурса о Единой России. Восприятие абстрактного идеала стало возможным посредством персонификации институтов власти. Образ сильного харизматичного президента идеологами власти проецировался на образ России как сильной мировой державы и на образ партии «Единой России» как «партии власти».

Заключение

Идею Единой России можно представить в качестве «продукта» эволюции имперского российского сознания. В содержании этой идеи присутствуют те же признаки, что и в других имперских дискурсах российского сознания: установка на построение общества социальной справедливости с богатой духовной культурой в будущем; реализация этого проекта может быть осуществлена под руководством власти, так как знанием о модернизации действительности обладает только власть; построение сильного централизованного государства с целью защиты от внешней угрозы; укрепление веры в абстрактный идеал путем формирования образа сильного харизматического лидера власти; упрощение путем интерпретации заимствованных культурных идей в собственных терминах, сведения их к уже знакомому культурному материалу. Таким образом, дискурс о Единой России может рассматриваться в качестве варианта новой культурной идентичности России, так как нацелен на проведение модернизации

общества и формирование восприятия государственной власти в качестве высшей культурной ценности, персонифицированной в институтах власти.

Introduction

Although in fact the Russian Empire ceased to exist at the beginning of the 20th century, some Russian researchers see the connection of modern Russian civilization with the imperial tradition in the aspect of philosophy and culture. Russian philosopher A. Akhiezer described Russia at the end of the 20th century as a “large society,” which was an association of local societies in the form of a state based on an abstract value system protected by law. The “large society” is formed with the aim of giving an adequate response to the next civilizational “challenge” (Arnold Toynbee). Relying on his concept of sociocultural evolution (he recognized the development of the moral ideal as its driving factor) Akhiezer came to the conclusion that the main task of Russian society at the turn of the 20th and 21st centuries is to overcome the split between sobornost and authoritarian ideals. As the Russian civilization had faced this task more than once, Akhiezer doubted the rapid democratization of Russian society and offered to critically comprehend the entire historical experience of Russia so as not to repeat fatal mistakes.¹ V. Kantor, a Russian culturologist, claims that the empire is an exclusively European idea and opposes it to the idea of Eastern despotism. Kantor suggests the following understanding of empire:

The empire is a political and social structural entity intended by history to introduce multi-tribal and multi-confessional peoples into regulatory and civilizational space.²

From Kantor’s point of view, the task of the empire includes the organization of social chaos and the control over primitive instincts in the legal field. According to this logic, both the Holy Roman Empire and the EU can be described as empires. In any historical state, one can observe elements of despotic rule and imperial rule. The criterion of strengthening the imperial element, according to Kantor, is the subordination of power to the law. Kantor believes that the normal development of Russia outside the empire is impossible; however, it should be a supranational state that unites

¹ A.S. Akhiezer, “Russia as a Large Society” [in Russian], *Voprosy filosofii*, no. 1 (1993): 3–19.

² V.K. Kantor, *St Petersburg: Russian Empire against Russian chaos. To the Problem of Imperial Consciousness in Russia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2007), 19.

peoples based on the idea of tolerance to the Other, which is expressed in its ideal form in Christianity. Akhiezer and Kantor considered the events of the early 21st century in Russia as a transitional period, a new stage in the development of Russian civilization. Foreign researchers Jeremy Adelman,³ Richard Pipes,⁴ Jeremy Smith,⁵ Ronald Suny,⁶ and David Hoffmann⁷ also pointed out the signs of the imperial form of social and political being at various stages of the history of Russian society and state. The opinion of foreign authors will not be considered in this article, since this is a task for a separate study.

This study is focused on such a sign of the empire as the desire of the authorities to establish the maximum (extremely unlimited) form of domination over society within the framework of discourse based on the ideas of state legitimacy adopted in a particular period in the international environment. In the context of the semiotic approach Yu. Lotman justified the possibility of identifying/constructing a culture code through which cultural discourse can be explored. By culture code he meant the structural elements of local sign systems, as well as the principles of their application in those systems. Lotman believed that the culture code identification offers a researcher the possibility of constructing a semiotic situation of the culture under study, which allowed him to apply a certain interpretational scheme, giving events some values or meanings. Culture is a historical phenomenon, so one may seriously speak about the development of culture as well as about the existence of historical memory of culture. Lotman interpreted social and cultural history in the context of the ideas of the synergetic approach of I. Prigozhin and Georges Cuvier's theory of catastrophes. The thinker believed that culture becomes aware of itself under the conditions of cultural explosion.⁸ By cultural explosion he understood the situation that arose as a result of the interaction between semiotic and extra-semiotic reality, or the situation of interaction between cultural traditions that have very little in common. At the moment of cultural explosion "those mechanisms of history are turned on that should explain to it what happened."⁹ In this situation, a researcher may take the place of an external observer. What happened as an accident in the past is constituted as a pattern in the mind of an observer. Lotman shared the idea of Prigozhin about the non-linear evolution of self-organizing system and by the bifurcation points he meant "cultural explosions." Lotman associated the emergence of relatively stable states of culture

³ J. Adelman, "The Russian Revolution and Global Empires," *Ab Imperio*, no. 2 (2017): 45–52.

⁴ R. Pipes, *Russia under the Old Regime* (New York: Charles Scribner's Sons, 1974).

⁵ J. Smith, "The Soviet State and the Individual," *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 279–84.

⁶ R.G. Suny, *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford University Press, 1993).

⁷ D.L. Hoffmann, "Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History," *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 273–78.

⁸ Yu.M. Lotman, *Culture and Explosion* [in Russian] (Moscow: Gnozis; Progress, 1992), 30.

⁹ Lotman, *Culture and Explosion*, 30.

with the formation of the language and the culture code, on the basis of which the discourse of the culture is formed.

Lotman offers two scenarios for the constitution of a cultural explosion, outlined theoretically in the form of a binary and a ternary model of culture. The binary model of culture is characterized by the orientation at destroying the basic values of the “old” culture and replacing them with the true values of the “new” culture. The binary model is focused on the implementation of the utopian ideal in life by radical methods.¹⁰ In ternary culture, the basic values of the “old” culture are shifted from the center to the periphery, remaining recognized but less significant. Abstract ideals are adapted to reality. The consequence is the recognition of cultural pluralism affirmed within the framework of social and political compromise.¹¹ Lotman viewed Russian culture as a binary one, which catastrophically experienced cultural explosions. Lotman considered cultural explosion of the end of the 20th century as a historical chance for Russia to move to building a ternary model of culture; to miss the chance would mean to face a new “historical catastrophe.”¹²

Following Lotman’s logic and also taking into account the thesis of historians that it is customary to call the events that happened five years ago history, one may conditionally take the position of an external observer in relation to the national culture of the late 20th – early 21st centuries and consider it as a culture experiencing an explosion, which is a “consequence” or an echo of the cultural explosions of previous eras, i.e. the “consequence” of the Revolution of 1917 and the reforms of Peter the Great. Thus, one can consider the Russian culture of the late 20th – early 21st centuries in post-imperial context. From the perspective of the retrospective vision in the history of Russian and, wider, national culture, the following cultural explosion situations can be distinguished, whose context formed the texts containing knowledge of the culture code of a particular period: the formation of the concept of the “Third Rome” at the turn of the 15th – 16th centuries, the idea of the Russian Empire of the 18th century, the idea of the Soviet state of the beginning of the 20th century, and the idea of United Russia of the beginning of the 21st century. The purpose of this article is to research the discourse about United Russia in years from 2000 to 2008 in the context of the semiotic approach of Yu. Lotman as a “product” of the evolution of the Russian imperial consciousness, and to justify the possibility for considering the idea of United Russia as an option for the new cultural identity of Russia.

Main body

At the turn of the 15th – 16th centuries the concept of the Third Rome was formed in Russian culture. The concept itself was formed both during the dialogue with the

¹⁰ Lotman, *Culture and explosion*, 258.

¹¹ Lotman, *Culture and explosion*, 257.

¹² Lotman, *Culture and explosion*, 270–71.

Catholic West on the issue of the eschatological prophecies of those years and during the dialogue of the Russian Orthodox Church with the princely authority. The main ideas of the Third Rome concept were set forth in 1523 in the “Epistle to the Astrologers” by the Elder Philotheus of Pskov, a Yelizarov Monastery monk, addressed to M. Misyur-Munekhin, a government official and emissary of the Grand Prince of Moscow in Pskov.¹³ According to Philotheus, the true Christian kingdom must be a unity of material and spiritual substance. After the fall of Byzantium, the Moscow State remained the only major politically independent Orthodox state. Philotheus identified Muscovy with the “Third and the Last Rome,” where the Christian Church would find its eternal peace. The existence of the Third Rome depends on the divine patience, which, in its turn, depends on the moral education and spiritual transformation of Christians and, above all, of “the one who reigns.”¹⁴ Referring to the detailed analysis of the epistle of Philotheus, a historian N. Sinitsyna concludes that Philotheus created the Orthodox version of the *translatio imperii* theory, according to which the Third Rome moved to the northeast.¹⁵ Two historical processes, the design of the autocephaly of the Russian Orthodox Church and the formation of the Russian autocracy, went in parallel and presupposed each other. The initiative associated with the spread of Christianity in Russia was traditionally originated and encouraged by the authorities. Many of the church leaders saw special Divine Providence in that. This fact was first pointed out by V. Zen'kovskii:

The theocratic idea of Christianity developed in Russia not in the sense of the primacy of spiritual power over secular power, as it happened in the West, but in the direction of assimilating the state authority of the sacred mission. This was not a movement towards caesaropapism: the Church itself approached the state in order to bring into it the gracious power of sanctification. The point of the Divine Providence application in history is the state power – this is the whole “secret” of power and its connection with the mystical sphere. And that is why, developing the theocratic idea of Christianity, the church consciousness seeks to find ways to sanctify power. The state authority must incorporate the tasks of the church.¹⁶

¹³ A. Korenevskii, “By Whom and When was ‘Moscow is Third Rome’ Theory Invented?” [in Russian], *Ab Imperio*, no. 1–2 (2001): 121.

¹⁴ Appendix no. 1. Ca. 1523–1524. Epistle of Philotheus, the monk of Pskov Eleazarov monastery, to the government official M.G. Misyur-Munekhin with the refutation of the astrological predictions of Nikolay Bulev and outlining the concept of the Third Rome [in Russian], in N.V. Sinitsyna, *The Third Rome. The origins and evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th centuries)* (Moscow: Indrik, 1998), 336–46.

¹⁵ N.V. Sinitsyna, *The Third Rome. The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th centuries)* [in Russian], 327.

¹⁶ V.V. Zen'kovskii, *History of Russian Philosophy* [in Russian], vol. 1 (Paris: YMCA-PRESS, 1989), 46.

Thus, state-building was justified by implementing a historically new cultural and moral ideal during the dialogue between the authority and the church, the authority and the society. Having conducted semiotic analysis of the concept “Moscow is the Third Rome,” Yu. Lotman and B. Uspenskii concluded that that idea was inherently ambivalent. This ambivalence, from their point of view, suggested two equally probable perspectives of cultural orientation, and, consequently, two possible variants of historical development of the Russian state.

On the one hand, it [the idea that Moscow is the Third Rome] implied the connection of the Moscow state with the highest spiritual and religious values. Making piety the main feature and foundation of Moscow’s state power, this idea emphasized the theocratic aspect of orientation towards Byzantium. In this version, the idea implied isolation from the “unclean” lands. On the other hand, Constantinople was perceived as the second Rome, i.e., imperial essence was emphasized in the political symbolism associated with this name – Byzantium was viewed as the world empire, the heir to the might of the Roman state.¹⁷

As the cultural predominance of the symbolism of consciousness over the psychism of the language was characteristic for the Russian religious culture of the 15th – 16th centuries, “the formation of a cult and the establishment of authority in the national culture began to be designated by the same linguistic structure.”¹⁸ The harmonious combination of “sanctity” and “kingdom” in this idea was ensured by the fact that “Rome” was used not only as a language object, but also as a symbol that was immanent to the consciousness and denoted itself. In the culture of the 15th–16th centuries, the Third Rome was a linguistic structure directly referring to such a cultural universality as the Christian empire.¹⁹

Transformation of the idea “Moscow is the Third Rome” in the semiosphere of Russian culture of the 18th century resulted from the cultural dialogue with the West. The dialogue was initiated by the authority which carried out cultural reorientation in order to ontologically substantiate the construction of a new social formation, the Russian Empire. In 1721, Peter the Great assumed a number of new titles: “Emperor”, “Great”, and “Father of the Fatherland”. As B. Uspenskii points out, the title “Father of the Fatherland” had a dual meaning. In the Western tradition, the title Father of the Fatherland (*pater patriae*) was a honorary title of the Roman emperors. In the context of the pre-Petrine culture, the title “Father of the Fatherland” could only be

¹⁷ Yu.M. Lotman and B.A. Uspenskii, “Echoes of the “Moscow is the Third Rome” Concept in the Ideology of Peter the Great” [in Russian], in *Artistic Language of the Middle Ages*, ed. V.A. Karpushin (Moscow: Nauka, 1982), 238.

¹⁸ L.A. Klyukina, “Institutionalization of the Mythologeme of Empire in Russian Cultural Consciousness (15th–16th centuries)” [in Russian], *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniï kul'tury*, vol. 14, no. 1 (2014): 67.

¹⁹ Klyukina, “Institutionalization of the Mythologeme of Empire,” 68.

applied to the patriarch.²⁰ Due to the fact that after the adoption of this title the patriarchate was abolished and the monarch was declared the “Supreme Judge” of the Spiritual Collegium, the title mentioned earlier was perceived in the sense that “Peter headed the church and declared himself patriarch.”²¹ Having conducted semiotic analysis of the works of Theophan Prokopovich and the texts of Petersburg architecture and literature of the 18th and 19th centuries, Lotman and Uspenskii concluded that in those texts the image of the Apostle Peter is transferred to the image of Emperor Peter,²² and St. Petersburg is perceived as the “holy city of Peter” and its holiness lies in its statehood.²³ The transformation of “Moscow is the Third Rome” concept was expressed in the fact that the ideologists of the era of Peter the Great chose the paradigm of power as a guideline. In “The Truth of the Will of the Monarchs,” Theophan Prokopovich connected the theory of the divine origin of the supreme power with the theory of natural law and the theory of social contract. Theophan Prokopovich argued that the authority was given to the monarch by God and while managing the public good, the monarch is responsible only to God.²⁴ In order to justify the emperor’s autocracy, Peter the Great knowingly supported the situation of semiotic bilingualism in culture. The juxtaposition of the old and the new political and state symbols can be considered as modernization of the old binary structure of Russian culture.

Religious culture was understood as “wrong” and “nonexistent”. However, it was needed as an alternative because communication with the specified primary symbol, the Third Rome, was made through it and by means of it.²⁵

The idea of the special mission of “the one who reigns” was transformed into the idea of the enlightener emperor, and the process of enlightenment was interpreted as a God-pleasing work. The West was understood as a temporary and unworthy carrier of the Enlightenment values. The texts of the Western culture were transferred to Russian culture without reproducing the semiotic situation, i.e. the new sign system itself was used as a code, as a scheme to organize the message. In the situation of semiotic distinction between the cult and the culture, the idea of the empire was perceived by the society in an ambivalent way: either as a means of cultural self-identification, or as something “alien” with a negative meaning.

²⁰ B.A. Uspenskii, *Sketches of Russian History* [in Russian] (St Petersburg: Azbuka, 2002), 80.

²¹ Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 80.

²² Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 244.

²³ Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 241.

²⁴ E.V. Anisimov, *The State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997), 273–75.

²⁵ L.A. Klyukina, “Idea of Empire as Way of formation Russian Cultural Identity” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* no. 7(136), vol. 2 (2013): 87.

The situation of the next cultural explosion is connected with the events of 1917, which led to the collapse of the Russian Empire and the emergence of a new state, the Soviet Union. The culture of the Russian Empire was replaced by Soviet culture. In Soviet culture, a new concept of power was being formed. The people were recognized as the creator of history and the subject of authority. However, in order to keep the gains of the socialist revolution under the conditions of war and economic and cultural backwardness of the country, the Bolsheviks established the dictatorship of the proletariat, which later transformed into the dictatorship of the CPSU.²⁶ The party ideologues argued that they were the only ones who knew how to implement the ideas of Marxism-Leninism in order to create “the new society of common destiny.” The creation of the new type of society presupposed a new moral and cultural ideal, that of a well-rounded and emancipated personality.²⁷ Based on the semiotic approach of Lotman and Uspenskii, L. Ionin characterizes Soviet culture as representative and mono-stylistic. Soviet culture is representative because it was a scheme for interpreting all the events and facts of human history and was at the same time a tool for legitimizing the existing social order.²⁸ This culture can be called mono-stylistic because all its elements have an internal coherence and are actively separated or passively accepted by all members of society.²⁹ The new understanding of power corresponded to a new version of the understanding of transcendence. The highest meaning was identified with eidetic space – the Idea as such. Russian philosopher N. Berdyaev³⁰ was the first to describe the Soviet state as typically ideocratic. The achievement of socialism was declared a matter of the future; therefore all the resources of society were aimed at implementing the idea of the Soviet state as a preparation for this achievement. According to Ionin, the idea of the Soviet state was based on the following principles: the principle of totality, the principle of hierarchy, the principle of teleology. According to the principle of totality, all events should be understood unequivocally, in ideological terms. The right to speak on behalf of the Truth, which belonged to the leader of the party, Stalin, was based on the principle of hierarchy. The principle of teleology focused on the achievement of the socialist ideal in the future.³¹ The imperial culture of Russia and the modern culture of bourgeois states were declared “wrong” because they justified societies of social injustice. The advantages of socialism, compared with other types of societies, were recognized as objective, based on the following beliefs. Under socialism, a harmonious combination of private and

²⁶ N. Vert, *History of the Soviet State. 1990– 1991* [in Russian] (Moscow: INFRA-M, Ves' Mir, 1998), 187.

²⁷ Vert, *History of the Soviet State*, 171.

²⁸ L.G. Ionin, *Sociology of Culture* [in Russian] (Moscow: Logos, 1998), 182.

²⁹ Ionin, *Sociology of Culture*, 181–82.

³⁰ N.A. Berdyaev, *The Origins and Meaning of Russian Communism* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1990).

³¹ Ionin, *Sociology of Culture*, 168–69.

common interests is achieved, and the living conditions of all members of society can be gradually improved. Party leaders are infallible, as they are guided by the correct ideology, and even if they make mistakes, the latter are an objective moment on the road to progress.³² Soviet culture gave rise to a kind of “metaphysics of authority,” which was based on the sacralization of the activities of high-ranking party officials and the party leader in the first place, which resulted in deification of Stalin’s personality.³³ Thus, the transformation of Marxist-Leninist ideology into cultural ideology led to the transformation of the CPSU at the end of its existence from a political institution into a cultural one.³⁴ The CPSU played the role of cultural dominant, around which the rest of the cultural ensemble was arranged. One can speak about the common genetic code of the Russian Empire’s culture and Soviet culture only relatively. The idea of the Russian Empire was ontologically justified because the enlightened state was understood to be the realization of the Kingdom of God on Earth. The idea of the Soviet state, declared as the paradigm of the people’s power, essentially expressed the sacralization of the power of the CPSU.

The new Russian culture began to take shape in 2000–2008, which was connected with the activities of the President of the Russian Federation V. Putin. Accordingly, a new concept of authority was being formed that can be seen in the Presidential Addresses to the Federal Assembly of those years, which were understood by the leadership of the country as a form of dialogue between the authority and the people. According to the 1993 Constitution, the essence of authority in Russia is democracy. According to Putin, “the source of Russia’s wellbeing and prosperity is the people of this country.”³⁵ Putin notes that the government and the people are united by a common intention – the desire for the new, for creativity. However, the people, in his opinion, while possessing potency, do not have the knowledge of how to realize their potential. Only the authority has the right to creativity and knowledge of the truth.

No matter what times we have lived through, be it revolutionary upheavals or the stagnation years, we have almost always yearned for change. True, each of us has our own idea of what kind of change we need, our own priorities, our own preferences and dislikes, and our own vision of the past, present and future. This is natural and understandable, for we are all different. But there is also something that unites us all without exception: we all want things to change for the better. But we do not all know how to achieve this. You and I, all of us present here at the Kremlin today, are not only duty-bound to know how to achieve this, but are duty-bound to do everything possible to come up with plans for practical, concrete action. We must do everything we can to convince the majority of our citi-

³² Ionin, *Sociology of Culture*, 186–90.

³³ D.A. Volkogonov, *Triumph and Tragedy. Political Portrait of I.V. Stalin*. In 2 Books, book 1, part 2 (Moscow: APN, 1989), 135–36.

³⁴ Ionin, *Sociology of Culture*, 211.

³⁵ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006, accessed August 30, 2018, http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_60109/.

zens that these plans are effective and to genuinely involve them in this constructive process.³⁶

Thus, the authority is recognized as a condition for the existence and understanding of social being. Putin sees Russia's place in the world among the leading world powers that decide the fate of the world:

Russia's military and foreign policy doctrines must also provide responses to the issues of today, namely, how to work together with our partners in current conditions, to fight effectively not just terrorism but also the proliferation of nuclear, chemical and bacteriological weapons, how to settle the local conflicts in the world today and how to overcome the other new challenges we face. Finally, we need to make very clear that the key responsibility for countering all of these threats and ensuring global security will lie with the world's leading powers, the countries that possess nuclear weapons and powerful levers of military and political influence. This is why the issue of modernizing Russia's Armed Forces is extremely important today and is of such concern to Russian society.³⁷

Recognizing Russia as a world power, Putin believes that there is no need for formulating the national idea of Russia. He compares this occupation with the search for the meaning of life, which is a never-ending pursuit, so one should not waste time on it.³⁸ The President justifies the unification of peoples within the framework of a great power with historical necessity:

Having a unique cultural and spiritual identity has never stopped anyone from building a country open to the world. Russia has made a tremendous contribution to the formation of European and world culture. Our country has historically developed as a union of many peoples and cultures and the idea of a common community, a community in which people of different nationalities and religions live together, has been at the foundation of the Russian people's spiritual outlook for many centuries now.³⁹

In his addresses, Putin formulated the solution of the following tasks: strengthening Russia's status as a great world power, building civil society and civil institutions, developing market economy, improving the material and social well-being of citizens, developing Russia as a unique civilization, and developing historical traditions without specifying which exactly. In 2001, in order to maintain the general political course of the President, the United Russia party was established. This party cannot be identified by the class-stratified characteristics, although the members of this party were wealthy people. All those people were united by an actual political idea, the so-

³⁶ The Annual Presidential Annual Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁷ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁸ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁹ The Annual Presidential Annual Address to the Federal Assembly, April 26, 2007, accessed August 30, 2018, http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_67870/.

called Putin's Plan. Therefore, United Russia was named "the party of power." In 2007, Putin headed the list of party candidates during the election campaign to the 5th State Duma. Political analyst Sergei Markov described this situation as the process of institutionalizing the personality of the President of the Russian Federation:

Having decided to head the federal list of the United Russia party, Vladimir Putin remains the nation's moral political leader and his position is becoming more and more institutionalized; there is no doubt that it will be more stable, express and clear, because we have spoken a lot about moving from personality-based stability to institution-based stability.⁴⁰

Deputy Chief of the Russian Presidential Administration, Assistant to the President of the Russian Federation V. Surkov stated that the concept of Russian democracy cannot be understood without taking into account the typical features of Russian political culture and Russian national consciousness. In Russian cultural consciousness, "synthesis prevails over analysis, idealism over pragmatism, figurativeness over logic, intuition over reason, and the general over the particular."⁴¹ Surkov suggested using the idea of the integrity of Russian culture as an axiom to determine the parameters of real politics. Based on this cultural standpoint, he highlighted three features of Russian political practice.

First of all, this is striving for political integrity by means of centralizing the functions of the authority. Secondly, this is idealization of the goals of political struggle. Thirdly, this is personification of political institutions. And again, all these things exist in other political cultures, but in our culture they are somewhat above the average.⁴²

Centralization of the functions of the authority in the Russian Federation manifested itself in the fact that the majority of the members of the State Duma and of the Federation Council of Russian were members of the United Russia party; the same situation existed in the local authorities. According to Surkov, the image of Russia as a state was successfully expressed in the image of President Putin's charismatic personality, and the program of the United Russia party is perceived as the "Putin's Plan."⁴³ By idealizing the goals of the political struggle, Surkov meant the orientation towards utopia, which, from his point of view, creates an important stimulus for social development. Surkov rejected the Messianic concepts of the past: the Third Rome and the Third International. He proposed to replace the idea of messianism

⁴⁰ "Markov: After the Presidency, Putin Will Remain the Leader of the Nation" [in Russian], *Business newspaper "Vzglyad"*, accessed August 29, 2018, <https://vz.ru/news/2007/10/1/113798.html>

⁴¹ V. Surkov, *Russian Political Culture. A Glance from Utopia. Materials of the Discussion in "Nezavisimaya Gazeta"* [in Russian] (Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2007), 6.

⁴² Surkov, *Russian Political Culture*, 6.

⁴³ Surkov, *Russian Political Culture*, 7.

with the idea of the Russian national mission which needs clarification but is unconditionally connected with the establishment of Russia's role among other world powers.⁴⁴ He explained that he was talking about fulfilling the desires in the future and suggested looking at the problems of Russia "from the future."

As the denotation of the United Russia idea, the Russian Federation of the future was assumed to be a strong world power headed by a charismatic leader, where civil society and democratic institutions have been built under the conditions of market economy using high-tech and innovative technologies. The United Russia idea was ambivalent primarily in terms of culture. On the one hand, the authorities officially adhered to the course of democratic modernization of Russian society, which implied decentralization of power, cultural pluralism, and co-existence of various discursive practices. On the other hand, fearing social chaos inside the new society and the threat of terrorism and extremism from the outside, the authorities planned to preserve and secure Russia's status as a strong militarily world power. Therefore, the authorities officially announced the absence of the national idea and declared this task a matter of the future. Building an open democratic society and strengthening the status of a world power were considered by the authorities as equally probable options. In the Presidential Address, Russia was declared a unique original civilization, formed on the basis of Russian Orthodox culture and incorporating the best values of the world culture. In this connection, historical events that contribute to the unification of peoples into a single centralized state began to be given special importance in the media: Christianization of Russia by Prince Vladimir, the formation of the Moscow State, overcoming the Time of Troubles of the late 16th – early 17th centuries, the reforms of Peter the Great, and the victory of the USSR in the Great Patriotic War. In this context, the Russian Federation began to be thought of as the stage of progressive development of the Russian civilization, which is constantly striving to build an open society, but is forced to overcome the danger of the external threat to its peaceful existence. Since the declared ideal of Russia was supposed to be realized only in the future, the authorities turned to the sacralization of the discourse about United Russia. The perception of the abstract ideal became possible through the personification of the government institutions. The image of a strong charismatic president was projected by the ideologists of power onto the image of Russia as a strong world power and onto the image of the United Russia party as the party of power.

Conclusion

The idea of United Russia can be represented as a "product" of the evolution of imperial Russian consciousness. The contents of this idea incorporate the same characteristics as other imperial discourses of the Russian consciousness do: the orientation towards building a society of social justice with rich spiritual culture in the fu-

⁴⁴ Surkov, *Russian Political Culture*, 7.

ture; implementation of this project can be carried out under the leadership of the authority as only the authority has knowledge of how to modernize the reality; building a strong centralized state for protection against external threats; strengthening the belief in the abstract ideal by forming the image of a strong charismatic leader of the authority; simplification by interpreting the borrowed cultural ideas in native terms and reducing them to the already familiar cultural material. Thus, the discourse about United Russia can be considered as a variant of the new cultural identity of Russia, as it aims at modernizing the society and at the perception of the state authority as higher cultural value impersonated in government institutions.

Список литературы

- Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра I в первой четверти XVIII века. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
- Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990. – 224 с.
- Верт Н.* История Советского государства. 1990 – 1991. – Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 1998. – 544 с.
- Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 2. – Москва: АПН, 1989. – 367 с.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. Т. 1. 469 с.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. – Москва: Логос, 1998. – 280 с.
- Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 544 с.
- Клюкина Л.А.* Идея империи как способ формирования культурной идентичности России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 85–89.
- Клюкина Л.А.* Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV — XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №1(14). – С. 62–69.
- Корневский А.* Кем и когда была «изобретена» теория «Москва — Третий Рим»? // Ab Imperio. – 2001. – № 1–2. – С. 87–124.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – Москва: Гнозис; Прогресс, 1992. – 272 с.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / Под редакцией В.А. Карпушина. – Москва: Наука, 1982. – С. 236–249.
- Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). – Москва: Индрик, 1998. – 416 с.
- Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – Москва: Независимая газета, 2007. – 96 с.
- Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – Санкт-Петербург: Азбука, 2002. – 480 с.
- Adelman J.* The Russian Revolution and Global Empires // Ab Imperio. – 2017. – № 2. – С. 45–52.

Hoffmann D.L. Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 273–278.

Pipes R. *Russia under the Old Regime*. – New York: Charles Scribner's Sons, 1974. – 361 p.

Smith J. The Soviet State and the Individual // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 279–284.

Suny R.G. *The revenge of the past: nationalism, revolution and the collapse of the Soviet Union*. – Stanford: Stanford university press, 1993. – 200 p.

References

Adelman, J. “The Russian Revolution and Global Empires.” *Ab Imperio*, no. 2 (2017): 45–52.

Akhiezer, A.S. “Rossiya kak bol'shoe obshchestvo” [Russia as a large society]. *Voprosy filosofii*, no. 1 (1993): 3–19. (In Russian)

Anisimov, E.V. *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra I v pervoi chetverti XVIII veka* [The state transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997. (In Russian)

Berdyayev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian)

Hoffmann, D.L. “Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History.” *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 273–78.

Ionin, L.G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Moscow: Logos, 1998. (In Russian)

Kantor, V.K. *Sankt-Peterburg: Rossiiskaya imperiya protiv rossiiskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii* [St Petersburg: Russian Empire against Russian chaos. To the problem of imperial consciousness in Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russian)

Klyukina, L.A. “Idea of Empire as Way of formation Russian Cultural Identity” [The idea of empire as a way to form Russia's cultural identity]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 7(136), vol. 2 (2013): 85–89. (In Russian)

Klyukina, L.A. “Konstituirovaniye mifologemy imperii v russkom kul'turnom soznanii (XV–XVI vv.)” [Institutionalization of the Mythologeme of Empire in Russian Cultural Consciousness (15th–16th centuries)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, vol. 14, no. 1 (2014): 62–69. (In Russian)

Korenevskii, A. “Kem i kogda byla ‘izobretena’ teoriya ‘Moskva – Tretii Rim’?” [By whom and when was ‘Moscow is Third Rome’ theory invented?] *Ab Imperio*, no. 1–2 (2001): 87–124. (In Russian)

Lotman, Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis; Progress, 1992. (In Russian)

Lotman, Yu.M., and B.A. Uspenskii. “Otvzuki kontseptsii ‘Moskva – Tretii Rim’ v ideologii Petra Pervogo” [Echoes of the “Moscow is the Third Rome” concept in the ideology of Peter the Great]. In *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages], edited by V.A. Karpushin, 236–49. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)

Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. New York: Charles Scribner's Sons, 1974.

Sinitsyna, N.V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. (In Russian)

Smith, J. “The Soviet State and the Individual.” *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 279–84.

Suny, R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993.

Surkov, V. *Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopii. Materialy obsuzhdeniya v "Nezavisimoi gazete"* [Russian political culture. A glance from utopia. Materials of the discussion in "Nezavisimaya gazeta"]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2007. (In Russian)

Uspenskii, B.A. *Etyudy o russkoi istorii* [Sketches of Russian history]. St Petersburg: Azbuka, 2002. (In Russian)

Vert, N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1990 – 1991* [History of the Soviet state. 1990–1991]. Moscow: INFRA-M, Ves' Mir, 1998. (In Russian)

Volkogonov, D.A. *Triumf i tragediya. Politicheskii portret I.V. Stalina. V 2-kh knigakh* [Triumph and tragedy / Political portrait of I.V. Stalin. In 2 books]. Book 1. Part 2. Moscow: APN, 1989. (In Russian)

Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Vol. 1. Paris: YMCA-PRESS, 1989. (In Russian)

HISTORIA

Provinciae

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ДИСКУССИОННАЯ
ПЛОЩАДКА

INTERDISCIPLINARY
DISCUSSION
PLATFORM

2019 · Vol. 3 · № 3

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-4

УДК 94(47).083

Розанов Юрий Владимирович

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
rosanov007@gmail.com

Rozanov, Yurii

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
rosanov007@gmail.com

Тихомиров Павел Владимирович

Бакалавр истории,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
joycoil@yandex.ru

Tikhomirov, Pavel

Bachelor of Historical Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
joycoil@yandex.ru

**Образ революционера-террориста в России начала XX века
(на примере Ивана Каляева) ***

**The Image of a Revolutionary Terrorist in Russia at the Beginning
of the Twentieth Century (Based on Ivan Kalyaev)**

Аннотация. Статья посвящена формированию образа революционера-террориста И.П. Каляева в Российской империи начала XX в. в партийной среде социалистов-

* Для цитирования: *Розанов Ю.В., Тихомиров П.В.* Образ революционера-террориста в России начала XX века (на примере Ивана Каляева) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 939–974. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-4

For citation: *Rozanov, Y., Tikhomirov, P.* “The Image of a Revolutionary Terrorist in Russia at the Beginning of the Twentieth Century (Based on Ivan Kalyaev).” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 3 (2019): 939–974, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-4](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-4)

© Розанов Ю.В., Тихомиров П.В., 2019

© Rozanov Y., Tikhomirov P., 2019

революционеров и в литературных кругах. Показано, что для эсеров Каляев являлся удобной фигурой для оправдания революционного терроризма. Сводя его биографию к судьбе революционера-«мученика», они получали санкцию общества на продолжение деятельности Боевой организации ПСР. Проанализированы литературные свидетельства о Каляеве его друга – писателя А.М. Ремизова, хорошо знавшего его по вологодской ссылке. Рассказ Ремизова «Иван Купал» рассматривается как послание к ушедшему в глубокое подполье другу с напоминанием о прежних встречах и совместных планах в литературе. Текст Ремизова отличается тем, что автор не брал в расчет четко установившегося и угадываемого канона описания, сложившегося в революционной среде. Тем самым читателям начала XX в. предлагались различные в своих целях и задачах образы революционера-террориста.

Ключевые слова: И.П. Каляев, А.М. Ремизов, социалист-революционер, революционный террор, образ революционера, политическая ссылка, Вологодская губерния.

Abstract. The article is devoted to the formation of the image of the revolutionary terrorist I.P. Kalyaev in the Russian Empire at the beginning of the 20th century amidst the Socialist Revolutionary Party and in literary circles. It has been shown that for the Social Revolutionaries, Kalyaev was a convenient figure used to justify revolutionary terrorism. Using his biography in order to demonstrate the fate of a revolutionary martyr, they received the sanctions of the society to continue the activities of the Social Revolutionaries' Combat Organization. The article analyzes literary testimonies about Kalyaev made by his friend A.M. Remizov, a writer, who knew him well from his Vologda exile. Remizov's story "Ivan Kupal" is considered as a message to his friend who went underground and a reminder about their previous meetings and joint plans in literature. Remizov's text is notable for the fact that the author did not take into account the clearly established and guessable canons of description that had developed among the revolutionaries. Thus, the images of the revolutionary terrorist that were different in terms of their purposes and tasks were offered to the readers of the early 20th century.

Key words: I.P. Kalyaev, A.M. Remizov, socialist revolutionary, revolutionary terror, image of a revolutionary, political exile, Vologda Governorate

Введение

Революционер-террорист начала XX в. был в высшей степени загадочной, мало поддающейся разгадке современниками фигурой. Ведя конспиративный образ жизни и прячась с поддельным паспортом под вымышленным именем, он зашифровал свою биографию словно бы не только для представителей агентурной сети имперской полиции, но и для каждого современника. О террористе узнавали, когда он с бомбой в руке становился вершителем истории страны и судеб отдельных ее граждан. Тогда российское общество получало шанс ознакомиться с некоторыми фактами биографии необычного преступника. Помещенный в публицистический и литературный текст, образ революционера-террориста становился узнаваемым. Через канон описания формировался миф, который достигал пика своего могущества, когда речь заходила о «леворади-

кальной интеллигенции, представители которой на уровне обыденного сознания персонифицируются в образах самоотверженных героев с бомбой»¹. Понятно, что список задач для формирования образа выходил за рамки дескриптивных. Изучение различных традиций описания революционера-террориста позволяет наглядно представить механизмы формирования политических образов, их цели и задачи.

Современная историография активно занимается изучением тех политических образов, которые производили особенно сильное впечатление на современников, влияли на общественное сознание и политическую борьбу. Так, Б.И. Колоницкий показал образы императорской семьи накануне крушения Российской империи², А.Н. Егоров проанализировал формирование образа либерала³, ряд работ посвящен изучению образа врага⁴. Немалый интерес в этой связи представляет и образ революционера-террориста.

Летопись российского радикального движения сохранила имена сотен ярких личностей и громких событий. Одним из самых популярных и резонансных террористических актов начала XX в. стало убийство великого князя Сергея Александровича Романова эсером-террористом Иваном Платоновичем Каляевым. Уникальность исследовательской ситуации заключается в большом количестве опубликованных свидетельств о Каляеве со стороны однопартийцев и в существовании литературного свидетельства его друга, писателя А.М. Ремизова, который зафиксировал образ эсера-террориста еще за несколько лет до совершения теракта.

Как российская⁵, так и зарубежная историография⁶ немало сделала для изучения различных аспектов революционного терроризма в России. На сего-

¹ Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 5.

² Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010.

³ Егоров А.Н. Образ либерала в консервативной публицистике Российской империи начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 17–20; Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 3 (30). – С. 170–178.

⁴ Образ врага / составитель Л. Гудков; редактор Н. Конрадова. – Москва: ОГИ, 2005.

⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – Москва: РОССПЭН, 2000; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. – Москва: РОССПЭН, 1998.

⁶ Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. New York: Viking Press, 1977; Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1993; Hildermeier M. Der

дняшний день ключевой работой, где радикальная мифология выступает объектом строгой научной рефлексии, является монография М.Б. Могильнер, которая указывает на литературное мифотворчество как наиболее адекватную форму интеллигентского самоосмысления⁷. В.М. Фастовский, изучая народническую интерпретацию религиозных концептов и их применение, отмечает значимость религиозной семантики при формировании образа идущего на эшафот революционера⁸, Ю.А. Сафронова выявляет перформативные и коммуникативные аспекты терроризма⁹.

Основная часть

4 февраля 1905 г. в Москве на Сенатской площади Кремля член Боевой организации эсеровской партии Иван Каляев бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, бывшего генерал-губернатора Москвы, дяди Николая II. Сергей Александрович незадолго до гибели отказался от должности генерал-губернатора, которую он занимал с 1891 г., но остановить задуманный теракт это уже не могло. Великий князь погиб на месте, через несколько дней умер от ранений и кучер. 5 апреля 1905 г. Особое Присутствие Сената приговорило Каляева к повешению, приговор был приведен в исполнение 10 мая в Шлиссельбургской крепости. Эти события в совокупности с получившим широкую известность визитом к осужденному террористу вдовы великого князя Елизаветы Федоровны сделали Каляева культовой фигурой эпохи.

Соратник Каляева по Боевой организации Егор Созонов считал, что его друг общим впечатлением внутреннего сияния напоминает юношу Сергея Радонежского на картине М.В. Нестерова. Более того, Созонов вспоминал, что Каляев всячески демонстрировал религиозный фанатизм. Тот же мемуарист писал, что перед покушением на великого князя Каляев молился, держа в одной руке бомбу, а другой творя крестное знамение¹⁰.

Задачи революционного терроризма не ограничивались убийствами представителей властных структур. Через террористический акт революционеры

Sozialrevolutionäre Partei Russlands. – Köln; Wien: Böhlau, 1978; *Gross F.* Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. – The Hague: Mouton, 1972.

⁷ Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.

⁸ Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html> (дата обращения: 28.02.2019).

⁹ Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

¹⁰ Цит. по: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / составитель Е.И. Гончарова. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2009. – С. 20.

отправляли «послание» обществу¹¹. Каждое удачное покушение должно было быть прокомментировано организаторами. В нелегальной прессе распространялись листовки, памфлеты и статьи, которые объясняли смысл убийства и давали собственную интерпретацию события, возвышая террориста и дегуманизируя его жертву. Восприятие революционного насилия как возможности борьбы с насилием имперским глубоко укоренилось в идеологической традиции революционеров, начиная с осмысления Великой французской революции¹².

Событие 4 февраля 1905 г. было встречено большим количеством листовок¹³, обличавших личность убитого великого князя. В посланиях эсеров Сергей Александрович был представлен как «народный палач», «всесильный представитель произвола», «друг деспотизма», «Великий князь Ходынский», который в «короткие промежутки между разворотом и истязаниями <...> ездил на поклонение иконам»¹⁴. Революционное насилие требовало своего оправдания, ища его в нарративе о чрезмерном насилии властей против своего народа¹⁵. Эта риторика продолжалась на страницах эсеровской газеты «Революционная Россия» на протяжении еще нескольких недель¹⁶, пока объяснительная модель покушения не стала выстраиваться вокруг второго лица события – эсера-террориста Ивана Каляева.

Для описания биографии террориста использовался эмоциональный, местами афористичный и полный отсылки к религиозным текстам язык¹⁷. Для людей эпохи реализма литература была тождественна социальной реальности и претендовала на ее изменение¹⁸. Текст о революционере-террористе помогал актуализировать мифотворческий процесс, помещая убийцу в социалистический мартиролог и получая санкцию общества на революционный терроризм¹⁹.

¹¹ Подробнее см.: Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы.

¹² Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia // *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism* / edited by P. Terhoeven. – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. – P. 20.

¹³ Закиров Р.С. Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2012. – №1. – С. 20.

¹⁴ Листовка Петербургского комитета Партии Социалистов-Революционеров (февраль 1905 г.) // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1741. – Оп. 1. – Д. 16864.

¹⁵ Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia. – P. 33.

¹⁶ См. *Революционная Россия*. – 1905. – 10 февраля. – № 59; – 1905. – 5 марта. – № 60.

¹⁷ Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов.

¹⁸ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 8.

¹⁹ Подробнее см.: Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.

В апреле 1905 г. на страницах эсеровского органа была помещена статья «Иван Платонович Каляев» за подписью «Бывший социалдемократ», в авторе которой угадывается Борис Савинков – хорошо знавший Каляева еще с гимназических времен. Выбирая жанр газетной статьи, Савинков не имел возможности развернутого описания, а потому ему приходилось для «понимания» героя своих воспоминаний выделять ключевые места. Автор подобно агиографу рассматривал биографию героя ретроспективно. Весь рассказ о детстве подводит к авторскому итогу о том, что Каляев «не мог не стать революционером». Этому способствовали и родители: отцу Иван обязан «твердостью характера, чутко развитым сознанием долга и почти безграничной выносливостью», матери – «впечатлительностью, тонкой красотой своих художественных восприятий и такой характерной для него, всепрощающей, чистой и нежной любовью к народу»; и даже город детства – Варшава – это «город, залитый неисчислимыми потоками слез и обгаренный целым океаном народной крови»²⁰. Далее следовали рассказы об учебе, увлечении марксизмом и о первых столкновениях с полицией. Теперь Иван Каляев становился персонализированным героем истории убийства. Борис Савинков наделил его свойствами, достоверность которых читатель начала XX в. мог только предполагать.

При этом еще двумя ключевыми сюжетами – о событии 2 февраля и о свидании великой княгини Елизаветы Федоровны с Каляевым – Савинков артикулировал ригоризм этики своего героя. Назначенное на 2 февраля убийство не состоялось – оказалось, что князь едет не один, а с женой и детьми (его племянниками). Каляев проявил «душевную нежность и врожденное благородство» отказом метать бомбу в карету, где помимо его будущей жертвы находились «невиновные люди», и перенес покушение на другой день, когда князь отправлялся один. Затем, во время свидания с великой княгиней, Каляев категорически отказался от предложения Елизаветы Федоровны сохранить ему жизнь: «Да и ему ли было принимать милости из нечистых рук царя, князей и всех тех, кто им служит»²¹.

В обоих случаях автор биографии имплицировал этос революционера и сознательное мученичество, построенное по аналогии с христианским²². Редуцируя биографию Каляева к судьбе революционера, который не мог им не стать, его однопартийцы повторяли приемы описания других «Героев Подпольной России» и репрезентировали образ мученика. Смерть на эшафоте выступала как

²⁰ Цит. по изд.: Бывший социалдемократ [Савинков Б.В.] Иван Платонович Каляев // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 2.

²¹ Бывший социалдемократ [Савинков Б. В.] Иван Платонович Каляев. – С. 4.

²² *Фастовский В.М.* «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эгодокументах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов.

закономерный и единственный итог такой биографии. В анонимном стихотворении «Смерть Каляева» повторяется одна из центральных тем мифологизации террориста:

Смерть его увенчала лавровым венком, смерть – завидная смерть на посту боевом – завершила достойно победу.

Ни на миг не хотел он спасти свою жизнь; ни мгновенья – и каждое слово его гордым вызовом судьям дышало²³.

Сообщения о том, что «Каляев оставался спокойным до последней минуты»²⁴ демонстрировали идеальный пример принятия террористом-«мучеником» своей смерти – революционер шел на эшафот «бесстрашно» и «спокойно».

Другим эффективным средством рассказать о Каляеве явилось распространение в печати его последних писем, стихотворений и воспоминаний. Каждый текст был не только инструментом самопрезентации, но еще и предсмертным посланием, от которого ожидали документальной точности.

В личном письме товарищам, которое становилось достоянием общественности, революционер рассказывал о своей жизни как о цельной, наполненной смыслом и оправданной верой в прогресс и социализм. Он ни о чем не сожалел:

Революция дала мне счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть – это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть последним протестом против мира крови и слез и могу только сожалеть о том, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю как вызов самодержавию²⁵.

Также как эти послания не были только посланиями, так и стихи Каляева (или Поэта – как называли его однопартийцы) не были только поэзией. За ними стоял известный канон описания «предсмертного часа»²⁶. Это последний привет народу от страдальца за его счастье:

Что мы можем дать народу,
Кроме умных, скучных книг,
Чтоб помочь найти свободу?
– Только жизни нашей миг...²⁷.

²³ Революционная Россия. – 1905. – 15 мая. – № 67. – С. 24.

²⁴ Революционная Россия. – 1905. – 1 июня. – № 68. – С. 1.

²⁵ Революционная Россия. – 1905. – 1 июня. – № 68. – С. 2.

²⁶ *Могильнер М.Б.* Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 47.

²⁷ Стихотворения И.П. Каляева // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – С. 34.

А опубликованные эсерами выступления подсудимого и его адвокатов²⁸ целиком воспроизводили радикальную мифологию. «Да совершится судьба – да совершится воля Каляева. Он сам обнажил свою грудь, подставляя ее под ваши удары. Его показания дышали дерзким вызовом, брошенным в лицо смерти», – скажет в конце своей речи адвокат Мандельштам²⁹.

Коллективная героика и религиозная семантика в актуальном мифотворческом процессе оттеняли моральные противоречия терроризма. Вопросы возможности убийства, поднятые в повести Савинкова «Конь бледный» (она вышла под псевдонимом *В. Ропшин*) и вложенные в уста литературного прототипа Каляева, остались без ответа:

В его чистых глазах печаль. Я говорю:

– Ваня, а «не убий?»...

– Нет, Жоржик, – убий.

– Это ты говоришь?

– Да, я говорю. Убий, чтобы не убивали. Убий, чтобы люди по-Божьи жили, чтобы любовь освятила мир.

– Это кощунство, Ваня.

– Знаю. А «не убий» – не кощунство?³⁰

Как отмечал в своих воспоминаниях лидер эсеров В.М. Чернов, «морально-политическая сущность этого произведения одними воспринималась, как оплевывание террористов и партии, другими – как претензии на сверхчеловечество и проповедь аморализма»³¹.

Формирование образа Каляева было литературным и документальным комментарием террористического акта со стороны эсеров. В задачу однопартийцев Ивана Платоновича входило оправдание радикализма посредством воплощения в своем герое коллективных качеств «людей Подполья». Жанр биографии переkreщивался с агиографией, местами высвечивая религиозные аллюзии. Через выбранные и особо часто цитируемые и повторяемые сюжеты эсеры репрезентировали мученичество. Чтобы рассказать российскому обществу о Каляеве,

²⁸ Публикация подобных речей была особо популярна в 1905 – 1906 гг., на что указывает исследовательница Марина Могильнер. См.: *Могильнер М.* Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 54.

²⁹ Речь Мандельштама // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – С. 28.

³⁰ *Ропшин В.* [Савинков Б.В.] Конь бледный. – URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt> (дата обращения: 27.02.2019).

³¹ *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – С. 293.

эсеры волей-неволей реализовывали установку одного из культовых теоретиков народничества, П.Л. Лаврова, считавшего, что

нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу³².

В отличие от эсеров начинающему писателю Алексею Ремизову ничего не нужно было писать о герое момента – у него уже был рассказ о Каляеве. В 1900–1903 гг. будущий террорист отбывал административную ссылку в Ярославле, регулярно приезжая в Вологду к своему другу детства Б.В. Савинкову. Здесь он познакомился с Ремизовым, Н.А. Бердяевым, П.Е. Щеголевым, В.А. Ждановым и другими, по словам Бердяева, ссыльными «аристократами». Особенно он сблизился с Ремизовым – они оба писали стихи и мечтали стать настоящими писателями. Сохранился и опубликован их совместный перевод поэмы в прозе польского писателя-модерниста Станислава Пшибышевского «Тоска», популярный в среде вологодских ссыльных³³. Именно в Вологде, после встреч с Е.К. Брешко-Брешковской, Каляев и Савинков приняли роковое решение «идти в террор». Ремизов оказался серьезно вовлечен в эти конспиративные дела, поскольку третьим членом вологодской колонии, откликнувшимся на призыв «бабушки русской революции», стала невеста Ремизова Серафима Довгелло. Серафима, вероятно под влиянием своего жениха, скоро изменила свое решение, а виноватому во всем Ремизову товарищи по ссылке объявили бойкот³⁴.

В конце своей ссылки, к началу весны 1903 г., А.М. Ремизов написал рассказ «Иван Купал» для модернистского альманаха «Гриф». Рассказ был опубликован во втором выпуске «Грифа» в феврале 1904 г. вместе с еще двумя произведениями Ремизова: «Молитва» и «Последний час». Последние два рассказа – обычные для декаданса начала XX в. размышления о трагизме бытия, а вот «Иван Купал» выделялся на этом однородном фоне. В нем, как справедливо отметила З.Г. Минц, «видно своеобразие Ремизова-художника, соединяющего быт, интерес к фольклору и обряду с тонким знанием народного языка»³⁵. Но в подтексте этого фольклорно-бытового произведения присутствует и иной смысл, и иной сюжет.

³² Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. – Москва: Мысль, 1965. – С. 252.

³³ Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / под редакцией А. Енсена, П.У. Мёллера. – Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. – С. 79–80.

³⁴ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подготовка текста и комментарий А. Д'Амелия // Europa Orientalis. – 1990. – № 9. – С. 156.

³⁵ Минц З.Г. Вступительная статья к А. Блок: Переписка с А.М. Ремизовым. (1905–1920) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Кн. 2. – Москва: Наука, 1981. – С. 63.

Рассказ начинается с идиллической сцены: в разгар лета около дома рассказчика в саду резвится детская компания, напоминающая ему «огромный цветной веник»³⁶. Но не все счастливы в этом Эдеме. Рассказчик видит, что дети жестоко относятся к одной из девочек – Параньке, дразнят ее и обижают. Обиженная девочка тянется к рассказчику, который, утешает ее и обещает в скором будущем унести на руках туда, где «нет ни одного человека». В это время к рассказчику приходит его приятель Иван Платонович. Это довольно странный субъект с «испытым, изболевшимся лицом» и «мутными страдальческими глазами». Гость показывает рассказчику довольно странные предметы, найденные им прошлой ночью в реке: склянку с песком, который он считает золотоносным, и старую позеленевшую кость. Взрослые, вслед за ребятами, идут на реку, и видят, как дети, исполняя древний купальский обряд, бросают венки из полевых цветов в воду, загадывая «на счастье». Вечером приятели, гуляя по берегу, подошли к омуту. «Вот тут, – шепнул Иван Платонович. Он вытащил из-под полы венок и показал на темную вздрагивающую воду омута. – На тебя. И венок завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл, выплыл и канул»³⁷.

Гадание на венке означает, что человек, чей венок утонет, умрет в течение года; а чей уплывет дальше прочих – того ждет самое большое счастье; если же венок остается, стоит неподвижно – значит не стоит ждать особых перемен в жизни. В народной традиции гадают главным образом девушки. В рассказе Ремизова в сакральное время «приведен в действие» мантический механизм и получен вполне точный ответ: венок утонул, что говорит о смерти в ближайшее время человека, бросившего этот венок в воду.

Конечно, этот рассказ можно рассматривать как реалистическое описание Ремизовым отдельных эпизодов своей жизни в Вологде. В ссылке писатель много и охотно общался с детьми, что нашло отражение в его творчестве этого периода. Странного гостя можно трактовать как одного из тех чудаков, которыми, судя по наблюдениям современников, была так богата вологодская ссылка. Но все же ряд обстоятельств мешают признать данный рассказ обычной бытовой зарисовкой, слегка стилизованной «под фольклор» и «под модерн» с введением модных в то время мотивов тоски, безысходности, изначальной жестокости мира. Попробуем реконструировать подтекст произведения.

Ключевая фигура – загадочный приятель рассказчика, в котором угадывается Каляев, о чем говорит ряд совпадающих обстоятельств.

1) Героя рассказа, как и Каляева, в первой редакции рассказа зовут Иваном Платоновичем.

³⁶ Ремизов А.М. Иван-Купал // Альманах «Гриф». [Вып. 2]. – Москва: Гриф, 1904. – С. 43.

³⁷ Ремизов А.М. Иван-Купал. – С. 46.

2) Каляев родился 24 июня 1877 года, в день Ивана Купалы, из чего следует, что рассказ назван не только именем мифологического персонажа восточных славян, но и именем героя произведения. Отметим, что и Ремизов родился в один день и в один год с Каляевым, что, конечно, усиливало их мистическую связь, как они оба ее понимали.

3) Намек на пьянство героя имеет реальную основу, так как вологодские ссыльные создали игровое «тайное общество» – «Союз свободных алкоголиков», а тема пьянства часто обыгрывалась ими в юмористическом ключе в разговорах и переписке.

4) В символическом плане поиск золота героем рассказа в волшебную ночь на Ивана Купала можно рассматривать как поиск истины на мистических путях. В период близкого общения Ремизова и Каляева последний переживал серьезный мировоззренческий кризис, вследствие чего и принял решение «идти в террор». В воспоминаниях Б.В. Савинкова сказано, что Каляев пришел к террору «своим особенным, оригинальным путем». Савинков показал эту «оригинальность» в своей повести «Конь бледный». Ее герой Ваня (прототипом послужил Каляев) так размышляет о терроре:

Знаешь, у себя на дворе я часто читаю Евангелие, и мне кажется, есть только два, всего два пути. Один – все позволено. Понимаешь ли – все. И тогда – Смердяков. Если, конечно, смель, если на все решиться. Ведь если нет Бога и Христос – человек, то нет и любви, значит, нет ничего... И другой путь – путь Христов ко Христу... Слушай, ведь если любишь, много, по-настоящему, любишь, можно тогда убить, или нельзя? ... Нет, убить – тяжкий грех. Но вспомни: нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми, нужно крестную муку принять, нужно из любви для любви на все решиться. Но непременно из любви и для любви³⁸.

5) Большое количество цветов в рассказе «Иван Купал» заставляет вспомнить, что цветы были важным атрибутом в отношениях Каляева и Ремизова. В мемуарах писателя отразились «цветочные» эпизоды, связанные с Каляевым. Так, в сентябре 1902 г. в московской газете «Курьер» дебютировали два писателя – Н. Молдаванов с «Плачем девушки перед замужеством» («Эпиталама») и В. Канин с рассказом «Ночь». За этими псевдонимами скрывались Ремизов и Савинков. Ремизов вспоминал: «Рассказу Савинкова <...> был посвящен вечер. Я ушел к себе на Желвунцовскую очень поздно. Каляев остался ночевать у Савинкова. На другой день вечером слышу, кто-то стучит. <...> «Иван Платоныч». В его руках я заметил белые астры: он спешит на вокзал. А цветы мне: он привез их вчера из Ярославля, но вчера – «не имел часа». <...> «Эпиталама!» –

³⁸ Ротшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1909. – С. 139.

сказал Каляев, подавая цветы»³⁹. Во время ремизовского бойкота общее собрание ссыльных запретило общаться с отверженным. Но Каляев, нарушая запрет, побывал в «келье» на Желвунцовской улице. В руках у гостя снова были цветы. «Помню навсегда, как Каляев цветов мне принес, и это тогда, как за «чай»-то мой поперечный очутился я и в тесноте, и совсем один»⁴⁰. Наконец, сухие цветы с могилы друга были в петербургской квартире писателя.

б) Мотивы легкого «сумасшествия» и психической неадекватности поведения героя также имеют под собой реальную почву. Вологодские политические ссыльные иногда симулировали психические расстройства, чтобы избежать отправки в отдаленные города губернии. В этом им помогал врач земской психиатрической лечебницы ссыльный социал-демократ А.А. Богданов-Малиновский, легко выдававший своим друзьям по несчастью, включая Ремизова, соответствующие справки⁴¹. Кроме того, общественное мнение «подпольной России» начала XX в. ценило искусство лишь как средство политической пропаганды; «новое искусство» революционеры не понимали, а «декадентов» считали сумасшедшими. Поскольку Каляев сам писал не только «гражданские» стихи, то подозрения в ненормальности коснулись и его. Перед тем, как заняться террором Каляев принес товарищам свидетельство от врача о своем психическом здоровье⁴². Отсюда можно сделать вывод о Каляеве как гипотетическом прототипе гостя героя в рассказе «Иван Купал»⁴³.

Видимо о последней встрече с другом А.М. Ремизов упоминает в официальном письме к сотруднику Музея Революции П.Е. Щеголеву в июне 1921 г. Перед отъездом за границу писатель передал в музей икону Воскресенья Христова, когда-то принадлежавшую Каляеву, и ответил на просьбу музея написать мемуары о террористе-революционере: «Воспоминания мои о И.П. Каляеве / и о цветах пасхальных [курсив наш.] / и о стихах / память вологодскую / напишу, как только очеловечусь...»⁴⁴. В эту встречу речь шла не столько о стихах, сколько о роковом решении Каляева. Но и стихи играли здесь важную роль.

³⁹ Ремизов А.М. Курьер // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 455.

⁴⁰ Ремизов А.М. Медовый месяц // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 5. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 70.

⁴¹ Ремизов А.М. Сумасшедший // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 451.

⁴² Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 79.

⁴³ См.: Розанов Ю.В. Террорист Каляев в рассказе А. Ремизова «Иван Купал». Реальная основа символического текста // Вопросы литературы. – 2006. – № 1. – С. 124–134.

⁴⁴ Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – С. 281.

Ремизов пытался переубедить Каляева, настроить его на «мирную» литературную работу, уверяя его, что он «настоящий» поэт.

По всей видимости, именно А.М. Ремизов привлек для «уговоров» Каляева В.Я. Брюсова, переправив ему стихи революционера и посвятив в самых общих чертах в его планы. Именно этим можно объяснить странное письмо, написанное Брюсовым незнакомому ему Каляеву в августе 1903 г.:

Уважаемый Иван Платонович! Ваши стихи хороши по форме и могут быть напечатаны. По содержанию они немножечко похожи на стихотворения Некрасова и (в меньшей степени) Меньшина [ошибка публикатора; надо: *Мельшина*. Имеется в виду поэт-народоволец П.Ф. Якубович, один из его псевдонимов – Л. Мельшин. – *Прим. авторов*]. Это не беда: каждый поэт поначалу на кого-то похож. <...> Берегите себя: Вы талант. А поэтический дар, по моему разумению, более нужен литературе, чем революции... Постарайтесь лишь сберечь себя! Преданный вам Валерий Брюсов⁴⁵.

Это письмо Каляев не получил, да и вряд ли оно могло что-то изменить. К любой «мирной работе», по мнению Б.В. Савинкова, Каляев был «психически» не способен.

Вскоре после этой «пасхальной» встречи (Пасха в 1903 г. выпала на 6 апреля) Каляев исчез из поля зрения Ремизова: около месяца он отсидел в Ярославской тюрьме, а после освобождения ушел в революционное подполье, а в июне вместе с Савинковым тайно покинул Российскую империю для создания Боевой организации партии социалистов-революционеров, чего, конечно, Ремизов не знал.

Из писем писателя к общим вологодским знакомым видна его тревога за жизнь Каляева. 7 августа Ремизов, уже освободившись из ссылки, пишет их общему знакомому О. Маделунгу: «Клейкие листочки весенних обещаний, и астры, георгины и безумье безоглядных призывов северной осени [«декадентское» переосмысление «призывов» Брешко-Брешковской. – *Прим. авторов*]. Где-то наш Ив<ан> Плат<онович>, писал я ему на редакцию «Сев<ерного> Края», ответа нет. Красивый он и бьющийся, выйдет ли, выберется ли?»⁴⁶. В письме П.Е. Щеголеву от 27 января 1904 г. Ремизов пытался за шуткой скрыть свое беспокойство: «П<авел> Е<лисеевич>, не знаете ли адрес Ивана Платоновича и не разузнаете ли: взял он несколько книг, хочется их получить, а он, как вьюн выскользнул»⁴⁷.

⁴⁵ «Как у вас в Вологде?»: Неизвестное письмо В. Я. Брюсова к И. П. Каляеву / Публикация В. Перепеченко // Красный Север. – 1988. – 25 декабря. – С. 4.

⁴⁶ Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу. – С. 13.

⁴⁷ Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Часть 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев. (1903–1904) / Публикация А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 188.

На этом тревожном фоне рассказ «Иван Купал» с открытым именем прототипа можно рассматривать как своего рода послание к недоступному другу, до которого никакие другие письма не доходят. В этом послании и напоминание о Вологде, с которой было так много связано хорошего и плохого, и отсылка к купальской обрядности, столь значимой для обоих, и продолжение ключевого спора – герой рассказа не там ищет золото, и предчувствие трагической развязки, которую несколько наивно и прямолинейно символизируют найденная вместо золота кость и сгинувший в речном омуте венок⁴⁸.

Одним из защитников Ивана Каляева являлся присяжный поверенный В.А. Жданов, бывший политический ссыльный, участник многих значимых событий, происходивших в вологодской колонии. Именно он сообщил Ремизову, что его послание, зашифрованное в рассказе «Иван Купал», получено адресатом. Об этом Ремизов сообщал жене в письме от 24–25 апреля 1905 года:

Он [Жданов. – *Прим. авторов*] приехал в Петербург на свидание с Ив<аном> П<латоновичем>. Только что был в крепости и видел его. По словам Жданова, Ив<ан> П<латонович> находится в волне радости, что задуманное он совершил и ждет смерти. Вспоминали Вологду, вспомнил и обо мне, *он читал в «Гриффе» мой рассказ «Иван Купал» – о золотоискателе без золота и о затравленной девочке [курсив авторов]*. На днях его повесят. И ночью он спит. А ты сама знаешь, ночью спят только при исполнении желания: а человек перестает спать, когда нет ответа или когда бессилён что-то повернуть. Может быть, сейчас он самый счастливый человек⁴⁹.

В марте 1906 г. Ремизов с женой и друзьями побывали в Шлиссельбурге, где местные жители охотно показывали приезжающим места захоронения казнённых. Ремизов писал Андрею Белому:

Вчера были в Шлессильбургской <так!> крепости. Всё осмотрели. Т<атьяна> Н<иколаевна> срисовала много. Все камеры остались у меня в душе на всю жизнь. Ходили и на могилу Каляева – сухие цветы да травки взял себе. Могила без холмика против Королевской башни на выступе. Закрою глаза, и вижу эти комнатки и дворик, где вешали, и дежурную комнату, где проводили последнюю ночь до зари⁵⁰.

⁴⁸ См.: Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009.

⁴⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. – С. 456.

⁵⁰ Андрей Белый и А.М. Ремизов: Переписка // Александр Блок: Исследования и материалы / под редакцией Н.Ю. Грякаловой. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2011. – С. 467.

Памятник на месте захоронения И.П. Каляева и других узников Шлиссельбургской крепости.
Источник: фото А.Н. Егорова

Мистические видения посещали тогда многих, знавших подробности дела. Белый, например, вспоминал, что Борис Савинков жаловался Ремизовым, которых он тайно посещал, что «тень Каляева-де являлась к нему»⁵¹. Рисунки Т.Н. Гиппиус, о которых упоминает Ремизов, в том числе и зарисовка места захоронения Каляева, находятся в США в Центре русской культуры Амхерста (Массачусетс). Четыре рисунка воспроизведены в статье М.М. Павловой⁵².

Под впечатлением поездки в Шлиссельбург Ремизов написал один из своих самых страшных рассказов – «Крепость», высоко ценимый символистами тех

⁵¹ *Белый А.* Между двух революций. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 65.

⁵² *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских // Русская литература. – 2017. – № 3. – С. 223–224.

лет, любивших сравнивать земной мир с тюрьмой⁵³. В рассказе можно найти отголоски давнего спора автора с Иваном Каляевым. В ходе экскурсии по крепости перед рассказчиком возникает призрак «незнакомца», «народного мстителя», который «изобретает жесточайшие казни и отдает им тех, кто приказывал и повелевал мучить». Но тогда, – резонно полагает рассказчик, – «не будет конца казням»⁵⁴. Тезис о «дурной бесконечности»: теракт – казнь революционера – месть со стороны друзей казненного, т.е. новый террористический акт, активно использовался в плане моральной и юридической защиты Каляева. Адвокат Жданов, например, призывал суд проявить великодушие и разорвать эту трагическую цепь⁵⁵. Каляев рассматривал террор как религиозное самопожертвование во имя великой цели, а для Ремизова это безусловное зло, часть глобального дьявольского замысла, существующего в мире. Мысль о ментальной близости Каляева и Ремизова, при всем различии их судеб, присутствовала в сознании современников. М.М. Пришвин, в начале своей писательской карьеры близкий к Ремизову, в 1945 году так оценивал ситуацию 1900-х годов:

Это было в то время, когда уже прискучил декадентский звон прославления в лице своем сверхчеловека, и стало зарождаться движение, теперь можно назвать его своим именем: движение патриотическое. Историки литературы может быть сказали что-нибудь об этом движении или собираются сказать, я же могу говорить о нем лишь по себе и тем немногим друзьям, которые были со мной. <...> Маяковский, Каляев, Ремизов, Толстой [Алексей Николаевич. – *Прим. авторов*], Замятин, Шишков, Пришвин, Хлебников. Ремизов, Каляев – религиозный эстетизм. Между ними Пришвин⁵⁶.

В этом признании умудренного опытом писателя важно то, что Ремизов, Каляев, да и сам Пришвин, вписываются в некую общую русскую линию развития отечественной мысли и отечественной литературы.

Заключение

Как мы видим, существующая разница в формировании образа Каляева была определена различием ситуации. Для эсеров Иван Платонович был фигурой, рассказ о которой удобен для оправдания революционного терроризма. Сводя его биографию к судьбе революционера-«мученика», они получали санкцию общества на продолжение деятельности Боевой организации. Ремизов же, гово-

⁵³ Сурмачев О.Г. К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» // Адвокат Сурмачев Олег Григорьевич. – URL: surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza/ (дата обращения 7.02.2019)

⁵⁴ Ремизов А.М. Крепость // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 3. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 38.

⁵⁵ Памяти Ивана Платоновича Каляева. – Петроград: [б. и.], 1918. – С. 29.

⁵⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. – Москва: Новый хронограф, 2013. – С. 452.

ря о Каляеве, еще не знал его будущей судьбы. Для писателя помещение фигуры Каляева в свой рассказ может быть интерпретировано как ностальгическое послание к другу, с которым ему повезло познакомиться. Так различие в задачах описания предопределило тон, манеру, стилистику и функцию текстов.

Послание эсеров было привычной реакцией на свершившийся террористический акт, литературным подстрочником к первичной реальности. В нем сохранилась традиция описания революционера, покрытая мифологизацией. Текст Ремизова же отличен тем, что автор не брал в расчет четко установившегося и угадываемого канона описания. Скорее, наоборот. В поисках своего литературного стиля он включает альтер-эго Каляева в ткань своего текста, не боясь нарушить никакую традицию. В отличие от Алексея Михайловича, для эсеров механизм создания образа был известен и – в иных случаях, возможно, лишь подспудно – проявляем. Традиции формирования образа, отличные в своих целях, задачах и механизмах, по-разному читались и воспринимались читателями начала XX в.

Introduction

A revolutionary terrorist of the beginning of the 20th century was a highly mysterious figure, hardly understandable by his contemporaries. It might seem that leading a conspiratorial lifestyle and hiding with a fake passport under an alias, he encoded his biography not only for the representatives of the imperial police network of agents, but also for each of his contemporaries. A terrorist became known only then when, with a bomb in his hand, he became the master of the country's history and the fate of its individual citizens. Then the Russian society got a chance to get to know some facts of the biography of an unusual criminal. Being placed in journalistic and literary texts, the image of a revolutionary terrorist was becoming recognizable. The canons of description were a means to form the myth that reached the peak of its power when it was the matter of “radical leftist intelligentsia, whose representatives were personified by the everyday consciousness in the images of selfless heroes with a bomb.”¹ It is clear that the list of objectives set to form such an image went far be-

¹ M.B. Mogil'ner, *The Mythology of the 'Underground Man': A Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999), 5.

yond descriptive ones. The study of various traditions of describing a revolutionary terrorist makes it possible to visually present the mechanisms of creating political images, their goals and objectives.

Present-day historiography is engaged in active study of those political images that made a particularly strong impression on contemporaries, influenced social consciousness and political struggle. Thus, B. Kolonitskii showed the images of the imperial family on the eve of the collapse of the Russian empire,² A. Egorov analyzed the formation of the image of a liberal,³ and a large number of works are devoted to the study of the image of the enemy.⁴ In this context the image of a revolutionary terrorist is of considerable interest.

The chronicle of the Russian radical movement has preserved the names of hundreds of bright personalities and notorious events. One of the most popular and high-profile acts of terrorism of the beginning of the 20th century was the assassination of the Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov by the Social Revolutionary terrorist Ivan Platonovich Kalyaev. The uniqueness of the research situation lies in the large number of published testimonies about Kalyaev made by his fellow party members and in the existence of literary testimony from his friend A. Remizov, a writer who had portrayed the image of the Social Revolutionary terrorist a few years before the terrorist attack.

Both Russian⁵ and foreign⁶ historiography have done a lot for the study of various aspects of revolutionary terrorism in Russia. As of today, the key work where radical mythology is an object of strict scientific reflection is the monograph by M. Mogil'ner who points to literary mythmaking as the most adequate form of self-

² B.I. Kolonitskii, *'Tragic erotica': Images of the Imperial Family during the First World War* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010).

³ A.N. Egorov, "The image of a Liberal in the Conservative Journalism of the Russian Empire of the Early 20th Century" [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 5 (2012): 17–20; A.N. Egorov, "Canvassing as a Tool to Discredit a Political Opponent (Based on the Materials of Elections to the State Duma of the Russian Empire)" [in Russian], *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (30) (2015): 170–78.

⁴ L. Gudkov, comp. *The Image of the Enemy* [in Russian], ed. N. Konradova (Moscow: OGI, 2005).

⁵ O.V. Budnitskii, *Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2000); R.A. Gorodnitskii, *The Combat Organization of the Socialist Revolutionary Party in 1901–1911* [in Russian], (Moscow: ROSSPEN, 1998).

⁶ A. Ulam, *In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia* (New York: Viking Press, 1977); A. Geifman, *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993); M. Hildermeier, *Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)* (Cologne; Vienna: Böhlau, 1978); F. Gross, *Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia* (The Hague: Mouton, 1972).

comprehension of the intelligentsia.⁷ Studying the interpretation of religious concepts and their application by the Narodniks, V. Fastovskii points out the significance of religious semantics in shaping the image of a revolutionary who is mounting the scaffold.⁸ Yu. Safronova reveals the performative and communicative aspects of terrorism.⁹

Main Body

On February 4, 1905, in the square in front of the Kremlin Senate in Moscow, Ivan Kalyaev, a member of the SR Combat Organization, threw a bomb into the carriage of Grand Duke Sergei Alexandrovich, the former governor-general of Moscow, uncle of Nicholas II of Russia. Shortly before his death, Sergey Aleksandrovich resigned from the post of governor-general, which he had held since 1891, but that could not prevent the intended act of terrorism anyway. The Grand Duke died on the spot, a few days later his coachman also died from wounds. On April 5, 1905, Special Tribunal of the Ruling Senate sentenced Kalyaev to death by hanging; the sentence was executed on May 10 in the Shlisselburg Fortress. Those events, together with the well-known visit of the Grand Duke's widow Elizaveta Feodorovna to the convicted terrorist, made Kalyaev a cult figure of the era.

Kalyaev's comrade in Combat Organization, Egor Sozonov, considered that his friend made some general impression of the inner glow and resembled the young Sergius of Radonezh in the painting by M. Nesterov. Moreover, Sozonov recalled that Kalyaev demonstrated religious fanaticism in every way. The same memoirist wrote that before the assassination attempt on Grand Duke, Kalyaev was saying his prayers holding a bomb in one hand, and making the sign of the cross with the other.¹⁰

The objectives of revolutionary terrorism were not limited to the assassinations of the representatives of power structures. By means of a terrorist act, revolutionaries sent a "message" to the society.¹¹ Each successful attempt was to be commented on by its masterminds. The illegal press distributed leaflets, pamphlets and articles that explained the importance of an assassination and gave their own interpretation of such an event, praising a terrorist and dehumanizing his victim. The perception of

⁷ Mogil'ner, *The Mythology of the 'Underground Man'*.

⁸ V.M. Fastovskii, "This is my religion! Religiously-Connotated Lexis in the Ego-Documents of the Narodnik Movement of the Late 1870s – Early 1880s" [in Russian], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (2018), accessed February 28, 2019, <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html>.

⁹ Yu.A. Safronova, *Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror. 1879–1881* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014).

¹⁰ Quoted in E.I. Goncharova, comp. *'Revolutionary Christianity': Letters of the Merezhkovskys to Boris Savinkov* [in Russian] (St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2009), 20.

¹¹ For more, see Safronova, *Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror*.

revolutionary violence as an opportunity to combat imperial violence took deep root in the ideological tradition of the revolutionaries, starting with their understanding of the French Revolution.¹²

The event of February 4, 1905, was accompanied by a large number of leaflets denouncing the personality of the assassinated Grand Duke.¹³ In the messages of the Socialist Revolutionaries, Sergey Alexandrovich was presented as a “national executioner,” an “all-powerful representative of lawlessness,” “a friend of despotism,” and “‘Grand Duke Khodynsky,’ who, in short intervals between corruption and torture . . . went to worship icons.”¹⁴ Revolutionary violence demanded its justification, seeking it in the narrative about excessive violence of the authorities against their people.¹⁵ This rhetoric continued on the pages of the Social Revolutionary newspaper *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia] for several more weeks,¹⁶ until an explanatory model of the attempt began to line up around the second participant of the event – the Social Revolutionary terrorist Ivan Kalyaev.

The descriptions of the terrorist’s biography used emotional, in some places even aphoristic, language, which was full of references to religious texts.¹⁷ For the people of the era of realism, literature was identical with social reality and claimed to be able to change it.¹⁸ Putting the assassin in the socialist martyrology and getting the sanctions on revolutionary terrorism from the society, such text about the revolutionary terrorist helped to actualize the myth-making process.¹⁹

In April 1905, an article, titled “Ivan Platonovich Kalyaev,” appeared in the pages of the press organ of the Socialist Revolutionary Party. It was signed by *Byvshyi sotsial-demokrat* [a former social democrat] and under that pseudonym one could recognise Boris Savinkov, who had known Kalyaev well since his gymnasium years. Choosing the genre of newspaper article, Savinkov did not have the possibility of a detailed description, and therefore he had to highlight the key fragments in order to give a better “understanding” to the hero of his memories. Like a hagiographer, the author considered the biography of the hero in retrospect. The whole story about his

¹² A. Hilbrenner, “Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia,” in *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism*, ed. P. Terhoeven (Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018), 20.

¹³ R.S. Zakirov, “The Reaction of the Russian Society to the Assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich (1905)” [In Russian], *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova*, no. 1 (2012): 20.

¹⁴ The leaflet of the Petersburg Committee of the Socialist Revolutionary Party (February 1905). Gosudarstvennyi arkhiv rossiiskoi federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. 1741, op. 1, d. 16864.

¹⁵ Hilbrenner, “Of Heroes and Villains,” 33.

¹⁶ See *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 59, February 10, 1905; no. 60, March 5, 1905.

¹⁷ Fastovskii, “This is my religion!”

¹⁸ I. Paperno, *Semiotics of Behaviour: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996), 8.

¹⁹ For more, see Mogil'ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*.

childhood led the author to the conclusion that Kalyaev “could not but become a revolutionary.” His parents contributed to that: Ivan owed “the firmness of character, keen sense of duty, and almost unlimited powers of endurance” to his father, and “impressionability, delicate beauty of his artistic perceptions and so typical for him all-forgiving, pure and tender love for the people” to his mother. And even the city of his childhood played its role: Warsaw was “a city filled with innumerable streams of tears, stained with the immense ocean of people’s blood.”²⁰ That was followed by the stories about his studies, fascination with Marxism and the first clashes with the police. Now Ivan Kalyaev was becoming the personalized hero of the assassination story. Boris Savinkov endowed him with qualities, the presence of which the readers of the beginning of the 20th century could only assume.

In addition to that, using two more key stories – one about the event on February 2, and the other about the meeting of the Grand Duchess Elizaveta Feodorovna and Kalyaev – Savinkov verbalised the rigorism of his hero’s ethics. The assassination planned for February 2 did not happen: it turned out that the Grand Duke was traveling not alone but in the company of his wife and the children (his nephews). Kalyaev showed “spiritual tenderness and inborn nobility” by refusing to throw a bomb at the carriage where together with his would-be victim there were “innocent people” and rescheduled the attempt for another day when the Grand Duke was leaving alone. Then, during his meeting with the Grand Duchess, Kalyaev categorically refused the offer of Elizabeth Feodorovna to spare his life: “And he was not the one to accept favours from the unclean hands of the tsar, dukes and all those who serve them.”²¹

In both cases, the author of the biography implied the ethos of the revolutionary and his deliberate martyrdom, built by analogy with the Christian martyrdom.²² Reducing the biography of Kalyaev to the fate of the revolutionary who could not help but become one, his party fellows repeated the techniques of describing other “Heroes of Underground Russia” and represented the image of a martyr. Death on the scaffold was a natural and the only possible finale of such a biography. The anonymous poem “Death of Kalyaev” repeats one of the central themes of mythologizing the terrorist:

Death crowned him with a laurel wreath; Death – an enviable death while he was still fighting for the cause – completed a worthy victory.

Not for a moment did he want to save his life; not a moment – and his every word breathed with a proud challenge to the judges.²³

²⁰ Quoted in Byvshyi sotsialdemokrat [B.V. Savinkov], “Ivan Platonovich Kalyaev” [in Russian], in *Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from ‘Revolutsionnaya Rossiya’)* (N.p.: Tipografiya Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov, 1905), 2.

²¹ Byvshyi sotsialdemokrat, “Ivan Platonovich Kalyaev”, 4.

²² Fastovskii, “This is my religion!”

²³ *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 67, May 15, 1905.

The reports that “Kalyaev remained calm until the last minute” were a perfect example of how the terrorist “martyr” had accepted his death.²⁴ The revolutionary went to the scaffold “fearlessly” and “calmly.”

Another effective means of telling the public about Kalyaev was the distribution of his last letters, poems and memoirs in print. Each text was not only a means of self-presentation, but also a death letter, from which documentary accuracy was expected.

In a personal letter to his comrades, which became publicly available, the revolutionary described his life as complete, filled with meaning, and justified with his belief in progress and socialism. He did not regret anything:

The Revolution gave me happiness, which is greater than life, and you understand that my death is just my very small gratitude to it. I consider my death the last protest against the world of blood and tears and I can only regret that I have only one life that I throw out as a challenge to the autocracy.²⁵

In the same way as those letters were not just letters, the poems by Kalyaev (or the Poet, as his party fellows called him) were not just poetry. Behind them there was the well-known canon of describing the “dying hour.”²⁶ That was the last greeting to the people from the one who suffered for their happiness:

What can we give to the people
In addition to smart, boring books,
To help them find their freedom?
– Only the flash of our lives...²⁷

The speeches of the defendant and his lawyers published by the Socialist Revolutionaries reproduced radical mythology in full.²⁸ “May his fate be fulfilled – may Kalyaev’s will be accomplished. He bared his chest himself, exposing it to your blows. His testimony breathed a bold challenge thrown into the face of death,” said Mandel’stam, Kalyaev’s lawyer, to conclude his speech.²⁹

Collective heroics and religious semantics in the current myth-making process shaded the moral contradictions of terrorism. The questions of the possibility of killing, which were raised in Savinkov’s “Pale Horse” (published under the pseudonym

²⁴ *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 68, June 1, 1905.

²⁵ *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 68, June 1, 1905.

²⁶ Mogil’ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*, 47

²⁷ Poems of I.P. Kalyaev [in Russian], in *Ivan Platonovich Kalyaev*, 34.

²⁸ Marina Mogil’ner points out that publication of such speeches was especially popular in 1905 – 1906. See Mogil’ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*, 54.

²⁹ Mandel’stam’s speech for the defense of I.P. Kalyaev, in *Ivan Platonovich Kalyaev*, 28.

V. Ropshin) and put in the mouth of the Kalyaev's literary prototype, remained unanswered:

There is sadness in his clear eyes. I say:

“Vanya, and what about ‘Thou shalt not kill?’...”

“No, Zhorzhik, – Thou shalt kill.”

“Is this you who says that?”

“Yes, I say that. Kill so that they would not kill. Kill so that people would live according to God's will, so that love would bless the world.”

“This is blasphemy, Vanya.”

“I know. And ‘Thou shalt not kill’? Is it not blasphemy?”³⁰

As the leader of the Socialist Revolutionaries V. Chernov wrote in his memoirs, “the moral and political essence of this literary work was perceived by some people as slinging mud at the terrorists and the party, while the others saw it as claims to superhumanity and preaching amoralism.”³¹

The formation of the image of Kalyaev was a literary and documentary commentary of the terrorist act by the Socialist Revolutionaries. The task of Kalyaev's fellow party members was to justify radicalism by embodying the collective qualities of the “People of the Underground” in their hero. The genre of biography partly coincided with hagiography to occasionally highlight religious allusions. By means of selected and especially cited and repeated plots, the Socialist Revolutionaries presented martyrdom. In order to tell the Russian society about Kalyaev, the Socialist Revolutionaries, whether willingly or not, implemented the concept of one of the cult theoreticians of populism, P. Lavrov, who believed:

Martyrs were needed, whose legend would outgrow their true worthiness, their true merit.³²

Unlike the Socialist Revolutionaries, a beginner writer Alexey Remizov did not need to write anything about the hero of the moment as he already had a story about Kalyaev. In the years 1900–1903, the future terrorist was serving administrative exile in Yaroslavl and regularly visited his childhood friend B. Savinkov in Vologda. There he met Remizov, N. Berdyaev, P. Shchegolev, V. Zhdanov and, as Berdyaev put it, other “exile aristocrats.” He became especially close with Remizov – they both wrote poems and dreamed of becoming real writers. Their joint translation of the poem in prose “Tçsknota” by a Polish modernist writer Stanisław Przybyszewski,

³⁰ V. Ropshin [B.V. Savinkov], *Pale Horse* [in Russian], accessed February 27, 2019, <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt>.

³¹ V.M. Chernov, *Before the Storm. Memoirs* [in Russian], (New York: Izdatelstvo imeni Chekhova, 1953), 293.

³² P.L. Lavrov, “Historical Letters” [in Russian], in P.L. Lavrov. *Philosophy and Sociology. Selected Works in 2 Volumes*, vol. 2 (Moscow: Mysl', 1965), 252.

popular with the exiles in Vologda, was preserved and published.³³ It was in Vologda after the meetings with E. Breshko-Breshkovskaya that Kalyaev and Savinkov made the fateful decision “to go into terror.” Remizov got strongly involved in those conspiratorial activities, because the third member of the Vologda colony, who responded to the call of the “Grandmother of the Russian Revolution,” was Remizov’s fiancé Serafima Dovgello. But soon, probably influenced by her fiancé, Serafima changed her mind and the comrades in exile blamed Remizov for that and declared a boycott against him.³⁴

At the end of his exile, by the beginning of the spring of 1903, A. Remizov wrote the story “Ivan Kupal” for the modernist almanac *Grif*. The story was published in the second issue of *Grif* in February 1904 together with two other stories by Remizov: “Molitva” [The Prayer] and “Poslednii chas” [The Last Hour]. The latter two stories are the reflection on the tragedy of being, which were quite typical for the decadence of the early 20th century, but “Ivan Kupal” stands against that homogeneous background. As Z. Mints pointed out, it shows “the originality of Remizov as an artist who connected everyday life and his interest in folklore and ritual with exquisite knowledge of folk language.”³⁵ But the subtext of this folklore everyday-life story contains a different meaning and a different plot.

The story begins with an idyllic scene: in the middle of the summer, a group of children were playing in the garden near the narrator’s house, reminding him of a “huge coloured broom.”³⁶ But not everyone was happy in that Eden. The narrator saw that the children were cruel to one of the girls, Paran'ka, teased and offended her. The offended girl reached for the narrator, who comforted her and promised to carry her soon in his arms to the places where “there was not a single person.” At that time a friend of the narrator, Ivan Platonovich, came to visit. He was quite a strange character with a drunk, wounded face and lacklustre eyes full of suffering. The guest showed the narrator some rather strange objects he had found the previous night in the river: a phial with sand that he believed to be gold-bearing and an old bone that had turned green. Following the children, the adults went to the river and saw the children perform the ancient Kupala ritual of throwing wreaths of wildflowers into the water to tell fortunes for happiness. In the evening the friends were walking along the bank and came to the pool. “Right here,” whispered Ivan Platonovich. He pulled a

³³ *Letters from A.M. Remizov and V. Ja. Brjusov to Aage Madelung* [in Russian], ed. P.A. Jensen and P.U. Möller (Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976), 79–80.

³⁴ “In the Sunset Glow.” Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello [in Russian], *Europa Orientalis*, no. 9 (1990): 156.

³⁵ Z.G. Mints, Introductory article to “Blok, A. Correspondence with A.M. Remizov. (1905–1920)” [In Russian], in *Alexander Blok: New Materials and Studies*, vol. 2 (Moscow: Nauka, 1981), 63.

³⁶ A. Remizov, “Ivan-Kupal” [in Russian], in *Al'manakh'Grif*, iss. 2 (Moscow: Grif, 1904), 43.

wreath from within his coat and pointed to the dark, quivering water of the pool. – For you. And the wreath spun, jumped, then disappeared in the deep and re-emerged, came to the surface again and sank.”³⁷

Divination on the wreaths means that the person whose wreath sinks will die within a year; that one whose wreath drifts the farthest of all will be the happiest; if the wreath remains still, it means that one should not expect any big changes in life. In folk tradition, those who tell their fortunes are mostly girls. In Remizov’s story, the mantic mechanism was activated at sacral time and quite an accurate answer was received: the wreath drowned, which means a forthcoming death of the person who thrown the wreath into the water.

Of course, this story can be considered as a realistic description of individual episodes of Remizov’s life in Vologda exile. During his exile, the writer associated a lot and willingly with children, which was reflected in his works of that period. The strange visitor can be interpreted as one of those eccentrics, many of whom, judging by the observations of the contemporaries, one could meet among the Vologda exiles. Nevertheless, a number of circumstances do not allow us to classify this story as an ordinary sketch of everyday life with slight stylistic touches of folklore and modernism, introducing fashionable at the time motifs of depression, hopelessness and primeval cruelty of the world. Let us try to reconstruct the subtext of the work.

The key figure is the mysterious friend of the narrator, who can be identified as Kalyaev, which can be deduced from a number of coincidences.

1) In the first edition of the story the character had the same name as Kalyaev and was called Ivan Platonovich.

2) Kalyaev was born on June 24, 1877 on the day of Ivan Kupala, which implies that the story was titled not only by the name of the mythological character of the Eastern Slavs, but also by the name of the eponymous character. It is also worth noting that Remizov was born on the same day and the same year as Kalyaev, which, of course, strengthened their mystical connection, as both of them understood it.

3) The hint of drunkenness of the main character has the real basis, since the Vologda exiles founded a game “secret society,” “The Union of Free Alcoholics,” and the theme of drinking was often played upon by them in a humorous way in conversations and correspondence.

4) In symbolic terms, the search for gold by the main character of the story on the magical night of Ivan Kupala can be interpreted as search for truth in its mystical ways. During the period of close association between Remizov and Kalyaev, the latter experienced serious ideological crisis, which resulted in his decision “to go into terror.” The memoirs of B. Savinkov say that Kalyaev came to terror “following his own, special, original way.” Savinkov showed this “originality” in his short novel

³⁷ Remizov, “Ivan-Kupal,” 46.

“Pale Horse.” The protagonist Vanya (Kalyaev was his prototype) was thinking about terror the following way:

You know, I often read the Gospel in my yard, and it seems to me that there are only two, just two ways. One is when everything is allowed. You see, everything. And then – Smerdyakov. Of course, only if you dare, if you resolve to do anything. After all, if there is no God and Christ is a man, there is no love, and it means there is nothing... And another way is the Christ's path to Christ himself... Listen, if you love a lot, truly love, then can you kill or can you not? ... No, to kill is a vile sin. But recall: greater love hath no man than this, that a man lay down his soul for his friends. Not life, but soul. Understand, you need to accept the cross, you need to resolve to do anything out of love and for love. But by all means out of love and for love.³⁸

5) Abundance of flowers in the story “Ivan Kupal” makes us recall that flowers were an important attribute in the relationship between Kalyaev and Remizov. In his memoirs, the writer reflected the “flower” episodes associated with Kalyaev. Thus, in September 1902, two writers made their debut in the Moscow newspaper *Kur'er* [Courier]: N. Moldavanov with “Plach devushki pered zamuzhestvom” (“Epithalamia”) [A Bride's Lamentation (Epithalamium)] and V. Kanin with his story “Noch' ” [The Night]. Remizov and Savinkov were behind those pseudonyms. Remizov recalled: “The evening was devoted to the story of Savinkov . . . I went home to Zhelvuntsovskaya Street very late. Kalyaev stayed overnight at Savinkov's place. The following evening I hear someone knocking . . . “Ivan Platonovich.” I see white asters in his hands: he is in a hurry to the station. And the flowers are for me: he brought them yesterday from Yaroslavl, but yesterday “did not have an hour” . . . “Epithalamium!” Kalyaev said and handed the flowers to me.”³⁹ During the boycott of Remizov, the general meeting of the exiles banned any contact with the outcast. But Kalyaev broke the ban and visited the “cell” on Zhelvuntsovskaya street. In the guest's hands there were flowers again. “I always remember how Kalyaev brought me flowers, and that was when because of my contradicting “tea” I found myself cramped and completely alone.”⁴⁰ Finally, dry flowers from the grave of his friend were in the Petersburg apartment of the writer.

6) The motifs of slight madness and mental inadequacy of the character's behaviour also have real basis. Political exiles in Vologda sometimes simulated mental disorders in order to avoid being sent to the remote towns of Vologda Governorate. The doctor of the zemstvo psychiatric hospital, the exiled social-democrat A. Bogdanov-Malinovsky issued the corresponding certificates to his friends in misfortune, includ-

³⁸ V. Ropshin, [B.V. Savinkov] Pale horse [in Russian] (St Petersburg: Shipovnik, 1909), 139.

³⁹ A.M. Remizov, “Courier” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 8 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000): 455.

⁴⁰ A.M. Remizov, “Honeymoon” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 5 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000): 70.

ing Remizov.⁴¹ Moreover, the public opinion of the “Underground Russia” of the beginning of the 20th century valued art only as a means of political propaganda. The revolutionaries did not understand Art Nouveau and thought that the decadents were insane. As civic poetry was not the only poetry Kalyaev wrote, he fell under suspicion of being insane. Before taking the path of terror, Kalyaev brought his comrades a certificate from the doctor about his mental health.⁴² That can lead us to the conclusions that Kalyaev was a hypothetical prototype for the guest of the narrator in the story “Ivan Kupal.”⁴³

Apparently, it is the last meeting with his friend that A. Remizov mentioned in his official letter to P. Shchegolev, an employee at the museum of the Revolution, in June 1921. Before going abroad, the writer presented the museum with the icon of the Resurrection of Christ that used to belong to Kalyaev and replied to the museum’s request to write a memoir about the revolutionary terrorist the following: “My reminiscences about I.P. Kalyaev / and about *Easter flowers* [italics added] / and about the poems / the memory of Vologda / I shall write as soon as I become human...”⁴⁴ That meeting was rather about the fateful decision of Kalyaev than about poetry. However, poetry also played an important role. Remizov tried to make Kalyaev change his mind and to set him up for a “peaceful” literary work, assuring him that he was a “real” poet.

Apparently, it was A. Remizov who got V. Bryusov involved in “persuading” Kalyaev. Remizov sent Bryusov the poems written by the revolutionary and informed him about Kalyaev’s plans in most general terms. This can account for the odd letter of August 1903 that Bryusov wrote to Kalyaev who was not among his acquaintances:

Dear Ivan Platonovich! Your poems are good in form and can be printed. As for the contents, they are a bit like Nekrasov’s poems and (even less) like those of Men’shin [Publisher’s mistake; it should be *Mel’shin*; it is a reference to P.F. Yakubovich, a revolutionary poet and member of Narodnaya Volya, as one of his pseudonyms was L. Mel’shin (*Authors*)]. Never mind that: every poet looks like someone else at first. . . . Take care of yourself: you are a talent. And to my mind, the poetic gift is more needed in literature than in revolution... Just try to save yourself! Sincerely yours, Valery Bryusov.⁴⁵

⁴¹ Remizov, “Madman” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 5 (Moscow: Russkaya Knika, 2000): 451.

⁴² Mogil’ner, *The mythology of the ‘Underground man’*, 79.

⁴³ See Yu.V. Rozanov, “Terrorist Kalyaev in A. Remizov’s Story ‘Ivan Kupal.’ The Real Basis of the Symbolic Text” [in Russian], *Voprosy literatury*, no. 1 (2006): 124–34.

⁴⁴ E.R. Obatnina, *Tsar Asyka and his Subjects. Great and Free Monkey Chamber by A.M. Remizov in Persons and Documents* [in Russian], (St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001), 281.

⁴⁵ “How is It in Vologda?”: An Unknown Letter of V.Ya. Bryusov to I.P. Kalyaev, publ. V. Perepechenko, *Krasnyi Sever*, December 25, 1988.

Kalyaev did not receive that letter, and it was unlikely to change anything. According to B. Savinkov, Kalyaev was “mentally incapable” of any “peaceful work.”

Shortly after that “Easter” meeting (Easter in 1903 fell on April 6) Kalyaev disappeared from Remizov’s sight: he spent a month in prison in Yaroslavl, after his release he went into the revolutionary underground, and in June, together with Savinkov, secretly left the Russian Empire to form the Combat Organization of the Socialist Revolutionaries, which, of course, Remizov did not know.

Remizov’s letters to his Vologda acquaintances show his concern about Kalyaev’s life. On August 7, Remizov, who had already been freed from exile, wrote to their common friend Aage Madelung: “Sticky leaves of spring promises, and asters, dahlias and insanity of the reckless calls of the northern autumn [the “decadent” rethinking of the appeals of Breshko-Breshkovskaya]. Where is our Iv[an] Plat[onovich]? I wrote to him to the editorial office of the *Sev[ernyi] Krai*, but there is no reply. He is beautiful and struggling, will he cope, will he get out?”⁴⁶ In the letter to P.E. Shchegolev on January 27, 1904, Remizov tried to hide his concern behind a joke: “P[avel] E[liseevich], do you happen to know the address of Ivan Platonovich? Can you possibly find it for me? He borrowed several books, I want to get them back, and he slipped out like an eel.”⁴⁷

This disturbing background makes it possible to consider the story “Ivan Kupal” with the open name of the prototype as a kind of message to the inaccessible friend, whom no other letters reach. In this message, there is a reminder of Vologda, which was connected with so many good and bad things; and a reference to the Kupala rituals, which were significant for both of them; and the continuation of the key dispute (the character of the story was looking for gold but not where he was supposed to); and a premonition of the tragic dénouement, which the bone found instead of gold and the wreath that sunk in the river symbolize in somewhat naive and straightforward way.⁴⁸

Among the counsels for the defence of Ivan Kalyaev was V. Zhdanov, a sworn attorney, who was a former political exile and participated in many significant events that took place in the Vologda colony. It was he who told Remizov that his message encoded in “Ivan Kupal” was received by the addressee. Remizov wrote about this to his wife in the letter of April 24–25, 1905:

He [Zhdanov (*Authors*)] arrived in St Petersburg for a meeting with Iv[an] P[latonovich]. He has just been to the fortress and saw him. According to Zhdanov, Iv[an] P[latonovich]

⁴⁶ *Letters from A.M. Remizov and V. Ja. Brjusov to Aage Madelung*, 13.

⁴⁷ Letters from A.M. Remizov to P.E. Shchegolev. Part 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiev. (1903–1904)], publ. A. M. Gracheva, in *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002), 188.

⁴⁸ See Yu.V. Rozanov, *Folklorism of A.M. Remizov: Origins, Genesis, Poetics* [in Russian] (Doctoral diss., Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 2009).

is in a wave of joy because he accomplished what he had conceived and is awaiting death. They remembered Vologda, remembered me, *he read my story "Ivan Kupal" in "Grif" about the gold miner without gold and about the intimidated girl* [italics added]. On one of these days he is to be hanged. And he sleeps at night. And you know it yourself, only those sleep at night whose wish is fulfilled: a person stops sleeping when there is no answer or when he is powerless to change something. Maybe, now he is the happiest man.⁴⁹

In March 1906, Remizov, his wife and friends visited Shlisselburg, where the locals were enthusiastic to show the visitors the places where the executed were buried. Remizov wrote to Andrei Bely:

Yesterday we were at Schlüsselburg (sic!) Fortress. We saw everything. T[atyana] N[ikolaevna] made a lot of sketches. All those cells will remain in my heart for my lifetime. We went to Kalyaev's grave – I took dry flowers and grass for myself. The grave with no knoll is opposite the Royal Tower on the ledge. I close my eyes and I see those rooms and the courtyard where they were hanged, and the death ward where they spent the last night until dawn."⁵⁰

Monument at the burial place of I.P. Kalyaev and other prisoners of the Shlisselburg Fortress

Source: photo by A.N. Egorov

⁴⁹ "In the Sunset Glow." Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello, 456.

⁵⁰ Andrey Bely and A.M. Remizov, Correspondence [in Russian], publ. A.V. Lavrov, in *Alexander Blok: Research and Materials*, ed. N. Yu. Gryakalova (St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2011), 467.

Many of those who knew the details of the case had mystical visions. For example, Bely recalled that Boris Savinkov had complained to the Remizovs, whom he visited in secret, that “Kalyaev’s shadow appeared to him.”⁵¹ The drawings by T. Gippius, which Remizov mentioned, including the sketch of Kalyaev’s grave, are kept in the United States in the Amherst Center for Russian Culture in Amherst (Massachusetts). Four drawings were reproduced in the article by M. Pavlova.⁵²

Under the impression of the trip to Schlisselburg, Remizov wrote one of his most horrible stories, “Krepost” [The Fortress], highly valued by the symbolists of those years who often compared the earthly world with prison.⁵³ In this story one can find echoes of the old argument between Remizov and Kalyaev. During the tour of the fortress, the narrator faces the ghost of a stranger, a vigilante, who “invents the cruellest executions and executes those who ordered and commanded to torture.” But then, as the narrator reasonably believes, there will be no end to executions.⁵⁴ The concept of “evil infinity” (an act of terrorism – the execution of a revolutionary – the revenge by the friends of the executed, i.e. a new act of terrorism), was widely used in the context of moral and legal defence of Kalyaev. For example, Zhdanov, the lawyer, asked the court to show generosity and to break that tragic chain.⁵⁵ Kalyaev considered terror as religious self-sacrifice in the name of the greater good, and for Remizov terror was absolute evil, a part of the infernal plot that existed in the world. The thought of the mental closeness between Kalyaev and Remizov, no matter how different their fates were, was present in the minds of their contemporaries. In 1945, M. Prishvin, who was close to Remizov at the beginning of his literary career, described the situation in the 1900s in the following way:

It was at the time when the decadents’ chant glorifying superhuman in themselves had become tiresome, and the new movement began to emerge, which can be called now by its name – the patriotic movement. Literary historians may have said or are going to say something about this movement, but I can only speak about it for myself and for those few friends who were with me. . . . Mayakovskii, Kalyaev, Remizov, Tolstoi [Alexey Nikolayevich (*Authors*)], Zamyatin, Shishkov, Prishvin, Khlebnikov. Remizov and Kalyaev – religious aestheticism. Between them was Prishvin.⁵⁶

⁵¹ A. Bely, *Between Two Revolutions* [in Russian] (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990), 65.

⁵² M.M. Pavlova, “On the History of the Neo-Christian Commune of the Merezhkovskys” [in Russian], *Russkaya literatura*, no. 3 (2017): 223–24.

⁵³ O.G. Surmachev, “On the Issue of the First Publication of the Story ‘The Fortress’ by A. Remizov” [in Russian], Advokat Surmachev Oleg Grigor'evich, accessed February 27, 2019, <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza>.

⁵⁴ A.M. Remizov, “The Fortress” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 3 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000), 38.

⁵⁵ *In Memory of Ivan Platonovich Kalyaev* [in Russian] (Petrograd: [n.p.], 1918), 29.

⁵⁶ M.M. Prishvin, *Diaries. 1944 – 1945* [in Russian] (Moscow: Novyi Khronograf, 2013), 452.

What is important in that confession of the worldly-wise writer is that Remizov, Kalyaev, and even Prishvin fit into a certain common line of the development of Russian thought and Russian literature.

Conclusion

As we can see, the existing difference in shaping the image of Kalyaev was determined by the difference in the situation. For the Socialist Revolutionaries, Ivan Platonovich Kalyaev was a figure, whose story was convenient for justifying revolutionary terrorism. By reducing his biography to the fate of a revolutionary martyr, they received the sanction of the society to continue the activities of the SR Combat Organization. While speaking about Kalyaev, Remizov, on the other hand, did not yet know his fate. For the writer, placing Kalyaev's figure in his story can be interpreted as a nostalgic message to the friend who he was lucky to meet. Thus, the difference in the objectives of the description predetermined the tone, manner, style and function of the texts.

The message of the Socialist Revolutionaries was a typical response to the accomplished act of terror, a literary word-for-word reference to the reality. It preserved the tradition of describing a revolutionary in myth-making manner. Remizov's text is different in that the author did not take into account the clearly established and recognisable canon of description. Rather the opposite. In search of his literary style, he weaved Kalyaev's alter-ego into the fabric of his text without fear of breaking any tradition. Unlike Remizov, the Socialist Revolutionaries were aware of the technique to create the image, which – although only latently in other cases – manifested itself. The traditions of image formation, which were different in goals, objectives and techniques, were read and perceived by the readers of the early 20th century differently.

Список литературы

Андрей Белый и А.М. Ремизов: Переписка / Вступительная статья, публикация и комментарий А.В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2011. – С. 437–513.

Белый А. Между двух революций / под редакцией Н.Ю. Грякаловой. – Москва: Художественная литература, 1990. – 672 с.

Бывший социалдемократ [Савинков Б. В.] Иван Платонович Каляев // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 1–7.

Егоров А.Н. Образ либерала в консервативной публицистике Российской империи начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 17–20.

Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 3 (30). – С. 170–178.

Закиров Р.С. Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2012. – №1. – С. 19–25.

«Как у вас в Вологде?»: Неизвестное письмо В.Я. Брюсова к И.П. Каляеву / Публикация В. Перепеченко // Красный Север. – 1988. – 25 декабря. – С. 4.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. – Москва: Мысль, 1965. – С. 6–295.

Миц З.Г. Вступительная статья к А. Блок: Переписка с А.М. Ремизовым. (1905–1920) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Кн. 2. – Москва: Наука, 1981. – С. 63–82.

Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начал XX века как предмет семиотического анализа. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. – 1990. – № 9. – С. 443–498.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – 484 с.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских // Русская литература. – 2017. – № 3. – С. 222–242.

Памяти Ивана Платоновича Каляева. – Петроград: [б.и.], 1918. – 48 с.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 207 с.

Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / под редакцией А. Енсена, П.У. Мёллера. – Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. – 80 с.

Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Часть 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев. (1903–1904) / Публикация А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булаин, 2002. – С. 153–205.

Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. – Москва: Новый Хронограф, 2013. – 944 с.

«Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / составитель Е.И. Гончарова. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2009. – 447 с.

Ремизов А. Иван-Купал // Альманах «Гриф». [Вып. 2]. – Москва: Гриф, 1904. – С. 43–46.

Ремизов А.М. Крепость // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 23–40.

Ремизов А.М. Курьер // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 452–456.

Ремизов А.М. Медовый спас // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 45–77.

Ремизов А.М. Сумасшедший // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 446–451.

Речь Мандельштама // Иван Платонович Каляев (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 22–28.

Розанов Ю.В. Террорист Каляев в рассказе А. Ремизова «Иван Купал». Реальная основа символического текста // Вопросы литературы. – 2006. – № 1. – С. 124–134.

Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. – 418 с.

Ропшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1909. – 147 с.

Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. – Москва: Новое литературное обозрение. 2014. – 376 с.

Стихотворения И.П. Каляева // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 33–41.

Сурмачев О.Г. К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» / Адвокат Сурмачев Олег Григорьевич. – URL: <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza/> (дата обращения: 27.02.2019)

Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html> (дата обращения: 28.02.2019).

Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 412 с.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. – Москва; Санкт-Петербург: Феникс: Atheneum, 1993. – С. 281–416.

Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer // UGLA Slavic Studies / Edited by G. Slobin. – Columbus: Slavica, 1987. – Vol. 16. – 286 p.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1993. 376 p.

Gross F. Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. – The Hague: Mouton, 1972. – 139 p.

Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia // Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism / Edited by P. Terhoeven. – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. – P. 19–37.

Hildermeier M. Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. – Coln; Wien, 1978. – 458 p.

Slobin G. Remizov's Fictions 1900 – 1921. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991. – 203 p.

Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. – New York: Viking press, 1977. – 418 p.

References

Andrey Bely and A.M. Remizov. Correspondence. Opening article, publication and commentary by A.V. Lavrov. In *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and materials], ed. N.Yu. Gryakalova, 437–513. St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2011. (In Russian)

Bely, A. *Mezhdv dvukh revolyutsii* [Between two revolutions]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. (In Russian)

Byvshyi sotsialdemokrat [Savinkov, B.V.]. “Ivan Platonovich Kalyaev.” In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz “Revolutsionnoi Rossii”)* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from ‘Revolutsionnaya Rossiya’)], 1–7. N. p.: Tipografiya Partii Sotsialistov-Revolutsionerov, 1905. (In Russian)

Chernov, V.M. *Pered burei. Vospominaniya* [Before the storm. Memories]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova = Chekhov Publishing House, 1953. (In Russian)

Chirikov, E.N. “Na putyakh zhizni i tvorchestva. Otryvki vospominanii” [On the roads of life and work. Fragments of memories]. In *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [Persons: Biographical almanac]. Issue 3, 281–416. Moscow; St Petersburg: Phoenix; Atheneum, 1993. (In Russian)

Egorov, A.N. “Obraz liberala v konservativnoi publitsistike Rossiiskoi imperii nachala XX veka” [The image of a liberal in the conservative journalism of the Russian Empire of the early 20th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 5 (2012): 17–20. (In Russian)

Egorov, A.N. “Predvybornaya agitatsiya kak instrument diskreditatsii politicheskogo protivnika (po materialam vyborov v Gosudarstvennyu dumu Rossiiskoi imperii)” [Canvassing as a tool to discredit a political opponent (based on the materials of elections to the State Duma of the Russian Empire)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3(30) (2015): 170–78. (In Russian)

Fastovskii, V.M. “‘Eto moyaya vera!’ Religiozno-konnotirovannaya leksika v ego-dokumentakh narodnichestva kontsa 1870-kh – nachala 1880-kh godov [‘This is my religion!’ Religiously-connotated lexis in the ego-documents of the Narodnik movement of the late 1870s – early 1880s]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (2018). Accessed February 27, 2019. <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html>. (In Russian)

Geifman, A. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894 – 1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Goncharova, E.I., comp. *‘Revolyutsionnoye khristovstvo’: Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* [‘Revolutionary Christianity’: Letters of the Merezhkovskys to Boris Savinkov]. St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2009. (In Russian)

Gross, F. *Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia*. The Hague: Mouton, 1972.

Hilbrenner, A. “Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia.” In *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism*, edited by P. Terhoeven, 19–37. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018.

Hildermeier, M. *Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)*. Cologne; Vienna: Böhlau, 1978.

“Kak u vas v Vologde?": Neizvestnoe pis'mo V.Ya. Bryusova k I.P. Kalyaevu [“How is it in Vologda?": An unknown letter of V.Ya. Bryusov to I.P. Kalyaev], published by V. Perepechenko. *Krasnyi Sever*, December 25, 1988. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *“Tragicheskaya erotika”: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [“Tragic erotica”: Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russian)

Lavrov, P.L. “Istoricheskie pis'ma” *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [“Historical Letters”, in Philosophy and Sociology. Selected works in 2 volumes], vol. 2, 6–295. Moscow: Mysl', 1965. (In Russian)

Mints, Z.G. Introductory article to “Blok, A. Correspondence with A.M. Remizov. (1905–1920).” In *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok: New materials and studies], vol. 2, 63–82. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Mogil'ner, M.B. *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”’: radikal'nyi mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the ‘underground man’: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. (In Russian)

“Na vechernei zare” [In the sunset glow]. Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello. *Europa Orientalis*, no. 9 (1990): 443–98. (In Russian)

Obatnina, E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye. Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects. Great and Free Monkey Chamber by A.M. Remizov in persons and documents]. St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001. (In Russian)

Pamyati Ivana Platonovicha Kalyaeva [In memory of Ivan Platonovich Kalyaev]. Petrograd: [n.p.], 1918. (In Russian)

Paperno, I. *Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behaviour: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. (In Russian)

Pavlova, M.M. “K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh” [On the history of the neo-Christian commune of the Merezhkovskys]. *Russkaya literatura*, no. 3 (2017): 222–42. (In Russian)

Pis'ma A.M. Remizova i V.Ya. Bryusova k O. Madelungu [Letters from A.M. Remizov and V.Ya. Bryusov to Aage Madelung]. Edited and introduced by P. Alberg Yensen and P.U. Möller. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. (In Russian)

Pis'ma A.M. Remizova k P.Ye. Shchegolevu. Chast' 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiyev. (1903–1904) [Letters from A. M. Remizov to P.E. Shchegolev. Part 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiev. (1903–1904)]. Published by A. M. Gracheva. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997], 153–205. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002. (In Russian)

Prishvin, M.M. *Dnevnik. 1944–1945* [Diaries. 1944 – 1945]. Moscow: Novyi Khronograf, 2013. (In Russian)

Rech' Mandel'shtama [Mandelstam's speech for the defense of I.P. Kalyaev]. In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz 'Revolutsionnoi Rossii')* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from 'Revolutsionnaya Rossiya')], 22–28. N.p.: Tipografiya Partii Sotsial.-Revolutsionerov, 1905. (In Russian)

Remizov, A. “Ivan-Kupal” [Ivan-Kupal]. In *Al'manakh “Grif”*. Issue 2, 43–46. Moscow: Grif, 1904. (In Russian)

Remizov, A.M. “Krepost” [The Fortress]. In A.M. Remizov *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 3, 35–40. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Kur'er” [Courier]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 8, 452–56. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Sumasshedshii” [Madman]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 8, 446–51. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Medovyi mesyats” [Honeymoon]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 5, 45–77. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Ropshin, V. [Savinkov, B.V.] *Kon' blednyi* [Pale horse]. St Petersburg: Shipovnik, 1909. (In Russian)

Rožanov, Yu.V. “Terrorist Kalyaev v rasskaze A. Remizova ‘Ivan Kupal’”. Real'naya osnova simvolicheskogo teksta” [Terrorist Kalyaev in A. Remizov's story ‘Ivan Kupal’. The real basis of the symbolic text]. *Voprosy literatury*, no. 1 (2006): 124–34. (In Russian)

Rožanov, Yu.V. *Fol'klorizm A.M. Remizova: istochniki, genezis, poetika* [Folklorism of A.M. Remizov: origins, genesis, poetics]. Doctoral diss. Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 2009. (In Russian)

Safronova, Yu.A. *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Slobin, G. *Remizov's Fictions, 1900–1921*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991.

Slobin, G., ed. "Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer." *UGLA Slavic Studies*, vol. 16. Columbus, OH: Slavica, 1987.

Stikhotvoreniya I.P. Kalyaeva [Poems of I.P. Kalyaev]. In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz 'Revolyutsionnoi Rossii')* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from 'Revolyutsionnaya Rossiya')], 33–41. N.p.: Tipografiya Partii Sotsial.-Revolyutsionerov, 1905. (In Russian)

Surmachev, O.G. "K voprosu o pervoi publikatsii rasskaza A. Remizova 'Krepost'" [On the issue of the first publication of the story 'The Fortress' by A. Remizov]. Advokat Surmachev Oleg Grigor'evich. Accessed February 27, 2019. <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza>. (In Russian)

Ulam, A. *In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia*. New York: Viking Press, 1977.

Zakirov, R.S. "Reaktsiya rossiiskogo obshchestva na ubiistvo velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha (1905 god)" [The reaction of the Russian society to the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich (1905)]. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova*, no. 1 (2012): 19–25. (In Russian)

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-5
УДК 930.85

Беженару Людмила Ефимовна
Доктор филологических наук, доцент,
Ясский университет им. А.И. Кузы,
(Яссы, Румыния)
ludbejenaru@gmail.com

Bejenaru, Ludmila
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Alexandru Ioan Cuza University of Iasi
(Iasi, Romania)
ludbejenaru@gmail.com

Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики *

Region as a Subcultural Locus of Cultural Regionalism and Regional Geopoetics

Аннотация. Теория интеграции в рамках функционального подхода рассматривает регион как активную и динамически развивающуюся единицу. В сформулированной в работах К. Дойча теории плюралистической коммуникативной интеграции, регион может как конструироваться, так и деконструироваться в идеально-символическом и в пространственно-географическом отношении. В данном контексте мы рассматриваем регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики. Общность «малой родины» рассматривается нами как основа региональной идентичности, а литература «малой родины» – как региональная модель литературы, имеющая статус региональной по отношению к материковой и описывающая этновитальность и вневременность локуса и его пространственные образы. Региональный литературный процесс выстраивает локальную литературную модель, своеобразный аналог национального литературного процесса.

* Для цитирования: *Беженару Л.Е.* Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 975–1026. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-5

For citation: Bejenaru, L. “Region as a Subcultural Locus of Cultural Regionalism and Regional Geopoetics.” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 3 (2019): 975–1026, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5)

© Беженару Л.Е., 2019

© Bejenaru L., 2019

Ключевые слова: регион, регионалистика, литература «малой родины», региональная модель литературы, локальная литературная модель.

Abstract. The theory of integration within the framework of the functional approach considers the region as an active and dynamically developing unit. In the theory of pluralistic communicative integration formulated in the works of Karl Deutsch, a region can be both constructed and deconstructed in ideally-symbolical and spatially-geographical terms. In this context we view the region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics. The commonality of the “small homeland” is considered by us as the basis of regional identity, while the literature of the “small homeland” is considered as a regional model of literature that has regional status in relation to the mainland and describes the ethno-vitality and timelessness of a locus and its spatial images. The regional literary process builds the local literary model, which is a kind of analogue of the national literary process.

Key words: region, regionalism, literature of the “small homeland”, regional model of literature, local literary model

«Регион просит ребрендинга»

Художественная литература всегда была важнейшим источником для изучения образов географического пространства и генератором геопозитических образов, влияющих на процессы национальной и территориальной идентичности. Интерес к пространственным проблемам литературного творчества, к метагеографии и моделированию пространственных образов, к возобновлению новых «территориальных мифов» (Игорь Сид)¹ не только отождествляется, коррелирует и переплетается с исследовательскими направлениями «литературное краеведение», «литературная регионалистика», «культурная и гуманитарная география», но и приводит к возникновению новейшего направления «геопозитика»², которое фиксирует взаимодействие и единство ландшафта (гео) и культурной формы (поэтика) и определяется как

¹ См.: Сид И.О. Геопозитика. Эссе, статьи, комментарии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017.

² Изначальную – мистическую – геопозитику «придумал» в 1979 г. в одной из своих экспедиций шотландский эссеист Кеннет Уайт (См.: White K. Guido's Map: A European Pilgrimage. – Aberdeen: Aberdeen university press, 2015; White K. The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge. – Aberdeen: Research institute of Irish and Scottish studies, 2013). Существует множество определений геопозитики «метафизическое краеведение», «мифогеография» (И.И. Митин), «гуманитарная география», «сакральная география», «геокультурология», «геолитературоведение». Научный же подход к новому понятию продемонстрировали участники состоявшейся в 2009 г. 2-й Международной конференции по геопозитике, посвященной уточнению геопозитической терминологии.

интеллектуальное (ментальное, художественное и пр.) освоение человеком географического пространства; совокупность форм и средств этого освоения³.

Возникновение *геопоэтики* (здесь и далее выделено курсивом *автором*) связано с определением влияния географического пространства на духовную жизнь нации, с необходимостью новой концептуализации (исторической, геополитической, антропологической, философско-эстетической) территории, а также с выбором доминирующих черт ландшафта, его специфических особенностей и символов. «Genius loci (гений места)», который, по определению Петра Вайля, связывает «интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»⁴ «может быть истощен, как скважина» (Игорь Сид), потому что регенерирование новых мифов – это новый импульс к исследованию **локальных** (здесь и далее выделено жирным шрифтом *автором*) явлений культуры (городских, региональных, национальных). «Регион с богатой мифологией (исторически достоверной или целиком сочиненной) привлекает, <...> его жизнь становится более богатой», потому что «регион просит ребрендинга», уверены представители Крымского геопоэтического клуба⁵. Уральские исследователи (Е.Г. Власова, В.В. Абашев, А.В. Фирсова) определяют геопоэтику «как картирование культуры», с одной стороны, и «как работу по формированию географически дифференцированного *тела* культуры»⁶, с другой.

Познание географических «смыслов» и «образов», которыми наполнено геокультурное пространство в воображении людей разных эпох, территорий, культур, и *пространство как образ* представлено вне историософского или даже геософского осмысления проблемы цивилизационной идентичности. *Пространство как образ* предполагает и иное видение хронотопической структуры

³ Бойко М. Новая нефть [Беседа с И.О. Сидом] // Независимая газета. – 2011. – 27 октября. – URL: http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html (дата обращения 01.02.2019)

⁴ Вайль П. Гений места. – Москва: КоЛибри, 2006. – С. 3.

⁵ В составе клуба – Андрей Балдин, Ольга Балла, Екатерина Дайс, Дмитрий Замятин, Сергей Жадан, Александр Люсьи, Вадим Рабинович, Рустам Рахматуллин, Игорь Сид, Татьяна Хофманн. Игорь Сид определяет в геопоэтике среди последовательных «волн» мировой истории: аграрной, индустриальной, постиндустриальной, «начало четвертой волны, которую условно называет «мифологической». Процесс этот родственен добыче нефти. Ударными темпами из земли выкачивается метафизическая энергия. Энергия, некогда привнесенная туда мифотворчеством поэта» (См.: Введение в геопоэтику: антология / Составитель И.О. Сид. – Москва: Арт Хаус медиа; Крымский клуб, 2013). – С. 57.

⁶ См. сборник статей: Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII – начала XX в.: сборник статей / составители Е.Г. Власова, В.В. Абашев. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. (В.В. Абашев, А.В. Фирсова. План местности: литература как путеводитель // Текст и карта. – С. 7–22; А.В. Фирсова. Литературное картирование пространства // Текст и карта. – С. 23–39; Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях XVIII века // Текст и карта. – С. 51–75.)

текста и параметра пространства. Пространство в геопоэтике само поглощает времена, а локальные хронотопы обретают осмысливающую силу.

Именно в пространстве сосуществуют времена, именно через пространство разновременное предстает как одновременное; в пространстве вещь (не-знак) обретает свойство коннотативного знака, пространство «работает» как память, как последний и универсальный интертекст. Размыкание локальных хронотопов осуществляется через вневременность пространства, и сам текст своим устройством воплощает этот хронотоп без времени, в котором необратимое конкретное событие обретает иной временной статус благодаря мнемическому – метонимическому следу, которым оно прикрепляется к пространству⁷.

В исследованиях последних лет на основе идей М.М. Бахтина хронотоп определяется уже как структурный закон жанра. По аналогии можно выделить типологический ряд хронотопов на основании национальных особенностей той или иной литературы.

Ориентация на архаику мифа – это подход, который, на наш взгляд, наиболее ярко высвечивает национальные корни литератур, дает возможность понять сходство–расхождение западных и восточных мифических тем и образов пространства. Общезначимая мифопоэтическая парадигма современных постмодернистских текстов национальных литератур образует трансформацию знаков пространства, интерпретирует национальные символы.

Регион как часть европейской мысли

В настоящее время представители разных наук (истории, философии, культурологии, социологии, географии, этнографии, литературоведения и др.) обращаются к изучению локальных явлений культуры (городских, региональных, национальных). Обращаясь к пространству, филология входит в сферу прагматики литературного текста, потому метод

своеобразного картирования геокультурных значений и семиотического анализа может лечь в основу универсальной методики по интерпретации отдельных текстов и явлений в перспективе общего развития локальной культуры,

– считает Е.Г. Власова⁸, ссылаясь на размышление В.В. Абашева и А.В. Фирсовой о влиянии литературного текста на пространство:

⁷ Ревзина О.Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамичная система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. 19–22 мая 2005 г. / под редакцией Н. А. Фатеевой. – Москва: Азбуковник, 2006. – С. 265–279.

⁸ Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 170.

Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, сообщает месту новую персонологию и событийность. <...> литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем. В подобных случаях особенно отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция⁹.

Этот процесс, иногда именуемый «когнитивной картографией» («cognitive mapping»), оставляет большое пространство для изучения образности и метафоричности языка *региона*.

В регионалистике, самостоятельной отрасли знания и практического действия, существует понятийный аппарат, в чьем составе «кодовых слов» плюрализм термина *регион* имеет несколько определений понятия. Регион определяется в зависимости от конкретных целей наук, изучающих этот феномен. Теория интеграции в рамках функционального подхода рассматривает *регион* как активную и динамически развивающуюся единицу. В сформулированной в работах К. Дойча теории плюралистической коммуникативной интеграции¹⁰, *регион* может как конструироваться, так и деконструироваться в идеально-символическом и в пространственно-географическом отношении. Не одинаковы и критерии выделения регионов: различаются регионы, выделяемые на основе признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) – с другой¹¹. С точки зрения Дойча, региональная интеграция может развиваться по аналогии с тем, как в национальных рамках укрепляется солидарность людей. Ему принадлежит трактовка региональных блоков государств как «сообществ безопасности». Он также подчеркивал, что если в национальной интеграции главное — это создание формальных институтов, то в международной интеграции — это достижение мира и безопасности через укрепление взаимного доверия между населяющими государства народами.

В первой половине XX века *регион* стал частью определенной европейской мысли, которая наряду с общественно-политическим движением включает развитие региональной концепции как одного из методов географии, а также как

⁹ Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98.

¹⁰ Deutsch K.W. The Development of Communication Theory in Political Science // History of Political Economy. – 1975. – Vol. 7. – Iss. 4. – P. 482–498.

¹¹ Deutsch K. On nationalism, world regions, and the nature of the West // Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan / Ed. by Per Torsvik. – Bergen; Oslo; Toronto: Universitets forlaget, 1981. – P. 2–8.

эффективного продвижения региона в сфере культуры и расцвета региональной литературы.

Лозунг «Европа регионов»¹² как новая парадигма развития геополитики положил в конце 60-х гг. XX в. начало современному процессу перехода от «Европы государств к Европе регионов». Речь идет о повышении роли регионов в архитектуре европейского континента, развитии европейской интеграции и общеевропейском сотрудничестве, которое в прежние десятилетия тормозилось жестким противостоянием двух систем. Взаимозависимость современного мира обусловила высокую степень общности этого процесса как для Западной, Центральной и Восточной Европы, так и для России. В то же время каждый отдельный европейский регион по-своему реагирует на вызовы времени. Это порождается национальными, культурными, историческими, геополитическими, правовыми, социальными и экономическими особенностями региона¹³. Своеобразной «библией» регионов в этой области является Европейская хартия местного самоуправления (в том числе и Европейская хартия региональных языков), принятая Советом Европы в 1985 г., хотя и не ратифицированная до сих пор большинством его стран-членов, в которой упоминаются культурные, экономические, социальные, административные регионы¹⁴, создание Комитета регионов как консультативного органа, состоящего из представителей региональных и местных автономий, призванного смягчить противоречия региональности, накапливающиеся внутри экономического пространства ЕС, не вынося их на более высокий, глобальный уровень.

Изучение одновременно протекающих процессов глобализации, с одной стороны, и регионализации (с ее крайним проявлением в виде локализации, т. е. иерархизации регионов до локального, местного уровня), с другой, привело к попытке сконструировать термин «глокализация». Регион далеко не всегда выступает в качестве территориальной единицы государства. В настоящее время в Европе существует более 30 регионов, объединенных в Рабочую группу по

¹² «Европа регионов» – форма европейского регионализма, трансграничного сотрудничества и интеграции на континенте. Теоретически впервые была обоснована в труде Поля Видаля де ла Блаша «Восточная Франция» (1917). Французский географ и геополитик, автор концепции «поссибилизма» и создатель французской географической школы особое значение придавал географии человека, утверждая, что ландшафт является продуктом не только природных событий, но и трудов человека. Ученый предложил неконфликтную идею превращения спорных пограничных земель Эльзаса и Лотарингии в зону взаимного сотрудничества между Францией и Германией. См.: *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – Москва: Мысль, 1983. – С. 66–67.

¹³ См.: *Зонова Т.В.* От Европы государств к Европе регионов // *Полис.* – 1999. – № 5. – С. 155–164.

¹⁴ *Вайденфельд В., Вессельс В.* Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. – Рига: Alberts XII, 2008. – С. 15.

приграничным региональным программам¹⁵. «Программа средиземноморской интеграции»¹⁶, немецко-голландский «Еурегионс», соглашение между Швейцарией, Францией и Германией «Регио Базиленис», так же как и «синергический треугольник», охватывающий пространство от Барселоны и Карлсруэ до Милана, морской путь «Атлантическая арка», локомотив европейского промышленного развития «Моторная четверка» (Four Motors Association) призваны быть существенными факторами взаимосвязи между экономическим опытом территорий, входящих в состав региона, и группами, выражающими те или иные интересы. В этом смысле регион рассматривается как некая единица, которая определенным образом реагирует на изменяющиеся условия, воздействующие на экономический рост и благосостояние¹⁷. «Альпийская конвенция»¹⁸ в целях расширения трансграничного сотрудничества на страны Восточной Европы разрабатывает региональную программу для Карпат. Для этого на основе уже действующей программы «Евромонтана» разрабатывается новый проект – «Карпатомонтана».

В этом направлении встает проблема разработки определенной законодательной базы европейского регионализма, так называемой «региональной (территориальной) автономии»¹⁹, которая сможет обеспечить прочную основу концепции «нового регионализма»²⁰, опирающейся, в частности, на принцип субсидиарности, то есть механизма перераспределения компетенции, соучастия (в партнерстве) и гибкого финансирования. Особенное внимание и квалифицированная помощь, по мнению Константина Казенина, должны быть уделены региональной политике России, где была создана особая экономика для Чечни, которая привела к формированию ненависти к жителям этого региона России, и

¹⁵ Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов. – С. 155–164.

¹⁶ Французский регион Южных Пиренеев разрабатывает совместные инициативы с Северной Португалией, а Ломбардия – с Каталонией.

¹⁷ Клемешев А. П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 22.

¹⁸ В 1991 году в Страсбурге была подписана «Альпийская конвенция», в рамках которой Италия отвечает за разработку проектов развития альпийского сельского хозяйства, энергообеспечения и водных ресурсов, Франция – за туризм и территориальное управление, Швейцария – за транспорт, Германия – за защиту окружающей среды и улучшения почв, Австрия – за сохранение горных лесных массивов.

¹⁹ Проблематика законодательной базы европейского регионализма обсуждалась в рамках конференции La 3-me Conference europeenne des regions de montagne. Congres de pouvoirs locaux et regionaux de l'Europe: Chamonix, 15–17 septembre 1994. По материалам конференции был издан сборник Politique culturelle locale et regionale en Europe: competences et pratiques, Etudes et travaux: Les editions du Conseil de l'Europe. – Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2000.

²⁰ «Новый регионализм» как парадигма для исследования политических стратегий отражает изменения в подходах как к исследованию, так и изучению самих практик регионализации и региональной интеграции, происходящих в постбиполярном мире.

региональным проблемам Украины – композитной страны, которая состоит из отдельных макрорегионов, строящих отношения друг с другом не на принципе диалога, а на противостоянии²¹.

Взаимопониманию и диалогу нужно учиться на основе комплексных исследований взаимодействия различных аспектов бытия человека и среды его обитания, которые призваны избежать крайностей «одномерных» трактовок пространства культуры. Полная «свобода выбора маршрута» (*freeriding*), согласно планам «регионалистов», неизбежно обеспечит повышение уровня «транснациональности»²² европейской культуры, для чего создана еще одна региональная программа – «Культурная столица»²³, которая должна способствовать раскрытию как культурного разнообразия Европы, так и общеевропейских культурных ценностей. Тема программы должна быть актуальна для всей Европы, а также для всего населения страны – такие условия предъявляет Еврокомиссия к городам-претендентам на титул культурной столицы, определяя тем самым и сущность кросс-культурной коммуникации, которая заключается в равноправном диалоге и во взаимодействии ценностных образцов различных культур. Условия ЕС по отношению к ежегодной культурной столице, так же как и ответ на вопрос: «Москва — это мировая культурная столица или нет?» – Марат Гельман дополняет критерием *интереса художника к локусу*:

сколько иностранных художников работает в Москве. Ты не можешь сделать хорошо только для *своих* — либо всем хорошо, либо всем плохо. Поэтому Москва не стала интернациональным городом. Пока здесь не будет интересно художнику, где бы

²¹ Казенин К. Кавказ. Сотрудник Института экономической политики имени Гайдара, соавтор доклада «Северный Кавказ: Quo vadis?» Константин Казенин – о распаде клановой системы и о том, почему люди уходят в экстремисты // Афиша. – 2014. – № 362. – URL: <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kavkaz-konstantin-kazenin/> (дата обращения 01.02.2019)

²² В современных условиях особую важность приобретает межкультурная (транскультурная – кросс-культурная) коммуникация, которая осуществляется в самых разных сферах человеческой жизни: экономическое, политическое, военное сотрудничество, различного рода культурные события (выставки, фестивали), учеба за рубежом, мода, спорт, туризм. Тенденции к глобализации выступают катализатором процесса кросс-культурной коммуникации, придавая ей новые качественные формы в процессе региональности в контексте стран Восточной и Западной Европы.

²³ Существование Европейской «Культурной Столицы» – возможность показать богатство и разнообразие европейской культуры и европейскую идентичность. По инициативе греческого министра культуры Мелины Меркури 13 июня 1985 г. было положено начало выбору культурной столицы Европы, инициативе, состоящей в ежегодном избрании того или иного города центром культурной жизни континента с целью привлечения внимания к его культурному развитию. Титул культурной столицы Европы присуждается специальной комиссией с 1985 г., когда открыть престижный список довелось Афинам. С тех пор участниками проекта стали 37 городов.

он ни родился, на каком бы языке ни говорил. <...> цивилизация становится городской, патриотизм становится городским. В Германии никто тебе не скажет — «я немец», обязательно — «я берлинец» или «я мюнхенец»²⁴.

Сибирский прозаик Владимир Берязев считает, что «человек должен перемещаться в пространстве для того, чтобы встретиться с самим собой»²⁵.

Регионы выполняют и определенную *фронтирную* роль. Сибирь считают новым центром России и Евразии, находящимся как посередине между Европой и Китаем, так и в центре самого перспективного экономического района мира между Северным Ледовитым и Индийским океанами. В проекте Ю. Крупнова о неоиндустриальной миссии Юга Западной Сибири²⁶ складывается перспектива нового макрорегиона – Нового Среднего Востока или Срединной Евразии, включающего классический Средний Восток (Иран, Афганистан, Ирак и Пакистан), Среднюю Азию и саму Западную Сибирь, как и проект нового города – Сибстрима – сетевого города, соединяющего воедино крупнейшие города Юга Западной Сибири и предполагающего расселение Москвы и Московского столичного региона, своего рода направленное «размосквичивание». Большая семья как новый русский стандарт, считают авторы проекта, необходима не только в целях преодоления национальной демографической катастрофы, но и в качестве важнейшего культурно-этнического ресурса.

Вышесказанное по поводу образности и метафоричности региона, как и разнообразный и интересный понятийный аппарат иллюстрируют и подтверждают конструируемый характер региональных образов, отношений, мифов. Под *регионом* исследователями понимается

такая территория или составная часть государства, которая с исторической, социальной и географической точек зрения может быть рассмотрена как относительно единая²⁷.

²⁴ Гельман М. Культура. Создатель проекта «Культурный альянс», куратор и галерист Марат Гельман о культурной политике, о необходимости развивать регионы // Афиша. – 2014. – № 362. – URL: <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kultura-marat-gelman/galeryst> (дата обращения 01.02.2019)

²⁵ Берязев В.А. Моя ойкумена. Проза. Очерки. Эссе. – [Б.м.]: Ridero, 2017. – URL: <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beryazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (дата обращения 01.04.2019)

²⁶ Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или Как Юг Западной Сибири станет центром новой индустриализации // Военное обозрение. – 2013. – 23 августа. – URL: <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html> (дата обращения 01.02.2019)

²⁷ Mecklenburg N. Erzählte Provinz. – Koningstein: Athenäum, 1982. – P. 10.

Вслед за В. Федоровым, мы относим к одному из методологических подходов, дающих возможность комплексного рассмотрения социокультурных особенностей территории региона, и концепцию *культурного ландшафта*. Несмотря на отсутствие однозначной трактовки понятия «культурный ландшафт» в современной науке, в наиболее общих чертах под ним можно понимать комплекс как материальных, так и духовных форм культуры (включая особенности жизненного уклада того или иного сообщества), сформировавшихся в процессе освоения территории²⁸. Мы рассматриваем регион как *субкультурный локус культурной регионалистики*²⁹ и *региональной геопоэтики*, типологизирующими критериями которого выступают его специфика как «ландшафтного тела» (В.Л. Каганский) и «очеловеченного пространства» (В.И. Вернадский). Речь идет о рассмотрении региона как определенного единства, обусловленного его структурой, внутренними связями, среди которых в качестве существенного связующего звена между людьми и регионом рассматривается *genius loci / чувство места* (Петр Вайль, С. Анциферов, Хория Зилиеру). Концепция *чувства места* предполагает, что люди, населяющие регион, пережили определенный коллективный опыт, на основе которого формируются общие устремления, интересы, цели и ценности. *Чувство места* можно связать в этом смысле с *душой* народа, которая, по определению немецкого ученого В. Вундта, не просто сумма индивидов, а их связь и взаимодействие, определяющие своеобразные закономерности развития данного народа. «Народный дух» рассмотрен ученым как высший психический процесс, «апперцепция» или коллективная творческая деятельность, которую следует изучать с помощью конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих, по его мнению, основные области народной психологии³⁰. «Дух народа» отражается в национальном характере, который изучается современными исследователями не в его статике, а в динамике этноса и отношений человека с пространством. Исследователь национального менталитета Г.Д. Гачев вводит понятие «*национальная целостность*», под которой понимается «*единство национальной природы*» и «*единство национального характера народа*»³¹. Ученого интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, национальная логика, склад

²⁸ См.: Федоров Р.Ю. Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. – 2007. – № 2(16). – С. 133–139.

²⁹ Культурную регионалистику мы рассматриваем, вслед за В. Стрелецким, как составную часть культурной географии, занимающуюся комплексным исследованием культурных регионов и феномена культурного регионализма.

³⁰ См.: Вундт В. Проблемы психологии народов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – С. 13–19.

³¹ См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – Москва: Прогресс-Культура, 1995.

мышления: какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир, и, соответственно, какой Космос-Логос-Локус выстраивается и реализуется в его стиле существования, каким образом отражаются в координатной сетке его мировосприятия ось пространства и ось времени.

На основе данного подхода формируется и трактовка региона Ф. Броделем, которую можно определить как этно-философскую: регион является аналогом особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением. В этой концепции чувства места *общность* «малой родины» рассматривается нами как **основа региональной идентичности**, как специфический «интегральный компонент» (В.В. Абашев) в процессе регионального литературного развития. Она переплетается с метарегиональной географией с точки зрения *локуса*, этнокультурной и исторической самобытностью, исторически глубокой традицией территориального самосознания и региональной уникальностью. В контексте поисков территориальной и региональной идентичности закономерно обострилось внимание к

региональной литературной традиции как к источнику территориального самосознания. Ведь именно язык, словесное творчество – от простого именованья мест и этиологических мифов до романа – оставалось главным инструментом формирования и репрезентации образов пространства³².

Язык – это менталитет, способ построения текста, локального или сверх текста, определение его ритма, его образной системы, – всего, что создает хронотоп, создает текст. Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, ни один из компонентов которого не может функционировать и существовать без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его.

Термин «регионализм» в современном дискурсе используется в разных значениях³³: в XIX в. он употреблялся как политический термин, обозначающий «автономизирующие общественные движения в различных европейских регионах с XIX в.»³⁴, но в дальнейшем вошел в обиход в 90-х гг. XIX в. Как литера-

³² Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопэтика как основа геополитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 198.

³³ В статье «Регионализация и регионализм: понятие и классификация» О.Ч. Цыренова представлены основные подходы к определению понятий «регионализм» и «регион». См. Цыренов О.Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 65–68. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-i-regionalizm-ponyatie-i-klassifikatsiya> (дата обращения 01.02.2019)

³⁴ Morgan F.W. Three Aspects of Regional Consciousness // The Sociological Review. – 1939. – Vol. XXXI. – № 1. – P. 77.

турное понятие его впервые использовал провансальский поэт де Берлюж-Перюсси в 1874 г.³⁵ Как общественно-политическое движение регионализм на рубеже XIX–XX вв. был реакцией на централизацию управления современным государством через неприятие нивелирующего влияния мегаполисов на любую культурную деятельность в провинции и ратовал за сохранение языка, диалекта, фольклора, традиций. Региональная концепция включает феномен *культурного регионализма*, который В.Н. Стрелецкий определяет совокупностью таких важнейших индикаторов как: региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией; этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность / гетерогенность регионального (местного) сообщества; характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура; языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы); конфессиональная структура; специфика духовной культуры³⁶.

Региональный литературный процесс как локальная литературная модель

В новейшем литературоведении все четче очерчиваются современные тенденции исследования литературы по *региональным признакам*, поэтому к основным признакам регионализма как культурного феномена мы добавляем и *региональную литературу*. Первые ростки изучения региональной литературы как отдельного феномена отвергают формальное единство (*слитное – унитарное – блочное*) исследования художественных текстов литературы и поощряют открытие многих факторов регионального уровня, влияющих на творческий процесс и на исход литературной политики регионов. Более сорока лет назад М.М. Бахтин писал:

Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. <...> Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти самые вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои новые стороны, новые смысловые глубины³⁷.

Более того, изучение образов географического пространства, ландшафтной и культурно-этнической феноменологии пространства мы определяем как *региональную геопоэтику*, понимая символический образ географической территории, края, региона как единое целое. Такой образ формируется, когда террито-

³⁵ Цит. по *Mecklenburg N. Erzählte Provinz.* – P. 10.

³⁶ *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии и России: дис. ... д-ра геогр. наук. – Институт географии РАН, 2012. – С. 39–40.

³⁷ *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. – Москва: Художественная литература, 1986. – С. 507–508.

рия, ландшафт в своем собственном бытии становятся предметами эстетической и философской рефлексии³⁸.

Таким образом, геопоэтика соединяет картины мира, рожденные в рамках породившей её геополитики, с образами пространства в индивидуальном и коллективном творчестве, в том числе с образами, формирующимися в национальной культуре в результате освоения отдельных мест, регионов, разных пространств, включая виртуальные.

Подход ориентации на архаику мифа и мифопоэтическая парадигма современных постмодернистских текстов национальных литератур дают возможность трансформации знаков и образов пространства и интерпретации национальных символов. Подобный подход позволяет нам определить существование отдельного литературного пласта – литературы «малой родины». Мы определяем литературу «малой родины» как региональную модель литературы, имеющую статус региональной по отношению к материковой и описывающей этновитальность и вневременность *локуса*, пространственные образы пространства вне зависимости от его размеров. Литературная *модель* региональной геопоэтики составляет литературу «малой родины».

Идентификационные факторы **регионализма** влияют на функционирование региональной литературы и на ее специфику. Региональный литературный процесс выстраивает **локальную литературную модель**, своеобразный аналог национального литературного процесса. Предложенная нами модель векторных отношений³⁹ является одной из первых попыток формирования системы модели региональной литературы. При всей неоднозначности качественного уровня и художественной практики региональной литературы, можно определить, что **эта модель литературы малой родины** относится, как правило, к литературе, выпускаемой в масштабе **ниже национального**. Литературы регионов вписываются в пределы региона, независимо от его физических размеров.

Национальное многообразие региональных литератур может стать инструментом для изучения как мировой литературы в целом, так и исследований от универсального к локальному: через континентальное, национальное, региональное, краевое, районное, в зависимости от основных векторов динамики литературных и культурных пространств, научных парадигм и реалий современных межлитературных взаимодействий.

В культурной жизни Европы рубежа XIX–XX вв. «регионализм» рассматривается как явление, возникшее в результате усиления на протяжении XIX в.

³⁸ См.: Подлесных А.С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008.

³⁹ Беженару Л.Е. Векторная динамика региональной литературы. К постановке вопроса // Славянские чтения. – 2015. – № 4. – С. 152–158.

тенденций к *национальному* самоопределению, отразившегося в политическом, научном и художественном мышлении разных стран, поэтому европейская литературная регионалистика распределилась по странам. В этом смысле, Юрий Дружников говорит о

дроблении самой литературы по странам. Это по-прежнему *национальные* интересы: финансовые, этнические, политические. В США не любят ни европейских фильмов, ни романов, во Франции у американских писателей видят негибкость чувств, интеллектуальный инфантилизм и справедливо боятся «кока-кольной культуры»⁴⁰.

В Германии быт немецкой провинции и немецких деревень в региональной «литературе родной стороны» (*Heimatliteratur*) описывают В. Раабе, Л. Гангхофер, А. Бартельс. *Heimat* – не Отечество в целом, а то конкретное место, родная сторона, откуда происходит писатель, и которое он воспроизводит во всех этнографических и бытовых подробностях. Литературное направление, возникшее в Германии в последние десятилетия XIX в. и просуществовавшее до 1933 г., с девизом «Долой Берлин», поэтизировало деревенскую жизнь, ценность которой виделась представителями этого направления в устойчивых традициях и в прочных связях с природой, и отрицало город, который превращал сельского жителя в люмпена, преступника, революционера. Изображая хутор, деревню, небольшое селение, литературное направление *Heimatliteratur* отчетливо тяготело к региональной проблематике.

В американском литературоведении американская литература признана как литература самобытно национальная, а ее *местный колорит* определяется как основной компонент региональной литературы, будь то в прозе или поэзии. Главное – авторы должны фокусировать свое и читательское внимание – на символах, диалектах, обычаях, топографии и других составляющих определенного региона. Американская региональная литература считает своими основными источниками американские традиции и натурализм-реализм. Американская регионалистика определяет авторские установки «*outside*» и «*inside*» – т.е. взгляд на регион с «*внешней*» точки зрения — глазами путешественника, и с «*внутренней*» точки зрения — глазами постоянно живущего в том или ином регионе человека, который передает свои почвенно-территориальные, общественно-политические и психологические впечатления, связанные с регионом. Особенный акцент делается на детские «инстинкты» — неосознанное переживание своей связи с краем.⁴¹ В США «литература местного колорита», «зер-

⁴⁰ Дружников Ю.И. Роман как катарсис. Ответы Юрия Дружникова на вопросы участников «круглого стола» "Кризис или метаморфозы: судьба романа на рубеже веков" (Варшава, 2000) // Сайт Юрия Дружникова. – URL: <http://www.druzhnikov.com/text/besed/7.html> (дата обращения 01.02.2019)

⁴¹ Яранцев В. Литература Сибири или сибирская литература? // Сибирские огни. – 2013. – № 11. – URL: <http://litbook.ru/article/5355/> (дата обращения 01.02.2019)

кальное» (в идеале) отражение природы и быта того или иного региона, или «региональная литература», началась с романа „Georgia Scenes”, («Картинки Джорджии»/«Сценки из жизни Джорджии») О.Б. Лонгстрита⁴², представляющего жизнь обитателей фронта южного захолустья со стороны.

Если американская региональная литературная традиция демонстрирует тенденцию к своеобразной «культурной сецессии», т.е. к определенной необходимости сохранения *культурной* идентичности, которая представляется важным средством региональной субэтнической самоидентификации, то китайская региональная литература редко заменяет национальную идентичность традиционностью, что скорее всего является реакцией на растущую централизацию (политическую и идеологическую), выражающуюся в разочаровании в западных литературных моделях и продвижении популярной в литературе крестьянской темы, локальной и национальной идентичности. Среди писателей этого направления можно выделить представителей Четвертого поколения «Nativist» литературы (Лу Сюнь, Сяо Хун), которое укрепилось в 1930-х и 1940-х гг. и перешло в Nativist движение в Тайване в 1960-х и 1970-е гг., связав свою деятельность с получением Тайванем независимости. Аналогичное движение в 1980-е гг. в КНР – это реакция на централизацию власти и на идеологию эпохи Мао⁴³.

Отражение региональной литературы как общекультурной тенденции в художественной литературе идентифицируется посредством *регионального романа* как одного из жанров региональной литературы. В нем в полной мере изображается регион во всей его историко-географической конкретности, факт чего обусловил специфику авторского подхода к региональной тематике, позволяющей ввести в художественный мир произведения определенный комплекс авторских идей и представлений.

В английской литературе развитие регионального романа связано с именем Дж. Элиот⁴⁴, которая рассматривала регион как органическое единство двух

⁴² «Картинки Джорджии» – книга очерков и рассказов, впервые опубликованных в газетах в начале 1830-х гг.

⁴³ Pei-feng Chen. Nativist Literature, History and Ballads: The Establishment of an Interpretive Community for Taiwan Literature under Colonial Rule // Taiwan Historical Research. – 2011. – Vol. 18 – No. 4. – P. 109–164.

⁴⁴ Джордж Элиот (George Eliot – настоящее имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880) – видная представительница английского реализма второй половины XIX века. Среди созданных ею художественных произведений семь романов – «Адам Бид» («Adam Bede», 1859), «Мельница на Флоссе» («The Mill on the Floss», 1860), «Сайлас Марнер» («Silas Marner», 1861), «Ромола» («Romola», 1863), «Феликс Холт» («Felix Holt», 1866), «Миддл-марч» («Middlemarch», 1871–1872) и «Даниэль Деронда» («Daniel Deronda», 1876); цикл повестей «Сцены клерикальной жизни» («Scenes of Clerical Life», 1858), а также несколько поэтических работ и образцов малой прозы. Все произведения связаны общей темой, пространством и социальной структурой изображаемой в них общины. Анализ каждого произведения базируется на авторском виде-

взаимосвязанных сфер бытия – сельской и городской, как единое пространство в территориальном, социально-экономическом и культурном планах, отличающееся от смежных областей прежде всего климатическими и топографическими особенностями. Характер регионального ландшафта оказывает влияние на формирование системы ценностей населяющей его общины. Сама община изображается как живой организм, развивающийся и функционирующий по законам природного мира. Ее «деревенские романы» изображают деревенский образ жизни и сельскую жизнь гармоничной и самодостаточной. Только триединство – человека, природы и общины – может стать залогом духовного возрождения и развития индивида.

В Испании Эмилия Пардо Басана⁴⁵ посвятила свои романы провинциальному городу, северо-западной Испании и жизни Галисии, в итальянской литературе патриархальную жизнь сардинских крестьян описала Грация Деледда⁴⁶; историческая область на юго-востоке Франции, ныне составляющая часть региона французская провинция Прованс запечатлена на страницах произведений Жана Жионо⁴⁷, а прошлое Боснии вспоминает на страницах своих произведений сербский писатель Иво Андрич⁴⁸. В болгарской региональной литературе

нии провинциального существования, взаимодействия общины с окружающим ландшафтом и роли, которую община играет в жизни индивида. Элиот видит регион как органическое единство двух взаимосвязанных сфер бытия – сельской и городской.

⁴⁵ Лучшие романы и рассказы испанской писательницы Эмилии Пардо Басана (исп. Emilia Pardo Bazán; 1851–1921) посвящены быту и нравам провинциального города (*El cisne de Vila morta*, 1885; *Los pazos de Ulloa*, 1886; *Doña Milagros*, 1894) и деревни (*Bucolica*, 1884).

⁴⁶ Итальянская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе Грация Деледда (ит. Grazia Deledda, 1871–1936) в своих произведениях *Fior di Sardegna* / Цветок Сардинии (1892), *Le vie del male* / Дороги зла (1892), *Racconti sardi* / Сардинские рассказы (1895), *Anime oneste* / Честные души (1895) описывает родную ей действительность, знакомит читателя с замкнутой, своеобразной жизнью, уцелевшими от далёкого прошлого нравами и обычаями, невежеством, легковерием и пылкой фантазией народа, с любовью воссоздает красоту родных гор и лугов, среди которых живет народ, считающий большие города чем-то необыкновенно далёким и чуждым и говорящий на своем особом наречии. В романе «Элиас Портолю» (*Elias Portolu*, 1903) обрисована, наряду с сардинским пейзажем и бытом, психология человека из народа.

⁴⁷ Жан Жионо (фр. Jean Giono, 1895–1970) – французский прозаик, поэт, драматург и публицист, действие произведений которого, как правило, происходит во французском Провансе, в Альпах Верхнего Прованса, где автор родился и жил многие годы. Вместе с тем воображение писателя не остается узко провинциальным. Он напряженно, метафорично, философично и при этом вполне увлекательно и динамично описывает провинциальный регион.

⁴⁸ Иво Андрич (серб. Иво Андрић / Ivo Andrić; 1892–1975) – югославский писатель и дипломат. Единственный югославский писатель, удостоенный Нобелевской премии в области литературы (1961). В историческом романе «Мост на Дрине» (сербохорв. *Na Drini ćuprija* / На Дрини ћуприја, 1945) Андрич сумел дать яркую и живую картину жизни своего народа в течение столетий, на территории Вишеграда и всего Балканского полуострова. Действие в

Йордан Йовков посвятил свои «Старопланинские легенды» описанию сельской жизни Стара-Планина-Балканских гор и Антимовскому постоялому двору (сборник рассказов «Вечера на Антимовском постоялом дворе») ⁴⁹.

В большинстве стран провинциальные регионы выступают как центры культуры, литературы, являются хранилищем национальной специфики «большой литературы».

Как соотносится национальная геопоэтическая доминанта с региональной? Если говорить о русском / российском пространстве, то можно утверждать, что региональные геопоэтические доминанты – сибирская, уральская, кубанская, Русского Севера – в основном похожи друг на друга культурным стереотипом русского пространства – определениями дали, шири и безграничности. В культурно-историческом контексте для России типична *иная*, чем в Западной Европе, *модель* освоения пространства. Особенность русского сознания – ориентация на экстенсивный способ освоения территории: пространство скорее исследуется и описывается «вширь», а не «вглубь». Геопоэтический же стереотип Кавказа определяется кавказской горской цивилизацией, соединяющей в себе, кроме полиэтничности и религиозного синкретизма, особенности кавказского ландшафта – высокогорье, предгорье и равнины. На имеющемся общем широком фоне кавказоведческих исследований, а также этнологических исследований и публикаций, касающихся кавказской проблематики, можно выделить тот факт, что культурные рубежи на Кавказе часто размыты и приобретают отчетливый характер, главным образом, в местах этнических разломов. Определяя *региональную идентичность* по уровню ментальности, можно определить регионы по социокультурному миру или **типу культуры** – например, ментальность восточная, кавказская, балканская, славянская, в нашем случае; **по уровню национальных культур** – например, ментальность русская, румынская, болгарская, азербайджанская; **по уровню субкультур**, носителями которых

романе, в частности, происходит в городе Вышеград, где и находится тот самый легендарный мост на реке Дрине. В октябре 1961 года Шведская Академия присудила роману «Мост на Дрине» Нобелевскую премию. В память о нобелевском лауреате режиссер Эмир Кустурица построил в Вышгороде собственный город. Он называется Андричград (по имени писателя) и расположен на берегу Дрины.

⁴⁹ Йордан Стефанов Йовков (болг. Йордан Стефанов Йовков, 1880–1937) – поэт-символист и прозаик. Й. Йовков провел половину своей жизни в Добрудже, одном из беднейших краев Болгарии, о котором впоследствии писал: «Я 30 лет прожил в селе. В это время и оформилось мое отношение к жизни, к людям. К этому времени относятся все самые сильные и самые значительные мои переживания» («Златорог». Кн. VIII. С. 308–309). Основоположник болгарского военного рассказа. Работая в Бухаресте, на материале старых болгарских легенд, народных песен, преданий и летописей создал цикл «Старопланинские легенды». В сборниках «Старопланинские легенды» (1927), «Вечера на Антимовском постоялом дворе» (1928) автор воссоздает дух старой Болгарии и ее историю.

являются различные социальные группы – например, ментальность православная, мусульманская.

Выделяя региональный уровень ментальности, можно, на наш взгляд, говорить о регионально-локальном воплощении общенационального уровня ментальности. Вопрос о региональном аспекте русской культуры был поставлен исследователями достаточно давно (В. Абашев⁵⁰, Д. Замятин⁵¹), однако до настоящего времени он не потерял своей актуальности. Сибирь, регион, который нас заинтересовал, – это своеобразный этно-социальный локус, обладающий целым рядом уникальных черт и в то же время вписанный в общерусскую социокультурную традицию. Ментальное поле культуры ведет к возникновению культуроспецифичных текстов и даже художественных миров, имеющих ярко выраженную территориальную определенность. В.Г. Белинский отмечал, что «есть как петербургская литература, так и литература московская»⁵², ибо в сознании общества есть **идея Москвы** и **идея Петербурга**, которые и задают отличия соответствующих литератур, формируя «петербургский текст»⁵³ и «московский текст» русской литературы. Н.С. Лесков⁵⁴, П.И. Мельников-

⁵⁰ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Звезда, 2008; *Абашев В.В.* Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2012; *Абашев В.В., Абашева М.П.* Уральская словесность в культурном ландшафте: виды, перспективы // Вопросы литературы. – 2014. – № 1. – С. 47–59; *Абашев В.В.* Неосязаемое тело города. Опыт работы со смыслом // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 10–16.

⁵¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. – Москва: Знак, 2006; *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – Москва: Аграф, 2004; *Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 125–137; *Замятин Д.Н.* Географические образы в культуре: методологические основы изучения // Культурная география. – Москва: Институт наследия, 2001. – С. 127–143.

⁵² *Белинский В. Г.* Петербургская литература // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845 / под редакцией Г.А. Соловьева. – Москва: Художественная литература, 1981. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (дата обращения 02.04.2019)

⁵³ Понятие «петербургский текст» ввел в литературоведческий обиход московский филолог В.Н. Топоров в 1971 г. В научный оборот понятие вошло в 1984 г. См. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – Москва: Прогресс; Культура, 1995. – С. 259–367.

⁵⁴ В число ведущих локальных сверткестов русской культуры входит Московский текст русской литературы, который, по мнению большинства исследователей, появился в первой половине XIX столетия и продолжает свое развитие в настоящее время. Первопрестольная проявляет в посвященных ей текстах различные, иногда взаимоисключающие друг друга черты. В Московский текст русской литературы исследователь О.С. Шурупова включает произведения В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, А.Ф. Вельтмана, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, В.С. Филимонова, А.Н. Майкова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, А.И. Куприна, В.Я. Брюсова, А. Белого, М.И. Цветаевой и др.

Печерский⁵⁵, Д.Н. Мамин-Сибиряк⁵⁶, В.Г. Короленко⁵⁷ и писатели-разночинцы во второй половине XIX в. раздвинули «географические и пространственные рамки» литературы⁵⁸. На волне «областнических» тенденций, наиболее ярко

(См.: Шурупова О.С. Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2017.)

⁵⁵ Н.С. Лесков, сборник рассказов, вышедший под общим названием «Праведники» («Фигура», «Человек на часах», «Несмертельный Голован» и др., 1876—1889)

⁵⁶ П.И. Мельников-Печерский, эпическая диалогия «В лесах» и «На горах». Диалогия Мельникова повествует о старообрядчестве региона Заволжье середины XIX в., об обычаях местного населения, скитах и тайных сектах, о заготовке леса, о старообрядческих обычаях и верованиях, о хлебной торговле, о монастырских нравах, о поверьях, легендах, о еде. В центре романов – жизнь нескольких купеческих семей в переломный исторический момент, когда торговое сословие обрело в русском обществе реальную силу. «Красильниковы» – рассказ о характере русского купца. Рассказ наполнен массой деталей из реальной жизни, которые могут быть интересны этнографам и фольклористам. На интересном диалекте говорит девка-чернавка купца Красильникова. Повесть «Гриша» (1861) интересна разнообразными портретами старообрядцев.

⁵⁷ В 1881–1882 гг. появляется *серия путевых очерков* «От Урала до Москвы» Д.Н. Мамина-Сибиряка, опубликованная в московской газете «Русские ведомости». Затем его *уральские рассказы и очерки* появляются в изданиях «Устой», «Дело», «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Отечественные Записки». В 1883 г. на страницах журнала «Дело» появляется первый роман Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». В 1884 г. в «Отечественных записках» выходит второй роман «Горное гнездо», закрепивший за Маминым-Сибиряком славу писателя-реалиста. В 1895 г. писатель издает роман «Хлеб», а также двухтомный сборник «Уральские рассказы». (**Примечание редакции:** во 2-м номере *Historia Provinciae* (2019) опубликована статья Е.Ю. Казаковой–Апкаримовой «Индивидуализация российского провинциального города: образ уральского города в травелогe Д.Н. Мамина-Сибиряка», посвященная анализу путевых впечатлений писателя. Поскольку устойчивые образы и идеи, связанные с городом, репрезентируются в индивидуальном творчестве местных литераторов, автор обратился к произведениям одного из наиболее известных уральских писателей Д.Н. Мамина-Сибиряка, с целью на примере городов Урала конца XIX в. реконструировать представления современников об уникальности или типичности российского провинциального города. Полагаем, что практически одновременное обращение авторов к единой проблематике свидетельствует о её высокой актуальности.)

⁵⁸ Значительная часть литературных произведений писателя В.Г. Короленко навеяна впечатлениями о детстве, проведенном на Украине, и ссылкой в Сибирь. «Полесская легенда», «Лес шумит» (1886), изображающая времена запорожского казачества; цикл очерков «Мултанское жертвоприношение» (1895–1898) о крестьянах-удмуртах из с. Старый Мултан, ложно обвиненных в ритуальном убийстве; цикл очерков «Сорочинская трагедия» (1907) о расправе с крестьянами местечка Сорочинцы – это лишь часть локального текста Короленко. Короленко считают тонким психологом и талантливым пейзажистом. Цикл его очерков «У казаков» характеризуется использованием широкого спектра художественных приемов отражения действительности и выразительных средств, свойственных фольклору. В них автор описывает свое знакомство с Уралом и особенности его казачьего рыбного промысла. Короленко называли «Колумбом» казачьего Уральска.

проявившихся в Сибири, оживлялась и местная литературная жизнь. Региональной, или как тогда говорили, местной литературе уделяли внимание представители культурно-исторической школы (А.Н. Пыпин, П.П. Пекарский, Н.С. Тихонравов)⁵⁹, за её развитие ратовали сибирские «областники» (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А.П. Щапов)⁶⁰.

Сибирское / русское – в составе славянского геокультурного пространства

Характер связи региональной сибирской литературы с общерусским историко-литературным и – шире – социокультурным процессом, а также выявление границ самобытности региональной сибирской культуры, привели к установлению регионально-специфичных черт, создающих «сибирский текст». Сибирское / русское – в составе славянского геокультурного пространства – это гипертрофированный русский локус, который «пестрит» самостоятельными этносами коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Своеобразие Сибири – географического и социокультурного края – осознавали многие исследователи. Традиционная культура кумандинцев на настоящий момент является одной из наиболее изученных тем в алтайской этнографии. Различные аспекты культуры данного народа раскрывались в публикациях

⁵⁹ См. *Пыпин А.* Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – 1888. – Г. 23. – [Т. 2]. – Кн. 4, апрель. – URL: http://az.lib.ru/p/pyrin_a_n/ (дата обращения – 01.03.2019); *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1862; *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1863.

⁶⁰ По сравнению с периодом возникновения европейского регионализма, проблематика регионализма с «русским лицом» – *областничества* – зародилось на десятилетие раньше, чем в европейском пространстве, в петербургском кружке сибирских студентов, в который входили Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Серафим Шашков, Николай Наумов, Федор Усов. По возвращении в Сибирь в 1863 г. члены кружка активизировали свою деятельность. Действуя в контакте с политическими ссыльными русскими и поляками, областники готовили восстание. Рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков — как новую сибирскую нацию, отдельные областники выдвигали лозунги отделения её от России или предоставления Сибири автономного статуса. В статьях идеологов *областничества* его проблематика ставилась уже в 1864-м, а в устных беседах и переписке – задолго ранее, но в системном подходе оказалась представленной лишь в работе Г.Н. Потанина «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и материалах сибирских съездов 1917 г. Идеолог региональной литературы Г.Н. Потанин, равно как и его статья, в которой автор называет себя «сибирским патриотом», заслуживают всестороннего компетентного изучения. См. *Потанин Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири. – Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. В конце XX–XXI вв. в Сибири получило развитие неюбластничество, в связи с чем вновь стали актуальными работы сибирских областников как выразителей сибирской идентичности.

Н.П. Дыренковой⁶¹, П.И. Каралькина⁶², И.И. Назарова⁶³, Л.П. Потапова⁶⁴, Ф.А. Сатлаева⁶⁵. Была создана своеобразная карта «географии культуры»⁶⁶ территории современной Сибири, на которой представлены исторические маршруты освоения, подобные «Сибирскому пути» XVII – первой половины XVIII вв., продолжающие репродуцировать многие ценности традиционной культуры своего времени. Вместе с тем пока не сложилось единого центра⁶⁷, который смог бы объединить все народы и этносы Сибири и отстаивать их интересы на различных уровнях. Считаем, что «сибирский текст» как региональная литература, «сибирский текст» о малой родине – Сибири и «социокультурный тип сибиряка» являются объединяющими компонентами сибирской региональной идентичности и сибирского региона как субкультурного локуса. Регионально-локальное воплощение общенационального уровня ментальности можно про-

⁶¹ Н.П. Дыренкова (1899–1941) – признанный специалист в области языка, быта, фольклора тюркских народов Сибири, заслужившая при жизни мировое признание. «Настольные» работы Н.П. Дыренковой: фундаментальный труд «Шорский фольклор» (1940), «Культ огня у алтайцев и телеут» (1926), «Умай в культуре сибирских тюрков» (1928), «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» (1929) и др.

⁶² Каралькин П.И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. – 1953. – Т. XVIII. – С. 29–38.

⁶³ Назаров И.И. Изучение кумандинцев в последней трети XX века // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции, Барнаул, 25–30 марта 2001 г). – Барнаул: Алтайский университет, 2001. – С. 41–43; Назаров И.И. Место представлений о хозяйке воды в рыболовческом комплексе кумандинцев // Культура. Социум. Творчество: Материалы Всероссийской конференции и V Всероссийского научно-практического семинара «Досуг. Творчество. Культура» / Ответственные редакторы М.А. Жигунова, Н.А. Томилов, Н.Ф. Хилько. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2002. – С. 157–160; и др.

⁶⁴ Потапов Л.П. (1905–2000) – советский и российский этнограф, доктор исторических наук, профессор, крупнейший исследователь истории и культуры народов Южной Сибири. Автор работ «Очерки истории алтайцев» (1948), «Происхождение и формирование хакасской народности», «Очерки народного быта тувинцев» (1969), «Этнический состав и происхождение алтайцев» (1969) и др.

⁶⁵ Кумандинский учёный, историк, этнограф, исследователь истории и этнографии северных алтайцев (кумандинцев) Ф.А. Сатлаев (р. 1931) – автор работ «Кумандинцы Алтайского края», «Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)», «Сельская община кумандинцев во второй половине XIX – первой половине XX в.» и др.

⁶⁶ См.: Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 229–234.

⁶⁷ Центром Сибири считают Новосибирск, который расположен в самом центре Западной Сибири, примерно на полпути от Москвы до Владивостока, а также Тюмень.

следить по модели русской и других культур, и в румынской, болгарской, азербайджанской картинах мира.

В повести «Реки» Евгений Гришковец делится **своими воспоминаниями, которые связаны с конкретным локусом – необъятной Сибирью**. Он рассуждает не только о жизни сибиряков, их быте, ментальных особенностях, но и о представителях других народов. Дихотомия «Я – другой» является неотъемлемой составной частью «модели мира», – она формирует идеалы, задает императивы, поэтому проблемное поле повести включает феномен «другости», который проявляется на страницах текста посредством информации об англичанах, немцах, украинцах, китайцах, представителях других стран. Автор оперирует не только дихотомией *большая родина / страна / отчизна – малая родина*, но и дихотомией *я – другой*. Исходя из того, что каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/иных, *образ страны и образ народа, образ инаковости* «всплывают» в детских воспоминаниях героя – повествователя как рецепция и репрезентация *своего* мира и мира *других*. Сконструировав свою идентичность как идентичность «сибиряка», который «будет демонстрировать широту сибирского характера, сорить деньгами, что-то громко говорить про честь, доброту, справедливость», в свойственной ему манере автор сомневается, задает сам себе вопросы, пробует понять себя и то, «как живут другие люди». Рассуждения героя очень похожи на монологи пьес Гришковца, но дополнительно включают определенные географические смыслы и образы:

У нас здесь английское оборудование стоит и система тоже английская, — говорил инженер. — Хорошая техника. Наши комбайны, в общем, задуманы неплохо, но только ломаются постоянно. А англичане молодцы. Делают технику и нам, и африканцам, и австралийцам. Я-то поездил немало. Смотрел шахты в Бельгии. Но там мелочь, а не шахты. Украинцы тоже мучаются. У них-то угля осталось чуть-чуть. <...> — В Англии был, — продолжал он, — но там шахты — это уже музей. В Америке был. В Австралии вот недавно побывали. Там у них такое же, как у нас оборудование и устройство шахт похожее. <...> При этом в его интонации не было ни поэзы, дескать, видали мы эту Австралию, мол, ничего особенного. Не было в его интонации и дремучей бесчувственности. Только спокойствие. Спокойствие!⁶⁸

Российская цивилизационная идентичность на этапе первоначального становления испытала определенное давление образцов и стереотипов развития европейских цивилизаций. Познание географических «смыслов» и «образов», которыми наполнено геокультурное пространство в воображении людей разных эпох, территорий, культур и *пространство как образ* представлено вне исторического или даже геософского осмысления проблемы цивилизационной

⁶⁸ Гришковец Е.В. Реки. – URL: <http://irisha-romanova.narod.ru/reki1.html> (дата обращения 01.02.2019)

идентичности. Столь важный элемент, как географические образы пространств страны, в своем происхождении – европейский, стал «точкой отсчета» и для Евгения Гришковца в его попытках оконтуривания российской / сибирской идентичности и идентичности *другого*. Автор описывает *свою* Сибирь не понаслышке, не со страниц книг, не с чужих воспоминаний или из статей историков, географов, этнографов, статистиков и других ученых. Он знающий очевидец и внимательный наблюдатель всего происходящего, потому описания необыкновенных красот этого края правдивы, а потому и не похожи на описания Ипполита Завалишина, Сперанского, Герсеванова или Шелгунова⁶⁹:

Сибиряки позволяют себе пожалеть всех: *южан* за то, что они не знают жизни и ничего серьезного и трудного не пережили, *москвичей* за то, что у них там, в Москве, суета, и жизни нет, *питерцев* за то, что они сильно умные, но настоящей жизни не знают, *китайцев* за то, что их много, *японцев* за то, что у них мало земли и они сами маленькие, желтые и странные, *индусов* за то, что те какие-то бесхарактерные и неприспособленные всё к той же жизни, *американцев* за то, что те, как говорят знающие люди, дураки и у них там не жизнь, *африканцев* за то, что они бедные, неграмотные, черные и у них там жарко, *французов* за то, что у них все шиворот навыворот, а простоты жизни нет, ну, чтобы по-простому, *латиноамериканцев* всех вместе, без разбора, за то, что они там где-то далеко, чего-то там танцуют, поют, а какая там у них жизнь — не понятно. *Немцев* сибиряки уважают, но тоже жалеют за их аккуратность, за то, что они там постоянно работают, за то, что у них все качественно получается, но жизни-то все равно нет.⁷⁰

Автор находит очень тонкие грани этнической идентификации, и эти *этнодифференцирующие признаки идентичности* – это как бы обратная сторона собственной самоидентификации. Сквозь призму различения ее критериев проступает восприятие *не-нас* и самоидентификация народа. Описание автором элементов геокультурных пространств и традиционных национальных культур – от цвета кожи и чувства национального самосознания до обычаев и климата – является важнейшим признаком идентификации этноса, народа, культуры. И в этой «симфонии» культур, традиций и народов российский регион Сибирь уже не предстает перед читателем как миф о сакральном центре, о земле обетованной или о пространстве пустоты. Прозаик использует образ Сибири для обозначения восточной ментальности и «сибирского» образа жизни не как миф, а как совокупность условных эмблем и знаков, среди которых *город* – как *малая родина*, и *река* – как основная ее составляющая – играют решающую роль.

«Реки» – это книга не только *про и для* сибиряков, это книга поколения 1960–1970-х гг., в которой нашли отражение приметы советского времени. Это

⁶⁹ См. Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Сибирский вестник. – 1866. – № 3. – URL: <http://www.volgota.com/ru/node/144> (дата обращения 01.02.2019)

⁷⁰ Гришковец Е.В. Реки.

мысли-воспоминания о *городе детства*, о потерянной *малой родине*, которая сохранилась только в воспоминаниях ребенка.

Заключение

Смена интереса культуры с истории на географию, со времени на пространство позволило авторам – писателям и исследователям – по-разному определять геопоэтическую доминанту пространства. О раскрывающемся в слове Пространстве впервые написал в 1908 г. поэт Велимир Хлебников в своем эссе «Курган Святогора»⁷¹. Рустам Рахматуллин в своем интеллектуальном бестселлере «Две Москвы, или Метафизика столицы», следуя мистической концепции Кеннета Уайта, знакомит читателя со своим *мистическим* осмыслением пространства, соприкасающимся с термином «метафизическое краеведение»⁷². Немецкий исследователь Татьяна Хофманн исследует смыслы и образы пространства на грани геопоэтики и литературной этнологии⁷³. Геопоэтику рассматривают и как

особый вид литературоведческих изысканий, сфокусированных на том, как *Пространство* раскрывается в слове — от скупых, назывных упоминаний в летописях, сагах, бортовых журналах пиратских капитанов до сногшибательных образно-поэтических систем⁷⁴.

В.В. Абашев определяет геопоэтику как

раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов⁷⁵.

⁷¹ Хлебников В. Курган Святогора // Хлебников В. Творения / под общей редакцией М.Я. Полякова. – Москва: Советский писатель, 1986. – С. 579–581.

⁷² Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. – Москва: АСТ, 2009.

⁷³ Хофманн Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года. – Санкт-Петербург: Алетей, 2016; Хофманн Т. Севастопология. – Москва: Алгоритм, 2017; Hofmann T. Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach, 1991. – Basel: Schwabe verlag Basel, 2014.

⁷⁴ Голованов В.В. Геопоэтика Кеннета Уайта // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 158. (Исследователь определяет такие поэтические системы у В. Хлебникова (применительно к системе Волга – Каспий), у А. Сент-Экзюпери (Сахара), у Сен-Жон Перса (Гоби, острова Карибского моря), у Гогена (Полинезия)).

⁷⁵ Абашев В.В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: сборник статей. – Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; АМБ, 2006. – С. 18.

В рамках исследуемой проблемы доминирующие геопозитические образы-тексты русской культуры (Петербурга и Москвы, Крыма, Кавказа, Сибири, Урала, Поморья) можно определить как *пространство сверхреальности*, как *возвращение к целостному поэтическому восприятию и переживанию мира*. (Л.Б.) В этих геопозитических образах ощущается неразрывная и эмоционально напряженная связь с ландшафтом, связь, которую можно считать встречей с *иным, не-Я*, с непостижимым *Другим*. В российском литературном процессе создается художественная модель мира, в которой концепт «регион» связан с поэтикой «областнической» (региональной) литературы⁷⁶. Сегодня он возрождается в новом качестве в рамках *филологической регионалистики*: с древними сюжетами и архаичными героями, существующими в фольклоре и литературе разных стран, которые указывают на аналогичность микромира национальных литератур⁷⁷. Изучение геопозитического текста имеет не только культурологический и филологический, но и практический политический интерес, – считает В.В. Абашев⁷⁸.

Проведенный в данной статье анализ позволяет сделать следующие выводы. До сих пор существует разноречивость теоретических подходов к пониманию «геопозитики», объединяющей научные исследования синтеза географического и художественного пространства текста. Возникла необходимость создания интегрированной дисциплины, смежной гуманитарной науки. В нашем понимании *геопозитика* – поэтика литературно-художественной местнографии; местнографическая образность литературы; особенности мировоззрения писателя, переданные в художественном изображении местности; образ пространства; «язык» природно-ландшафтных зарисовок.

Ментальное поле национальных культур способствует образованию специфических художественных текстов, которые кроме художественной ценности, имеют территориальную определенность. К таким текстам можно отнести «сибирский текст», «кавказский текст», «балканский текст». Сравнительно-типологический анализ подобных текстов в аспекте межжанрового диалога способствует укреплению национальных связей, повышает осознание степени самоидентичности, укрепляет корни национальной культуры.

Термины «регион» и «регионализм», закрепившиеся в разных отраслях науки, претерпевают сегодня качественное изменение. Изменение статуса и расширение функций региона и регионализма как общефилософских и культуроло-

⁷⁶ Феномен «областничества» характерен советской литературе. Он рождается в 1920-х гг. после появления «Донских рассказов» М. Шолохова.

⁷⁷ См.: Сигов В.К. Преподавание русской литературы в многонациональном классе. – Москва: Школьная книга, 2008.

⁷⁸ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Изд. 2-е, доп. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – С. 488.

логических понятий требует уточнения степени их влияния на региональную литературу, определение ее места в национальном фонде культуры и литературы.

“Region asks for rebranding”

Fiction has always been the most important source for studying images of geographic space and a generator of geopoetic images that influence the processes of national and territorial identity. The interest in the problems of space in literary writing, in meta-geography and modelling of spatial images, and in the renewal of new “territorial myths” (Igor Sid),¹ not only identifies, correlates and intertwines with such areas of research as literary studies of local history, literary regionalism, and cultural and humanitarian geography, but also leads to the emergence of the latest field of study called geopoetics,² which captures the interaction and the unity of the landscape (geo) and the cultural form (poetics) and is determined as “the intellectual (mental, artistic, etc.) development of geographical space by man; the totality of forms and means of such development.”³ The emergence of *geopoetics* [henceforth italics mine] is associated with determining the influence of geographical space on the spiritual life of a nation, with the need for new conceptualization (historical, geopolitical, anthropological, philosophical and aesthetic) of a territory, and with the choice of dominant features of a landscape, its specific features and characters. Genius loci, which, according to Petr Vail', connects “intellectual, spiritual, emotional phenomena with

¹ See I.O. Sid, *Geopoetics. Essays, Articles, Commentaries* [in Russian] (St Petersburg: Aleteya, 2017).

² The initial – mystical – geopoetics was invented in 1979 by Kenneth White, a Scott essayist, in one of his expeditions (see K. White, *Guido's Map: A European Pilgrimage* (Aberdeen: Aberdeen University Press, 2015); K. White, *The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge* (Aberdeen: Research Institute for Irish and Scottish Studies, 2013). There are many definitions of geopoetics, such as “metaphysical study of local history”, “mythogeography” (I.I. Mitin), “humanitarian geography”, “sacral geography”, “geo-culturology”, and “geo-literary studies.” The scientific approach to the new concept was demonstrated by the participants of the 2nd International Conference on Geopoetics held in 2009 and dedicated to the clarification of the terminology of geopoetics.

³ M. Boiko, “New Oil (A Conversation with I.O. Sid)” [in Russian], *Nezavisimaya Gazeta*, October 27, 2011, accessed February 01, 2019, http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html.

their material environment”⁴ “can be depleted like a well” (Igor Sid), that is why re-generation of new myths is a new impulse to the study of **local** [henceforth emphasis mine] cultural phenomena (urban, regional, national). The representatives of the Crimean Geopoetic Club⁵ believe that “the region with its rich mythology (historically authentic or fictional) attracts attention, . . . its life becomes richer,” that is why “the region asks for rebranding.” The researchers from the Urals (E. Vlasova, V. Abashev, A. Firsova) define geopoetics as mapping the culture, on the one hand, and as a work on the formation of a geographically differentiated *body* of the culture,⁶ on the other.

Knowledge of geographical “meanings” and “images” that fill geo-cultural space in the imagination of the people from different eras, territories, cultures, and *space as an image* are represented beyond the historiosophical or even geosophical understanding of the problem of civilizational identity. *Space as an image* suggests another vision of the chronotope structure of the text and of the parameter of space. In geopoetics space absorbs time, and the local chronotopes acquire meaningful power.

It is in space that times co-exist, it is through space that multi-temporal appears as simultaneous; in space, a thing (non-sign) acquires the property of a connotative sign; space “works” as memory, as the last and universal intertext. The local chronotope breaks through the timelessness of space, and the text itself embodies this chronotope without time, where the irreversible concrete event acquires a different temporal status due to the mnemonic – metonymic – trace by which it is attached to space.⁷

In recent studies based on the ideas of M. Bakhtin, chronotope is defined as a structural law of the genre. By analogy, we can distinguish a typological series of chronotopes based on the national characteristics of a particular literature.

⁴ P.Vail', *Genius Loci* [in Russian] (Moscow: KoLibri, 2006), 3.

⁵ The club includes Andrei Baldin, Olga Balla, Ekaterina Dais, Dmitrii Zamyatin, Sergey Zhadan, Alexandr Lyusyi, Vadim Rabinovich, Rustam Rakhmatullin, Igor Sid, and Tatyana Hofmann. Among successive “waves” of the world history – agrarian, industrial, and post-industrial – Igor Sid sees in geopoetics “the beginning of the fourth wave, which is conventionally referred to as ‘mythological.’ This process is similar to oil production. Metaphysical energy is being pumped out of the earth at an accelerated rate and that is the energy that was once brought there by the poets’ myth-making.” See I.O. Sid., comp., *Introduction to Geopoetics: An Anthology* (Moscow: Art Khaus media; Krymskii Klub, 2013): 57.

⁶ See E.G. Vlasova and V.V. Abashev, comps. *Text and Map: The Urals in the Travelogues of the Late 18th – Early 20th Century: A Collection of Articles* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2016); V.V. Abashev and A.V. Firsova, “Location Plan: Literature as a Guide-Book,” in *Text and Map*, 7–22; A.V. Firsova, “Literary Mapping of Space,” in *Text and Map*, 23–39; E.G. Vlasova, “The Origins of the Image of the Urals: Reports about Scientific Travelers of the Late 18th Century,” in *Text and Map*, 51–75).

⁷ O.G. Revzina, “Chronotope in Contemporary Novel” [in Russian], in *Literary Text as a Dynamic System. Proceedings of the International Scientific Conference Devoted to the 80th Anniversary of V.P. Grigoriev, May 19–22, 2005*, ed. N.A. Fateeva (Moscow: Azbukovnik, 2006), 265–79.

Orientation to the archaic myth is an approach that, in our opinion, most clearly highlights the national origins of literature, makes it possible to understand similarity / divergence of Western and Eastern mythical themes and images of space. The generally valid mythopoetic paradigm of present-day postmodern texts of national literatures forms the transformation of space signs and interprets national symbols.

Region as a part of European thought

Currently, representatives of different sciences (history, philosophy, cultural studies, sociology, geography, ethnography, literary studies, etc.) turn to the study of local cultural phenomena (urban, regional, and national). Turning to space, philology enters the sphere of the pragmatics of literary text, therefore, as E. Vlasova believes,

the method of original mapping of geocultural meanings and semiotic analysis can form the basis for a universal methodology for interpreting individual texts and phenomena in the perspective of the general development of local culture.⁸

She refers to the ideas of V. Abashev and A. Firsova about the influence a literary text produces on space:

By connecting the plot, events and characters of a literary work with a real place, by describing its landscapes and details, the writer changes the place. He reorganizes it in a new way, gives it new meanings, attributes to the place a new personology and eventfulness . . . a literary text constructs an ideal symbolic space, but on getting into the prototype place, the reader uses the work of fiction instrumentally, as a kind of a guide-book. In such cases, one of the specific aspects of the pragmatics of a literary work – its mapping function – is particularly noticeable.⁹

This process, sometimes referred to as cognitive mapping, leaves much space for studying the imagery and metaphors of the language of a *region*.

Regional science, or regionalistics, which is an independent branch of knowledge and practical action, has a framework of concepts, with its “code words” including the pluralism of the term *region* that has several definitions. Region is defined depending on the specific goals of sciences studying this phenomenon. The theory of integration within the framework of the functional approach regards *region* as an active and dynamically developing unit. In the theory of pluralistic communicative integration formulated in the works of K. Deutsch,¹⁰ *region* can be both constructed and

⁸ E.G. Vlasova, “The Origins of the Image of the Urals: Reports about Scientific Travels of the Late 18th Century” [in Russian], *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no. 2 (2013): 170.

⁹ V.V. Abashev and A.V. Firsova, “Location Plan: Literature as a Guide-Book” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, iss. 4 (2010): 98.

¹⁰ K.W. Deutsch, “The Development of Communication Theory in Political Science,” *History of Political Economy*, vol. 7, iss. 4 (1975): 482–98.

deconstructed in ideally-symbolical and spatially-geographical terms. The criteria for singling out regions are not the same: on the one hand, some regions are identified on the basis of the characteristics of homogeneity, and on the one hand, others are singled out based on coherence (internal unity, system).¹¹ According to Deutsch, regional integration can evolve in a way similar to how people's solidarity is strengthened within a nation. He is the author of the interpretation of regional blocs of states as security communities. He also stressed that while the establishment of formal institutions is most important for national integration, the achievement of peace and security by strengthening mutual trust among the nations inhabiting the states is of utmost importance for international integration.

In the first half of the 20th century, *region* became a part of certain European thought, which, along with the socio-political movement, included the development of the regional concept as one of the methods of geography and also effective promotion of the region in the cultural sphere and the flourishing of regional literature.

The slogan "Europe of the Regions" as a new paradigm for the development of geopolitics marked the beginning of the modern process of transition from "Europe of the States to Europe of the Regions" in the late 1960s.¹² It refers to increasing the role of the regions in the architecture of the European continent, the development of European integration and all-European cooperation that had been hindered by tough confrontation between the two systems in the previous decades. The interdependency of the modern world has led to a high degree of commonality of this process, both for Western, Central and Eastern Europe, and for Russia. At the same time, each individual European region responds to the challenges of the times in its own way. This process is influenced by the national, cultural, historical, geopolitical, legal, social and economic characteristics of the region.¹³ In this respect, the European Charter of Local Self-Government (including the European Charter for Regional or Minority Languages) is a kind of "the Bible" for all European regions. It was adopted by the

¹¹ K. Deutsch, "On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West," in *Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan*, ed. Per Torsvik (Bergen; Oslo; Tromsø: Universitetsforlaget, 1981), 2–8.

¹² "Europe of the Regions" is a form of European regionalism, cross-border cooperation and integration on the continent. It was given its first theoretical explanation in the work by Paul Vidal de la Blanche *La France de l'Est* [Eastern France] (1917). The French geographer and geopolitician, the author of the concept of possibilism and the founder of the French geographical school attached particular importance to human geography, arguing that any landscape is a product of human labour as well as of natural events. The scientist proposed a non-conflict idea of turning the disputed border lands of Alsace and Lorraine into a zone of mutual cooperation between France and Germany. See E.B. Alaev, *Socioeconomic Geography: Dictionary of Terms and Concepts* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1983), 66–67.

¹³ See T.V. Zonova, "From Europe of the States to Europe of the Regions" [in Russian], *Polis*, no. 5 (1999): 155–64.

Council of Europe in 1985, but has not been ratified by the majority of its member countries yet. It mentions cultural, economic, social, and administrative regions¹⁴ and the establishment of the European Committee of the Regions as an advisory body, which consists of local and regional representatives and aims at mitigating regional contradictions that have been accumulating within economic space of the EU without bringing them to a higher, global level.

The study of the simultaneous processes of globalization, on the one hand, and regionalization (with its extreme manifestation in the form of localization, i.e. hierarchization of regions up to the local level), on the other, led to an attempt to coin a new term, “glocalization.” A region does not always act as a territorial unit of a state. Currently there are more than 30 regions in Europe, united into the special Working Group on cross-border regional programs.¹⁵ Mediterranean Integration Program,¹⁶ German-Dutch Euregions, the agreement between Switzerland, France and Germany on Regio Basiliensis, as well as the synergic triangle covering the territories from Barcelona and Karlsruhe to Milan, the Atlantic Arc sea route, and the Four Motors association, the driving force of the European industrial development, are intended to become significant factors of interconnection between the economic experience of the territories that are part of a certain region, and the groups that express certain interests. In this sense, a region is viewed as a unit that responds in a certain way to changing conditions that affect economic growth and welfare.¹⁷ In order to expand cross-border cooperation to Eastern European countries, the Alpine Convention¹⁸ is developing a regional program for the Carpathians. For this purpose, a new project, Carpathomontana, is being developed on the basis of the Euromontana program that is already in operation.

This trend is connected with the problem of developing specific legislative framework for European regionalism, the so-called regional (territorial) autonomy,¹⁹

¹⁴ W. Weidenfeld and W. Wessels, *Europe from A to Z. Guide to European Integration* [in Russian] (Riga: Alberts XII, 2008), 15.

¹⁵ Zonova, “From Europe of the States to Europe of the Regions,” 155–64.

¹⁶ The French region of the Southern Pyrenees is developing joint initiatives with Northern Portugal, while Lombardy is developing joint initiatives with Catalonia.

¹⁷ A.P. Klemeshev, “The Region in the Context of Globalization” [in Russian], *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2009): 22.

¹⁸ In 1991, the Alpine Convention was signed in Strasbourg, under which Italy is responsible for projects aimed at the development of the alpine agriculture, energy supply and water resources; France is responsible for tourism and territorial administration; Switzerland, for transport; Germany, for the environmental protection and soil improvement; Austria, for the preservation of mountain forests.

¹⁹ The issue of the legal framework for the European regionalism was discussed at the conference *La 3-me Conférence européenne des régions de montagne. Congrèsses de pouvoirs locaux et région de l'Europe: Chamonix, 15–17 septembre 1994* [The 3rd European Conference of Mountain Regions. Congresses of Local Authorities and Europe Region: Chamonix, 15–17 September 1994].

which can provide a solid foundation for the concept of new regionalism²⁰ based, in particular, on the principle of subsidiarity, which implies redistribution of competence and also co-operating (partnership) and flexible financing. According to Konstantin Kazenin, special attention and qualified assistance should be given to the regional policy of Russia (where special economy was created for Chechnya, which resulted in hatred to the residents of that region of Russia) and the regional problems of Ukraine (a composite country, consisting of individual macro-regions that build relations with each other on the principle of opposition rather than dialogue.²¹

Mutual understanding and dialogue should be learned on the basis of comprehensive studies of the interaction of various aspects of human existence and the environment, which are meant for avoiding the extremes of “one-dimensional” interpretations of the cultural space. According to the plans of the regionalists, freeriding or full freedom of choosing a route will inevitably increase the level of “transnationality”²² of European culture, which is why one more regional initiative, the European Capital of Culture,²³ was started in order to contribute to deeper understanding of cultural diversity of Europe and of common European cultural values as well. The theme of the program should be relevant for the entire population of the winning country and for Europe as a whole – such are the demands that the European Commission

Proceedings of the conference were published in *Politique culture rye locale et régionale en Europe: compétences et pratiques, Etudes et travaux: Les éditions du Conseil de l'Europe* [Local and regional cultural policy in Europe: competences and practices, Studies and works] (Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2000).

²⁰ New regionalism as a paradigm for studying political strategies reflects changes both in research approaches and in the approaches to studying the practices of regionalization and regional integration in the post-bipolar world.

²¹ K. Kazenin, “The Caucasus: Konstantin Kazenin. An employee of the Gaidar Economic Policy Institute, co-author of the report ‘The North Caucasus: Quo vadis?’ Konstantin Kazenin talks about the disintegration of the clan system and why people join extremist groups” [in Russian], interview by Asya Chachko, *Afisha*, no. 362 (2014), accessed February 01, 2019, <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kavkaz-konstantin-kazenin/>.

²² In modern conditions, intercultural (transcultural / cross-cultural) communication is becoming more and more important. It takes place in various spheres of human life: economic, political, military cooperation; different cultural events (exhibitions, festivals); studying abroad; fashion; sports; tourism. Globalization trends act as a catalyst for the process of cross-cultural communication and lend it new qualitative forms during regionalism processes in the context of the countries of Eastern and Western Europe.

²³ The existence of the European Capital of Culture is an opportunity to show the richness and diversity of European culture and European identity. On June 13, 1985 Melina Mercouri, Minister of Culture of Greece, initiated the process of choosing a European Capital of Culture. The initiative consists in annually choosing a city to be the center of cultural life of the continent in order to draw attention to its cultural development. The title of the European Capital of Culture is designated by a special commission since 1985, when Athens became the first city in this prestigious list. Since then, 37 cities have participated in the project.

makes on the cities that apply for the title of the Capital of Culture, thereby determining the essence of cross-cultural communication, that is equal dialogue and interaction of values between different cultures. Marat Gel'man amplifies the answer to the question whether Moscow is a world cultural capital or not, as well as the EU criteria for the annual Capital of Culture with the criterion of *the artist's interest in a locus*:

So many foreign artists work in Moscow. You cannot do something good only for *ones of your own* – it is either good for everyone, or bad for everyone. Therefore, Moscow has not become an international city. As long as it is not interesting for an artist, wherever he was born, whatever language he speaks. . . . Civilization is becoming urban, patriotism is becoming urban. In Germany, no one will tell you, “I am a German,” but they are sure to say, “I am a Berliner” or “I am from Munich.”²⁴

Siberian novelist Vladimir Beryazev believes that “a person should move in space in order to meet himself.”²⁵

Moreover, regions play a certain *frontier* role. Siberia is considered the new centre of Russia and Eurasia, located both in the middle between Europe and China, and in the centre of the most promising economic region of the world between the Arctic and Indian oceans. The project of Yu. Krupnov about the neo-industrial mission of the South of Western Siberia²⁶ introduces the perspective of a new macro-region, the New Middle East or Middle Eurasia. This region includes the classical Middle East (Iran, Afghanistan, Iraq and Pakistan), Central Asia and Western Siberia and also the project of the new city, Sibstream, which is a network city that unites the largest cities of the South of Western Siberia and suggests the resettlement of Moscow and Moscow metropolitan area, a kind of directional *razmoskvichivaniye* [literally, de-Muscovite-ing, decentralizing and dispersing Moscow capital region]. According to the authors of the project, the large family as a new Russian standard is essential as a cultural and ethnic resource as well as a way to overcome the national demographic catastrophe.

Everything said above about the imagery and metaphors of the region together with diverse and interesting framework of concepts illustrates and confirms the con-

²⁴ M. Gel'man, “Culture: Gel'man. The Author of the Project ‘Cultural Alliance,’ a Curator and a Gallerist Marat Gelman on Cultural Policy, on the Necessity to Develop Regions” [in Russian], *Afisha*, no. 362 (2014), accessed February 01, 2019, <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kultura-marat-gelman/>.

²⁵ V.A. Beryazev, *My Oecumene. Prose. Sketches. Essays* [in Russian] (n.p.: Ridero, 2017), accessed April 01, 2019, <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beriyazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html>

²⁶ Yu. Krupnov, “Siberia is the New Central Russia, or How the South of Western Siberia Will Become the Center of New Industrialization” [in Russian], *Voyennoye obozreniye*, August 23, 2013, <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html>.

structured character of regional images, attitudes, and myths. Researchers understand a *region* as follows:

A territory or constituent part of a state, which can be considered as relatively unified from a historical, social, and geographical points of view.²⁷

Following V. Fedorov, we also attribute the concept of *cultural landscape* to one of the methodological approaches that enable complex consideration of the sociocultural characteristics of the region's territory. Despite the lack of an unambiguous interpretation of cultural landscape concept in modern science, in most general terms it can be understood as a complex of material and spiritual forms of culture (including the particular way of life of a community) that were formed in the process of territory development.²⁸ We consider the region as the *subcultural locus of cultural regionalism*,²⁹ and of *regional geopoetics*, the typological criteria for which are its specificity as a "landscape body" (V. Kagansky) and as "humanized space" (V. Vernadsky). It is about considering the region as a certain unity conditioned by its structure and internal connections, among which *genius loci / sense of place* (Petr Vail', S. Antsiferov, Horia Zilieru) is a significant link between the people and the region. The concept of *sense of place* assumes that the people inhabiting a region have lived through a certain collective experience, on the basis of which common aspirations, interests, goals and values are formed. In this sense, *sense of place* can be connected with the *soul* of the people, who, according to the definition of the German scientist Wilhelm Wundt, are not just a sum of individuals, but also their connection and interaction that determine the peculiar development patterns of a given nation.³⁰ The "folk soul" is considered by the scientist as the highest mental process, apperception or collective creative activity that should be studied by means of concrete historical products of the peoples: their languages, myths, customs, which constitute the main areas of folk psychology. The folk soul is also reflected in the national character, which is studied by modern researchers not in its statics, but in the dynamics of the ethnos and of the relationship of man and space. G. Gachev, a researcher of the national mentality, introduces the concept of *national integrity* that is understood as "*the unity of the national*

²⁷ N. Mecklenburg, *Erzählte Provinz. Regionalismus und Moderne im Roman* (Königstein: Athenäum, 1982), 10.

²⁸ See R. Yu. Fedorov, "The Region as Socio-Cultural Space: Development, Communications, Values" [in Russian], *Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, no. 2(16) (2007): 133–39.

²⁹ Following V. Streletskii, we consider cultural regionalism as an integral part of cultural geography, engaged in the comprehensive research of cultural regions and the phenomenon of cultural regionalism.

³⁰ See W. Wundt, *Problems of the Psychology of Nations* [in Russian] (St Petersburg: Piter, 2001), 13–19.

nature” and “*the unity of the national character of the people.*”³¹ The scientist is interested not in the national character, but in the national view of the world, national logic, habit of thought: what coordinate system a nation uses to “catch,” or understand, the world; what kind of Cosmos-Logos-Locus is formed and realized in the style of its existence; how the space axis and the time axis are reflected in the coordinate system of its perception of the world.

This approach is also the basis for the interpretation of the region by Fernand Braudel, which can be defined as ethno-philosophical: the region is an analogue to a special “world” with its unique special mentality, habit of thinking, traditions, view and perception of the world. In this conception of the sense of place, we consider the *commonality* of the “small homeland” as the **basis for regional identity**, as a specific “integral component” (V. Abashev) in the process of regional literary development. It is entangled with metaregional geography in terms of *locus*, ethnocultural and historical originality, historically deep tradition of territorial identity and regional uniqueness. In the context of the search for territorial and regional identity, the attention to the regional literary tradition as a source of territorial self-awareness has naturally intensified.

After all, it is language, verbal creative work – from simple naming of places and etiological myths to the novel – that has remained the main tool for the formation and representation of the images of space.³²

Language is the mentality, the means to compose both local texts and supertext, to define rhythm and imagery, everything that creates a chronotope and creates a text. Language, thinking and culture are interconnected so closely that they practically form an organic whole, where none of its components can function and exist without the other two. Together, they correlate with the real world, oppose it, depend on it, reflect it and at the same time form it.

In the modern discourse the term “regionalism” is used in different meanings³³: in the 19th century, it was used as a political term to denote “autonomizing social

³¹ See G.D. Gachev, *Cosmo-Psycho-Logo National Images of the World* (Moscow: Progress-Kul'tura, 1995).

³² V.V. Abashev, “‘What an Ancient Land, What a Dense History, What an Inexhaustible Power ...’: Geopoetics as the Basis for Geopolitics” [in Russian], in Mikhail Osorgin: An Artist and a Journalist (Perm: Mobile, 2006), 198.

³³ In the article “Regionalization and Regionalism: Concept and Classification,” O.Ch. Tsyrenov presents the main approaches to the definition of the concepts “regionalism” and “region.” See O.Ch. Tsyrenov, “Regionalization and Regionalism: Concept and Classification” [in Russian], *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, no. 9 (2012): 65–68, accessed February 01, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-i-regionalizm-ponyatie-i-klassifikatsiya>.

movements in various European regions since the 19th century,”³⁴ but later it came into use in the 1990s. It was first used as a literary concept by a Provençal poet Léon de Berluc-Pérussis in 1874.³⁵ As a socio-political movement, regionalism at the turn of the 19th and 20th centuries was a response to the centralization of the modern state government through the rejection of the levelling influence of megalopolises on any cultural activity in the province and advocated the preservation of languages, dialects, traditions, and folklore. The regional conception includes the phenomenon of *cultural regionalism*, which V. Streletskii defines as a set of such important indicators as regional self-consciousness or self-identification of people with a particular territory; ethnic (sub-ethnic, subcultural) homogeneity / heterogeneity of a regional (local) community; a settlement structure characteristic for a regional (local) community; language (lingo-dialectal) system (including toponyms); confessional structure; specificity of spiritual culture.³⁶

Regional literary process as a local literary model

In the present-day literary theory, modern trends in the study of literature based on *regional characteristics* are becoming more and more clearly defined, therefore, we also add *regional literature* to the main features of regionalism as a cultural phenomenon. The first attempts to study regional literature as a separate phenomenon reject the formal (*joint / unitary / bloc*) unity of the literary texts studies and encourage the discovery of many regional factors that affect the creative process and the outcome of regional literary policy. More than forty years ago, M. Bakhtin wrote:

A foreign culture reveals itself fuller and deeper only in the eyes of another culture . . . We ask this foreign culture new questions, which has did not asked itself, we are looking for an answer to these questions in it, and a foreign culture is answering us, revealing to us its new sides, new semantic depths.³⁷

Moreover, we define the study of geographical space images and landscape and cultural-ethnic phenomenology of space as *regional geopoetics* and treat the symbolic image of a geographical territory, a land, a region as an organic whole. Such image is formed when a territory and a landscape in its own being become subjects of aesthetic and philosophical reflection.³⁸

³⁴ F.W. Morgan, “Three Aspects of Regional Consciousness,” *The Sociological Review*, vol. 31, no. 1 (1939): 77.

³⁵ Quoted in Mecklenburg, *Erzählte Provinz*, 10.

³⁶ V.N. Streletskii, *Cultural Regionalism in Germany and in Russia* [in Russian] (Doctoral thesis, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 2012), 39–40.

³⁷ M.M. Bakhtin, *Literary Critical Articles* [in Russian] (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986), 507–08.

³⁸ See A.S. Podlesnykh, *Geopoetics of Alexei Ivanov in the Context of the Prose about the Urals* [in Russian] (PhD thesis, Ural State University named after A.M. Gorky, 2008).

Thus, geopoetics connects the worldviews born within the framework of geopolitics that gave birth to it, with the images of space in individual and collective creative work, including the images that are being formed in the national culture as a result of the development of individual places, regions, and various spaces, including virtual ones.

The approach based on archaic myth and the mythopoetic paradigm of contemporary postmodern texts of national literatures enable the transformation of signs and images of space and the interpretation of national symbols. This approach allows us to determine the existence of a separate literary stratum – the literature of the “small homeland.” We define the literature of the “small homeland” as a regional model of literature, which has regional status in relation to that of the mainland and describes the ethnovitality and timelessness of a *locus*, spatial images of space, regardless of its size. The literary *model* of regional geopoetics makes up the literature of the “small homeland.”

Identification factors of **regionalism** affect the functioning of regional literature (hereinafter referred to as RL) and its specific features. The regional literary process builds **local literary model**, a kind of analogue of the national literary process. The proposed model³⁹ of vector relations is one of the first attempts to form a system of regional literature model. With all the ambiguities of the quality level and artistic practice of regional literature, it can be determined that **this model of literature of the small homeland** refers, as a rule, to the works published *below the national scale*. Regional literatures fit within the region regardless of its physical size.

National diversity of regional literatures can become an instrument both for studying the phenomenon of the world literature in general, and for conducting research from the universal to the local: through continental, national, regional, and district, depending on the main vectors of literary and cultural space dynamics, scientific paradigms and the realities of modern inter-literary interactions.

In the cultural life of Europe at the turn of the 19th and 20th centuries, regionalism was considered as a phenomenon that appeared as a result of strengthening the tendencies to *national* self-identification during the 19th century, reflected in the political, scientific and artistic thinking of different countries, that is why European literary regionalism was taking shape in the countries. In this sense, Yuri Druzhnikov speaks of country-based fragmentation of the literature itself.

These are still *national* interests: financial, ethnic, and political. In the United States, they don't like European films or novels; the French see American writers as those with inflexi-

³⁹L.E. Bejenaru, “Vector Dynamics of Regional Literature. On the Issue of Formulating the Question” [in Russian], *Slavyanskiye chteniya*, no. 4 (2015): 152–58.

ble feelings and intellectual infantilism, and are rightfully afraid of the ‘Coca-Cola culture.’⁴⁰

In Germany, the life of the German province and German villages is described by Wilhelm Raabe, Ludwig Ganghofer, and Adolf Bartels in the regional “literature of the native land” (Heimatliteratur). Heimat is not the Homeland as a whole, but a particular place, the native land a writer comes from that he reproduces in all ethnographic and everyday details. The literary movement that emerged in Germany in the last decades of the 19th century and existed until 1933 used the slogan “Down with Berlin” and poeticized rural life, the value of which the representatives of this movement saw in stable traditions and strong ties with nature. They rejected the city, which turned a villager into a lumpen, a criminal or a revolutionary. Portraying a farm, a hamlet, a village, Heimatliteratur revealed a clear trend towards regional subject matter.

American literary theory recognizes American literature as a unique national literature, and its *local colour* is defined as the main component of regional literature, both in prose and in poetry. The main thing is that the authors should focus their and the readers’ attention on symbols, dialects, customs, topography and other components of a certain region. American regional literature considers that its main sources are American traditions, and realism and naturalism. American regionalism defines the authors’ foci, *outside* and *inside*, i.e. the look at the region from the *external* point of view, through the eyes of a traveller; and from the *internal* point of view, through the eyes of a person permanently living in a region, who conveys his territorial, socio-political and psychological impressions related to the region. Particular emphasis is placed on childhood “instincts,” the unconscious experience of a child’s connection with the land.⁴¹ In the USA, local colour literature, a mirror (ideally) reflection of the nature and life of a particular region, or regional literature, began with the novel “Georgia Scenes” by Augustus Baldwin Longstreet,⁴² describing the life of inhabitants of the southern frontier backcountry from the external point of view.

While American regional literary tradition shows a tendency towards a kind of cultural secession, i.e. to a certain need to preserve *cultural* identity, which is viewed as an important means of regional sub-ethnic self-identification, Chinese regional literature rarely replaces national identity with traditionality, which ought to be a re-

⁴⁰ Yu.I. Druzhnikov, “The Novel as Catharsis. Answers of Yuri Druzhnikov to the Questions of the Participants of the Round Table Discussion ‘Crisis or Metamorphoses: the Fate of the Novel at the Turn of the Century’ (Warsaw, 2000)” [in Russian], *Yuri Druzhnikov Website*, accessed February 01, 2019, <http://www.druzhnikov.com/text/besed/7.html>

⁴¹ V. Yarantsev, “Literature of Siberia or Siberian literature?” [in Russian], *Sibirskie ogni*, no. 11 (November), 2013, accessed February 01, 2019, <http://litbook.ru/article/5355/>.

⁴² “Georgia Scenes” is a book of sketches and stories, first published in the newspapers in the early 1830s.

sponse to the growing (political and ideological) centralization expressed in the disappointment with the Western literary models and the promotion of the popular in literature peasant theme, local and national identity. Among such writers we can mention the representatives of the fourth generation of Nativist literature (Lu Xun, Xiao Hong) that strengthened in the 1930s and 1940s and later on turned into the Nativist movement in Taiwan in the 1960s and 1970s, linking its activities to Taiwan's independence. A similar movement in the 1980s in the People's Republic of China was a response to the centralization of power and to the ideology of the Mao era.⁴³

The reflection of regional literature as a general cultural trend in fiction is identified by means of the *regional novel* as one of the genres of regional literature. It portrays a region in all its historical and geographic concreteness, thus determining the specific character of the authors' approach to regional themes, which allows them to introduce a certain set of ideas and concepts into the literary world of their works.

In English literature, the development of the regional novel is associated with the name of George Eliot,⁴⁴ who viewed the region as an organic unity of two interrelated spheres of life, rural and urban, as a single space in territorial, socio-economic and cultural planes, which differs from the adjacent regions primarily by its climatic and topographical characteristics. The type of regional landscape influences the formation of the value system of the community that inhabits it. The community itself is shown as a living organism that is developing and functioning according to the laws of the natural world. George Eliot's "rural novels" portray village lifestyle and rural life as very harmonious and self-sufficient. Only the tri-unity of man, nature, and community can become the guarantee of spiritual rebirth and development of an individual.

In Spain, Emilia Pardo Bazán⁴⁵ dedicated her novels to the provincial town, to north-western Spain and the life of Galicia; in Italian literature, Grazia Deledda⁴⁶ de-

⁴³ Pei-feng Chen, "Nativist Literature, History and Ballads: The Establishment of an Interpretive Community for Taiwan Literature under Colonial Rule," *Taiwan Historical Research*, vol. 18, no. 4 (2011): 109–64.

⁴⁴ George Eliot (pseudonym of Mary Ann Evans, 1819–1880) is a well-known representative of the English realism of the second half of the 19th century. Her oeuvre includes seven novels: *Adam Bede* (1859), *The Mill on the Floss* (1860), *Silas Marner* (1861), *Romola* (1863), *Felix Holt* (1866), *Middlemarch* (1871–1872) and *Daniel Deronda* (1876); the cycle of stories *Scenes of Clerical Life* (1858); several poetic works and samples of short prose. All these works are connected by the common theme, space and social structure of the community portrayed in them. The analysis of each work is based on the author's vision of the provincial existence, the interaction of the community with the surrounding landscape and the role of the community in the life of an individual. Eliot sees the region as an organic unity of two interrelated spheres of being – rural and urban ones.

⁴⁵ The best novels and stories of the Spanish writer Emilia Pardo Bazán (1851–1921) are devoted to the everyday life and customs of the provincial town (*El cisne de Vila morta* [The Swan of Vilamorta] (1885); *Los pazos de Ulloa* [The House of Ulloa] (1886); *Doña Milagros*, (1894) the village (*Bucolica*, 1884).

scribed the patriarchal life of Sardinian peasants; the historical region in the south-east of France, now part of the French province of Provence, is depicted in the pages of the works of Jean Giono;⁴⁷ the past of Bosnia comes to life in the pages of the works of the Serbian writer Ivo Andrić;⁴⁸ in the Bulgarian regional literature, Yordan Yovkov⁴⁹ devoted his *Legends of Stara Planina* to the description of the rural life of the Balkan Mountains, and to the Inn at Antimovo (the collection of stories *Inn at Antimovo*).

In most countries, provincial regions act as the centres of culture and literature, and are a repository of the national specifics of the “great literature.”

How do the national and the regional dominants of geopoetics correlate? Talking about the Russian space, one can say that the regional geopoetic dominants (Siberian, Ural, Kuban, of the Russian North) basically resemble each other in terms of the cul-

⁴⁶ Gracia Deledda (1871–1936), an Italian writer, winner of the Nobel Prize in literature, in her works *Fior di Sardegna* [Flowers of Sardinia] (1892), *Le vie del male* [The way of evil] (1892), *Racconti sardi* [Sardinian stories] (1895), and *Anime oneste* [Honest souls] (1895) describes her native reality and acquaints the reader with a peculiar secluded life, with manners and customs remaining since the distant past, with ignorance, gullibility and passionate imagination of the people. She lovingly recreates the beauty of her native mountains and meadows where the people live who believe big cities to be something extraordinarily distant and alien and speak their own specific dialect. Along with the Sardinian landscape and life, the novel *Elias Portolu* (1903) portrays the psychology of a commoner.

⁴⁷ Jean Giono (1895–1970) is a French novelist, poet, playwright and essayist, whose works, as a rule, are set in French Provence, in the Alps of Haute Provence, where the author was born and lived for many years. However, the writer’s imagination does not remain narrowly provincial. He describes the provincial region tensely, metaphorically, philosophically and at the same time quite fascinatingly and dynamically.

⁴⁸ Ivo Andrić (Serbian: Иво Андрић, 1892–1975) is the only Yugoslavian writer who received the Nobel Prize in literature (1961). In the historical novel *Na Drini ćuprija* [The Bridge on the Drina] (1945), Andrić managed to draw a wonderfully bright and vivid picture of centuries-long life of his people in the territory of Višegrad and the entire Balkan Peninsula. In particular, the action in the novel takes place in the town of Višegrad, where the legendary bridge on the Drina River is located. In October 1961, the Swedish Academy awarded *The Bridge on the Drina* the Nobel Prize. To commemorate the Nobel Prize winner, film director Emir Kusturica built his own town in Višegrad. The town is called Andrićgrad (after the writer) and is located on the bank of the Drina River.

⁴⁹ Yordan Stefanov Yovkov (Bulgarian: Йордан Стефанов Йовков, 1880–1937) is a symbolist poet and prose writer. Yovkov spent half of his life in Dobrudja, one of the poorest regions of Bulgaria, which he later wrote about; “I lived in the country for thirty years. In that time my attitude to life and people was formed. The strongest and most significant of my emotional experiences date back to that time” (*Zlatorog*, book 7, p. 308–309). He was the founder of the Bulgarian military story. While he was working in Bucharest, he wrote the cycle *Legends of Stara Planina*, based on the material of old Bulgarian legends, folk songs, tales and chronicles. In the collections *Legends of Stara Planina* (1927) and *The Inn at Antimovo* (1928) the author recreated the spirit of old Bulgaria and its history.

tural stereotype of Russian space, that is the definitions of distance, width and infinity. In the cultural and historical context, if compared with Western Europe, a *different model* of space exploration is typical for Russia. The peculiarity of the Russian consciousness is the orientation towards the extensive method of exploring the territory: space is explored and described “in breadth” rather than “in depth.” The Caucasian geopoetic stereotype is determined by the Caucasian highland civilization that combines the peculiarities of the Caucasian landscape (high mountains, foothills and plains) in addition to poly-ethnicity and religious syncretism. The general wide background of the Caucasus studies and also ethnological studies and publications dealing with Caucasian problems make it possible to point out the fact that cultural frontiers in the Caucasus are often blurred and become distinct mainly in the areas of ethnic rifts. Classifying *regional identity* by the level of mentality, it is possible to identify regions according to the sociocultural world or **type of culture**, for example, Eastern, Caucasian, Balkan, or, in our case, Slavic mentality; according to the **level of national cultures**, for example, Russian, Romanian, Bulgarian, or Azerbaijani mentality; and according to the **level of subcultures** whose bearers belong to various social groups, for example, Orthodox or Muslim mentality.

Singling out the regional level of mentality, it is, in my opinion, possible to speak about the local regional embodiment of the national level of mentality. The issue of the regional aspect of Russian culture was raised by researchers a long time ago (V. Abashev,⁵⁰ D. Zamyatin⁵¹), but it has not lost its significance so far. Siberia, the region of our interest, is a peculiar ethno-social locus that possesses a number of unique features and at the same time remains a part of the all-Russian sociocultural tradition. Mental field of culture leads to the emergence of culture-specific texts and even literary worlds with pronounced territorial certainty. V. Belinskii noted that “there are both St Petersburg literature and Moscow literature”⁵² because public con-

⁵⁰ V.V. Abashev, *Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008); V.V. Abashev, *Russian Literature of the Urals. The Problems of Geopoetics* (Moscow; Berlin: Direkt Media, 2012); V.V. Abashev and M.P. Abasheva, “Ural Literature in the Cultural Landscape: Types, Perspectives” [in Russian], *Voprosy literatury*, no. 1 (12014): 47–59; Abashev V.V. “The Intangible Body of the City. An Experience of Working with Meaning” [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 12 (2010): 10–16.

⁵¹ D.N. Zamyatin, *Culture and Space: Modeling Geographic Images* [in Russian] (Moscow: Znak, 2006); D.N. Zamyatin, *Metageography: The Space of Images and the Images of Space* [in Russian] (Moscow: Agraf, 2004); D.N. Zamyatin, “Geographical Images of the World Development” [in Russian], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2001): 125–37; D.N. Zamyatin, “Geographical Images in Culture: a Methodological Basis for the Study” [in Russian], in *Cultural Geography* (Moscow: Institut naslediya, 2001), 127–43.

⁵² V.G. Belinskii, “St Petersburg Literature” [in Russian], in V.G. Belinskii, *Collected Works in 9 Volumes. Vol. 7. Articles, Reviews and Notes, December 1843 – August 1845*, ed. G.A. Solov'ev (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981), accessed April 4, 2019, http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml

science contains **the idea of Moscow** and **the idea of St Petersburg**, which determine the differences between the corresponding literatures while forming the Petersburg text⁵³ and the Moscow text in Russian literature. N. Leskov,⁵⁴ P. Mel'nikov-Pechersky,⁵⁵ D. Mamin-Sibiryak,⁵⁶ V. Korolenko⁵⁷ and *raznochintsy* [miscellaneous

⁵³ The notion “Petersburg text” was introduced into literary use by a Moscow philologist V.N. Toporov in 1971. The term came into scientific circulation in 1984. See V.N. Toporov, *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetics: Selected Works* (Moscow: Progress; Kul'tura, 1995), 259–367.

⁵⁴ The leading local supertexts of Russian culture include the Moscow text of Russian literature, which, according to most researchers, appeared in the first half of the 19th century and still continues its development at present. The texts devoted to Moscow lend *Pervoprestol'naya*, the first capital city of Russia, different, and sometimes mutually exclusive features. O.S. Shurupova includes in the Moscow text of Russian literature works by V.A. Zhukovsky, E.A. Baratynskiy, A.S. Pushkin, A.F. Vel'tman, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy, V.S. Filimonov, A.N. Maikov, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, I.S. Shmelev, A.I. Kuprin, V.Ya. Bryusov, A. Bely, M.I. Tsvetaeva, et al. See O.S. Shurupova, *The Conceptosphere of the Urban Supertexts of Russian Literature (Linguo-Culturological aspects)* [in Russian] (PhD thesis, Elets State University named after I.A. Bunin, 2017).

⁵⁵ N.S. Leskov, a collection of stories, published under the general title *Pravedniki* [The righteous men] (“Figura” [Figure], “Chelovek na chasakh” [The man on the Clock], “Nesmertel'nyi Golovan” [Non-lethal Golovan], et al., 1876–1889).

⁵⁶ P.I. Melnikov-Pechersky, an epic dilogy *V lesakh* [In the forests] and *Na gorakh* [On the hills]. Melnikov's dilogy tells about the Old Believers of the Trans-Volga region in the middle of the 19th century, about the customs of the local population, about *skits*, or hermitages, and secret sects, about logging, about Old Believers' customs and beliefs, about the grain trade, about monastic morals, about beliefs, legends, and food. The novels focus on the life of several merchant families at a crucial historical moment when the trading class found real power in Russian society. “The Krasilnikovs” is the story about the character of a Russian merchant. The story is filled with a variety of real-life details that may be of interest to ethnographers and folklorists. One of the merchant Krasilnikov's maids speaks an interesting dialect. The short novel *Grisha* (1861) is of interest due to its diverse portraits of Old Believers.

⁵⁷ In 1881–1882, a series of travel sketches *From the Urals to Moscow* by D.N. Mamin-Sibiryak was published in the Moscow newspaper *Russkie Vedomosti*. Then, his short stories and sketches about the Urals appeared in the periodicals *Ustoi* [Bases], *Delo* [Labour], *Vestnik Evropy* [European Bulletin], *Russkaya Mysl'* [Russian thought], *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland]. In 1883 *Privalovskie milliony* [The Privalov fortune], the first novel by Mamin-Sibiryak, appeared on the pages of the magazine *Delo*. In 1884, *Otechestvennye Zapiski* published his second novel *Gornoe gnezdo* [Mountain Nest] to seal Mamin-Sibiryak's fame as a realist author. In 1895 the writer published the novel *Khleb* [Bread] and the two-volume collection *Ural'skie rasskazy* [Ural Stories]. (**Editor's note:** in vol. 3, no. 2 (2019) *Historia Provinciae* published an article by E.Yu. Kazakova-Apkarimova “Individualization of the Russian Provincial City: The Image of the Ural City in the Travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak,” which was devoted to the analysis of D.N. Mamin-Sibiryak's travel impressions. Since sustainable images and ideas related to the city are represented in the individual works of the local writers, the author refers to the oeuvre of one of the best-known Ural writers D.N. Mamin-Sibiryak, using the example of the Ural cities of the end of the 19th century in order to reconstruct the views of his contemporaries regarding

rank and non-noble birth] writers broadened the “geographical and spatial framework” of literature in the second half of the 19th century.⁵⁸ On the tide of the regional tendencies that were most clearly manifested in Siberia, local literary life revived as well. Representatives of the cultural and historical school (A. Pypin, P. Pekarsky, and N. Tikhonravov)⁵⁹ paid attention to the regional or, as they said then, local literature. Representatives of Siberian *oblastnichestvo* [regionalism] (N. Yadrintsev, G. Potanin, and A. Shchapov) also advocated its development.⁶⁰

the uniqueness or typicality of the Russian provincial city. We believe that nearly simultaneous consideration of the same range of problems by the authors bears testimony to its high relevance.)

⁵⁸ Many of the literary works of V.G. Korolenko were inspired by the impressions from his childhood, which he spent in Ukraine, and by exile to Siberia. Among the works attributed to Korolenko’s local text are “Polesskaya legenda” [The Polesye legend], “Les shumit” [The woods murmur] (1886) about the times of Zaporozhian Cossacks; series of essays *Multanskoe zhertvo-prinoshenie* [The Multan sacrifice] (1895–1898) about Udmurt peasants from the village Saryi Multan who were falsely accused of a ritualistic murder; series of essays *Sorochinskaya tragediya* [The Sorochintsy tragedy] (1907) about the violence against the peasants of the small town of Sorochintsy. Korolenko is considered a subtle psychologist and a talented landscape painter. His series of essays *U kazakov* [At the Cossacks’] is characterized by the use of a wide range of artistic devices to reflect reality and expressive means characteristic for folklore. In these essays the author describes his acquaintance with the Urals and the peculiarities of the Cossack fishery in the Urals. Korolenko was sometimes called the Columbus of the Cossack Ural’sk.

⁵⁹ See A. Pypin, “Siberia and Exploring It” [in Russian], *Vestnik Evropy*, year 23, bk 4, vol. 2 (April 1888), accessed July 7, 2018, http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/; P.P. Pekarskii, *Science and Literature in Russia under Peter the Great: 2 vols* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”, 1862); N.S. Tikhonravov, *Monuments of the Recanted Russian Literature: 2 vols* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za,” 1863).

⁶⁰ If compared with European regionalism, the issues of the “regionalism with the Russian face,” *Oblastnichestvo* (or Siberian regionalism) were raised a decade earlier than in the European space by a Petersburg group of Siberian students. The group included Grigory Potanin, Nikolai Yadrintsev, Seraphim Shashkov, Nikolai Naumov, and Fedor Usov. Upon returning to Siberia in 1863, members of the group engaged in active work. Operating together with Russian and Polish political exiles, they were preparing a revolt. Viewing Siberia as a political and economic colony of Russia, and Siberians, as a new Siberian nation, some participants of the *Oblastnichestvo* movement advanced the slogans to separate Siberia from Russia or to grant Siberia the status of autonomy. These issues were raised in the articles of *Oblastnichestvo* ideologists as early as in 1864, and even earlier in their oral conversations and correspondence. However, the system approach was presented only in the work of G.N. Potanin *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regional tendency in Siberia] (1907) and in the materials of the Siberian congresses of 1917. The ideologist of the regional literature G.N. Potanin and also his work, where he calls himself a Siberian patriot, merit a competent comprehensive study. See G.N. Potanin, *Regional Tendency in Siberia* [in Russian] (Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1907). In the late 20th – early 21st century, Siberia saw the development of neo-regionalism, which is why the works of Siberian regionalists as the mouthpieces of Siberian identity acquired topicality again.

Siberian / Russian as part of Slavic geo-cultural space

The nature of the connection of the regional Siberian literature with the general Russian historical-literary and, more broadly, sociocultural process and the identification of the boundaries of the distinctiveness of the regional Siberian culture led to the identification of region-specific features that create the so-called Siberian text. Siberian / Russian as part of Slavic geo-cultural space is a hypertrophied Russian locus that is “dappled” with independent ethnic groups of indigenous and minority peoples of the North, Siberia and the Far East. The originality of Siberia as a geographical and socio-cultural region was understood by many researchers. The traditional culture of the Kumandins is currently one of the best studied themes in the ethnography of Altai Krai. Various aspects of the culture of these people were highlighted in the publications by N. Dyrenkova,⁶¹ P. Karal'kin,⁶² I. Nazarova,⁶³ L. Potapov,⁶⁴ F. Satlaev.⁶⁵ A specific map of “geography of culture” in the territory of mod-

⁶¹ N.P. Dyrenkova (1899–1941) is a recognized expert in the field of language, life, and folklore of the Turkic ethnic groups of Siberia. She earned worldwide recognition during her lifetime. The most important works of N.P. Dyrenkova include the fundamental *Shorskii fol'klor* [Shor folklore] (1940), *Kul't ognya u altaitsev i teleut* [The cult of fire of the Altaians and Teleuts] (1926), *Umai v kul'ture sibirskikh tyurok* [Umai in the culture of Siberian Turks] (1928), *Ptitsa v kosmogonicheskikh predstavleniyakh turetskikh plemen Sibiri* [The bird in the cosmogonic beliefs of the Turkish tribes of Siberia] (1929), et al.

⁶² P.I. Karal'kin, “The Kumandins (Based on Materials from the Sayano-Altai Expedition of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences)” [in Russian], in *Brief Messages of the Institute of Ethnography*, vol. 18 (Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953), 29–38.

⁶³ I.I. Nazarov, “The Study of the Kumandins in the Last Third of the 20th Century” [in Russian], in *Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Research Results and Prospects at the turn of the millennia (Materials of the XLI Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference, Barnaul, 25–30 March, 2001)* (Barnaul: Izdatel'stvo altaiskogo universiteta, 2001), 41–43; I.I. Nazarov, “The Place of the Ideas about the Mistress of Water in the Fishing Complex of the Kumandins” [in Russian], in *Culture. Society. Creativity: Materials of the All-Russian Conference and V All-Russian Scientific-Practical Seminar ‘Leisure. Creation. Culture’*, ed. M.A. Zhigunova, N.A. Tomilov, N.F. Khil'ko (Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2002), 157–60; et al.

⁶⁴ L.P. Potapov (1905–2000) is a Soviet and Russian ethnographer, doctor of historical sciences, professor, the greatest researcher of the history and culture of the peoples of Southern Siberia. He is the author of *Ocherki istorii altaitsev* [Essays on the history of Altaians] (1948), *Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti* [The origin and formation of the Khakass nationality], *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the everyday life of the Tuvinians] (1969), *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev* [Ethnic composition and origin of Altai Krai] (1969), et al.

⁶⁵ F.A. Satlaev (b. 1931) is a Kumandin, a scholar, historian, ethnographer, researcher of history and ethnography of the Northern Altaians (the Kumandins). He is the author of the works *Kumandintsy Altaiskogo kraya* [The Kumandins of Altai Krai], *Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.)* [The Kumandins (a historical and ethno-

ern Siberia was drawn,⁶⁶ which shows historical routes of the region's exploration, similar to the "Siberian Way" of the 17th – first half of the 18th century, that continue to reproduce many of the values of the traditional culture of the time. At the same time, a single centre has not been formed yet to unite all the peoples and ethnic groups of Siberia and protect their interests at various levels.⁶⁷ Let us believe that Siberian text as regional literature, Siberian text about the small homeland Siberia, and the "sociocultural type of a Siberian" are the unifying components of Siberian regional identity and of the Siberian region as a subcultural locus. The local regional implementation of the national level of mentality can be traced through the model of Russian and other cultures and also in the Romanian, Bulgarian, Azerbaijani world-views.

In the short novel *Reki* [Rivers] Evgeny Grishkovets **shares his memories associated with a certain locus, vast and spacious Siberia**. Not only does he talk about the life of Siberians, their lifestyle and mental characteristics, but also about the representatives of other nations. The dichotomy "the I – the Other" is an integral part of the model of the world: it forms the ideals and sets the imperatives, that is why the range of problem in the short novel includes the phenomenon of Otherness, which manifests itself on the pages of the text in the information about Englishmen, Germans, Ukrainians, Chinese, and representatives of other countries. The author operates with both the dichotomy *the large homeland / country / motherland – the small homeland* and the dichotomy *the I – the Other*. Based on the fact that each culture of any level of development perceives the images of the others / the aliens in its own way, *the image of the country* and *the image of its people*, and *the image of Otherness* emerge in the childhood memories of the narrator as the reception and representation of *his own* world and the world of *the others*. Having constructed his identity as the identity of a Siberian who "will demonstrate the largesse of Siberian character, waste money, say something loudly about honour, kindness, justice," the in his own manner, the author doubts, asks questions to himself, tries to understand himself and the way "other people live." The narrator's reasoning is very similar to the monologues in Grishkovets' plays, but the additionally include certain geographical meanings and images:

We have English equipment here and the system is also English,' said the engineer. 'Good equipment. Our combines, in general, are constructed quite well, but they are always

graphic essay of the 19th – first quarter of the 20th centuries)], *Sel'skaya obshchina kumandintsev vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX v.* [Rural Community of the Kumandins in the second half of the 19th – first half of the 20th century], et al.

⁶⁶ See R.Yu. Fedorov, "Development of Siberia as a Problem of Geography of Culture" [in Russian], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2007): 229–34.

⁶⁷ As well as Tyumen, Novosibirsk is considered the center of Siberia. Novosibirsk is located in the center of Western Siberia, approximately halfway from Moscow to Vladivostok.

breaking down. And Englishmen are great. They make the equipment for us, for Africans and for Australians. I have travelled a lot. I saw mines in Belgium. But those are nothing special, not real mines. Ukrainians also suffer. They have just a little coal left. . . . I've been to England,' he continued, 'but their mines are now a museum. I've been to America. We've just recently visited Australia. They have the same equipment as ours and their mines are constructed in similar way.' . . . At the same time, there was no show-off in his intonations, nothing like we've seen your Australia, nothing special. Dense insensitivity was not heard in his intonations either. Only composure. Composure!⁶⁸

At the stage of its initial formation, Russian civilizational identity experienced certain pressure of patterns and stereotypes of the development of European civilizations. The knowledge of geographical “meanings” and “images” that fill the geocultural space in the imagination of people from different eras, territories, cultures and *space as an image* are represented beyond historiosophical or even geosophical approach to the problem of civilizational identity. Such an important element as the geographical images of the country's spaces is European in its origin, and it became a “reference point” for Evgenii Grishkovets in his attempts to delineate Russian / Siberian identity and the identity of the *Other*. The author describes *his* Siberia based neither on what he heard about it, nor from the books, other people's memories or articles of historians, geographers, ethnographers, statisticians, and other scientists. He is a knowledgeable witness and an attentive observer of everything that is happening, that is why the descriptions of the extraordinary beauty of this region are true, and therefore they are not similar to those of Hippolyt Zavalishin, Speransky, Gersevanov or Shelgunov.⁶⁹

Siberians allow themselves to feel sorry for everyone else: the *southerners*, for not knowing life and having experienced nothing serious and difficult; the *Muscovites*, for constant bustle and no real life; the *St Petersburg people*, for being very smart but not knowing the real life; the *Chinese*, for being so numerous; the *Japanese*, for not having enough land and being so small, yellow and strange; the *Indians*, for being somehow spineless and unsuitable for the life; the *Americans*, for being fools and, as the competent people say, also having no life there; the *Africans*, for being poor, black, illiterate, and suffering the heat down there; the *French*, for always having everything upside down and no simplicity in life, well, so that everything would be done in a simple way; all *Latin Americans* together, indiscriminately, because they are somewhere far away dancing, singing, and what kind of life they have is not clear. The *Siberians* respect the *Germans*, but also feel sorry for them because of their orderliness, for the fact that they are constantly working down there, everything is good for them, but there is no real life anyway.⁷⁰

⁶⁸ E.V. Grishkovets, *Rivers*, accessed February 1, 2019, <http://irisha-romanova.narod.ru/reki1.html>

⁶⁹ See N.M. Yadrintsev, “Siberia before the Court of Russian Literature” [in Russian], *Sibirskii vestnik*, no. 3, 1866, accessed February 1, 2019, <http://www.volgota.com/ru/node/144>.

⁷⁰ Grishkovets, *Rivers*.

Thus, the author finds very thin lines of ethnic identification, and *these ethno-distinctive features of identity* are like the reverse side of one's own self-identification. The perception of *non-us* and self-identification of the people come through the prism of distinguishing its criteria. The author's description of the elements of geo-cultural spaces and traditional national cultures, from the colour of skin and the sense of national identity to customs and climate, is the most important feature of identifying an ethnos, a people, a culture. And in this "symphony" of cultures, traditions and peoples, the Russian region of Siberia is no longer presented to the reader as a myth about the sacral centre, the Promised Land or some void space. The author uses the image of Siberia to refer to the eastern mentality and the Siberian way of life not as a myth, but as a set of conventional emblems and signs, among which the *city as the small homeland*, and the *river* as its main component – play the distinctive role.

Rivers is a book not only *about* the Siberian people and *for* them, but it is also a book of the generation of the 1960s–1970s that reflects the signs of the Soviet era. These are thoughts and memories about the *city of childhood*, about the lost *small homeland*, which is preserved only in the memories of the child.

Conclusion

The shift of cultural interest from history to geography, from time to space, allowed the authors, writers and researchers, to determine the geopoetic dominant of space in different ways. In 1908 Velimir Khlebnikov, a poet, was the first to write about space that reveals itself in word, in his essay "Svyatogor's Barrow."⁷¹ Following Kenneth White's mystical conception, in his intellectual bestseller *Two Moscows, or Metaphysics of the Capital*,⁷² Rustam Rakhmatullin introduces the reader to his *mystical* understanding of space, which remains in contact with the term "metaphysical local history." German researcher Tatjana Hofmann explores the meanings and images of space on the junction of geopoetics and literary ethnology.⁷³ Geopoetics is also viewed as

⁷¹ V. Khlebnikov, "Svyatogor's Barrow" [in Russian], in V. Khlebnikov, *Creations*, ed. M.Ya. Polyakov (Moscow: Sovetskii pisatel', 1986), 579–581.

⁷² R. Rakhmatullin, *Two Moscows, or Metaphysics of the Capital* [in Russian] (Moscow: AST, 2009).

⁷³ T. Hofmann, *Literary Ethnographies of Ukraine: Prose after 1991* [in Russian], trans. T. Nabatnikova (St Petersburg: Aleteiya, 2016); T. Hofmann, *Sevastopology* [in Russian] (Moscow: Algoritm, 2017); T. Hofmann, *Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991* (Basel: Schwabe Verlag Basel, 2014).

a special kind of literary studies focused on how *Space* is revealed in word – from scarce nominative references in chronicles, sagas, and logbooks of pirate captains, to stunning poetic imagery systems.⁷⁴

V. Abashev defines geopoetics as

a section of poetics that has as its subject both the images of geographical space in individual creative writing and the local texts (or supertexts) that are formed in the national culture as a result of the development of certain places, regions of geographical space, and the conceptualization of their images.⁷⁵

Within the scope of the problem under study the geopoetic images-texts of Russian culture (St. Petersburg and Moscow, Crimea, the Caucasus, Siberia, the Urals, and Pomorye) can be defined as the space of *super-reality*, as the *return to holistic poetic perception and experience of the world* (Author). In these geopoetic images one can feel an inseparable and emotionally tense connection with the landscape, the connection that can be considered as an encounter with the *not-I*, the unfathomable *Other*. Russian literary process creates a literary model of the world, in which the concept of the region is associated with the poetics of *oblastnichestvo*, or regional, literature.⁷⁶ Today it is being revived in a new capacity within the framework of *philological regional studies*: with ancient plots and archaic heroes that exist in the folklore and literature of different countries, which indicates the similarity of the micro-worlds of national literatures.⁷⁷ V.V. Abashev believes that studying geopoetic text is not only of culturological and philological, but also of practical political interest.⁷⁸

The analysis carried out in this article allows us to draw the following conclusions. There is still a variety of theoretical approaches to understanding geopoetics that unites scientific research in the synthesis of the geographical and literary space of the text. There has been a need to create an integrated allied humanity discipline. In my understanding of *geopoetics*, it is the poetics of literary and artistic “localogra-

⁷⁴ V.V. Golovanov, “Geopoetics of Kenneth White” [in Russian], *Oktyabr'*, no. 4 (2002): 158. The researcher identifies such poetic systems in the works by V. Khlebnikov (applicable to the Volga–Caspian system), A. de Saint-Exupéry (the Sahara), Saint-John Perse (the Gobi, the Caribbean), and Gauguin (Polynesia).

⁷⁵ V.V. Abashev, “Geopoetic View of the History of the Urals Literature” [in Russian], in *The Urals Literature: History and Modern Times: A Collection of Articles* (Yekaterinburg: UrO RAN; Ob"edinennyyi muzei pisatelei Urala; AMB, 2006), 18.

⁷⁶ The phenomenon of *oblastnichestvo*, or regionalism, was characteristic for Soviet literature. It came into existence in the 1920s after the publication of *Donskie rasskazy* [Tales from the Don] by M. Sholokhov.

⁷⁷ See V.K. Sigov, *Teaching Russian Literature in a Multinational Class* [in Russian] (Moscow: Shkol'naya Kniga, 2008).

⁷⁸ V.V. Abashev, *Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century* [in Russian], 2nd ed. (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 488.

phy”; “localographic” imagery of literature; features of the writer’s worldview embodied in the literary portrayal of the locality; the image of space; the language of natural landscape sketches.

The mental field of national cultures contributes to the formation of specific literary texts that, in addition to artistic value, have territorial distinctiveness. These texts include Siberian text, Caucasian text, and Balkan text. Comparative typological analysis of such texts in terms of inter-genre dialogue promotes strengthening of national ties, increases self-identity awareness, and deepens the roots of the national culture.

The terms “region” and “regionalism” consolidated in various branches of science are undergoing qualitative change today. Changing the status and expanding the functions of the region and regionalism as general philosophical and cultural concepts requires clarifying the extent of their influence on regional literature and determining its place in the national store of culture and literature.

Список литературы

Абашев В.В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: сборник статей. – Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; АМБ, 2006. – С. 17–29.

Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопозитика как основа геополитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 197–207.

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Изд. 2-е, доп. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 496 с.

Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики. – Москва; Берлин: Директ–Медиа, 2014. – 160 с.

Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98–104.

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – Москва: Мысль, 1983. – 350 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – Москва: Художественная литература, 1986. – 543 с.

Беженару Л.Е. Векторная динамика региональной литературы. К постановке вопроса // Славянские чтения. – 2015. – № 4. – С.152–158.

Белинский В. Г. Петербургская литература // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845 / под редакцией Г.А. Соловьева. – Москва: Художественная литература, 1981. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (дата обращения 02.04.2019)

Берязев В.А. Моя ойкумена. Проза. Очерки. Эссе. – [Б.м.]: Ridero, 2017. – URL: <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beryazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (дата обращения 01.04. 2019)

Бойко М. Новая нефть [Беседа с И.О. Сидом] // Независимая газета. – 2011. – 27 октября. – URL: http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html (дата обращения 01.02. 2019)

Вайль П. Гений места. – Москва: КоЛибри, 2006. – 488 с.

Вайденфельд В., Вессельс В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. – Рига: Alberts XII, 2008. – 544 с.

Введение в геопоэтику: антология / Составитель И.О. Сид. – Москва: Арт Хаус медиа; Крымский клуб, 2013. – 368 с.

Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 159–171.

Вундт В. Проблемы психологии народов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 160 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – Москва: Прогресс-культура, 1995. – 480 с.

Голованов В.В. Геопоэтика Кеннета Уайта // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 157–159.

Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. – 1999. – № 5. – С. 155–164.

Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 22–38.

Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или Как Юг Западной Сибири станет центром новой индустриализации // Военное обозрение. – 2013. – 23 августа. – URL: <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html> (дата обращения 01.02. 2019)

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1862.

Подлесных А.С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008. – 24 с.

Пытин А. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – Г. 23. – 1888. – [Т. 2]. – Кн. 4, апрель. – URL: http://az.lib.ru/p/pytin_a_n/ (дата обращения 13.07.2018)

Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. – Москва: АСТ, 2009. – 704 с.

Ревзина О.Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамичная система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева, 19–22 мая 2005 г. / под редакцией Н.А. Фатеевой. – Москва: Азбуковник, 2006. – С. 265–279.

Сигов В.К. Преподавание русской литературы в многонациональном классе. – Москва: Школьная книга, 2008. – 192 с.

Сид И.О. Геопоэтика. Эссе, статьи, комментарии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 430 с.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: автореферат дис. ... д-ра географ. наук. – Институт географии РАН, 2012. – 46 с.

Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1863.

Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 229–234.

Федоров Р.Ю. Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. – 2007. – № 2 (16). – С. 133–139.

Хлебников В. Курган Святогора // Хлебников В. Творения / под общей редакцией М.Я. Полякова. – Москва: Советский писатель, 1986. – С. 579–581.

Хофманн Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года / Перевод с немецкого Т. Набатниковой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 448 с.

Хофманн Т. Севастопология. – Москва: Алгоритм, 2017. – 222 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Сибирский вестник. – 1866. – № 3. – URL: <http://www.volgota.com/ru/node/144> (дата обращения 01.02. 2019)

Яранцев В. Литература Сибири или сибирская литература? // Сибирские огни. – 2013. – № 11. – URL: <http://litbook.ru/article/5355/> (дата обращения 02.02.2019)

Deutsch K. On nationalism, world regions, and the nature of the West // Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan / Edited by Per Torsvik. – Bergen; Oslo; Toronto: Universitetsforlaget, 1981. – P. 2–8.

Hofmann T. Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991. – Basel: Schwabe verlag Basel, 2014. – 448 p.

White K. Guido's Map: A European Pilgrimage. – Aberdeen: Aberdeen university press, 2015. – 154 p.

White K. The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge. – Aberdeen: Research institute of Irish and Scottish studies, 2013. – 114 p.

Morgan F.W. Three Aspects of Regional Consciousness // The Sociological Review. – 1939. – Vol. XXXI. – № 1. – P. 68–86.

Mecklenburg N. Erzählte Provinz. – Koningstein: Athenäum, 1982. – 309 S.

References

Abashev, V.V. “Geopoeticheskiy vzglyad na istoriyu literatury Urala” [Geopoetic view of the history of the Urals literature]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statey* [The Urals literature: history and modern times: a collection of articles], 17–29. Yekaterinburg: UrO RAN; Ob"edinennyyi muzei pisatelei Urala; AMB, 2006. (In Russian)

Abashev, V.V. “‘Kakaya drevnyaya zemlya, kakaya dremuchaya istoriya, kakaya neissyakaemaya sila...’: geopoetika kak osnova geopolitiki” [‘What an ancient land, what a dense history, what an inexhaustible power ...’: geopoetics as the basis for geopolitics]. In *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* [Mikhail Osorgin: An artist and a journalist], 197–207. Perm: Mobile, 2006. (In Russian)

Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. 2nd ed., rev. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Abashev, V.V. *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki* [Russian literature of the Urals. The problems of geopoetics]. Moscow; Berlin: Direkt–Media, 2012. (In Russian)

Abashev, V.V., and A.V. Firsova. “Plan mestnosti: literatura kak putevoditel' ” [Location plan: literature as a guide-book]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, issue 4 (2010): 98–104. (In Russian)

Alaev, E.B. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: Ponyatiyno-terminologicheskii slovar'* [Socioeconomic geography: dictionary of terms and concepts]. Moscow: Mysl', 1983. (In Russian)

Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. (In Russian)

Bejenaru, L.E. “Vektornaya dinamika regional'noy literatury. K postanovke voprosa” [Vector dynamics of regional literature. On the issue of formulating the question]. *Slavyanskiye chteniya*, no. 4 (2015): 152–58. (In Russian)

Belinskii, V.G. “Peterburgskaya literatura” [St Petersburg literature]. In V.G. Belinskii, *Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 7. Stat'i, retsenzii i zametki, dekabr' 1843 – avgust 1845* [Collected works in 9 volumes. Vol. 7. Articles, reviews and notes, December 1843 – August 1845], edited by

G.A. Solov'ev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. Accessed April 4, 2019. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (In Russian)

Beryazev, V.A. *Moya oykumena. Proza. Ocherki. Esse* [My oecumene. Prose. Sketches. Essays]. N.p.: Ridero, 2017. accessed April 01, 2019, <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beriyazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (In Russian)

Boiko, M. "Novaya nef't' (Beseda s I.O. Sidom)" [New oil (A conversation with I.O. Sid)]. *Nezavisimaya Gazeta*. October 27, 2011, accessed February 01, 2019, http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html. (In Russian)

Deutsch, K. "On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West." In *Mobilization, Center-Periphery structure and Nation-Building. A Volume in Commemoration of Stein Rokkan*, edited by Per Torsvik, 2–8. Bergen; Oslo; Tromsø: Universitetsforlaget, 1981.

Fedorov, R.Yu. "Osvoeniye Sibiri kak problema geografii kul'tury" [Development of Siberia as a problem of geography of culture]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2007): 229–34. (In Russian)

Fedorov, R.Yu. "Region kak sotsiokul'turnoe prostranstvo: osvoeniye, kommunikatsii, tsennosti [Region as socio-cultural space: development, communications, values]. *Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, no. 2(16) (2007): 133–39. (In Russian)

Gachev, G.D. *Natsional'nye obrazy mira: Kosmo-Psikho-Logos* [Cosmo-psycho-logic national images of the world]. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. (In Russian)

Golovanov, V.V. "Geopoetika Kenneta Uayta" [Geopoetics of Kenneth White]. *Oktyabr'*, no. 4 (2002): 157–59. (In Russian)

Hofmann, T. *Literaturnye etnografii Ukrainy: proza posle 1991 goda* [Literary ethnographies of Ukraine: prose after 1991]. Translated from German by T. Nabatnikova. St Petersburg: Aleteiya, 2016. (In Russian)

Hofmann, T. *Sevastopologiya* [Sevastopology]. Moscow: Algoritm, 2017. (In Russian)

Hofmann, T. *Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991*. Basel: Schwabe Verlag Basel, 2014.

Khlebnikov, V. "Kurgan Svyatogora" [Svyatogor's Barrow]. In V. Khlebnikov, *Tvoreniya* [Creations], edited by M.Ya. Polyakov, 579–581. Moscow: Sovetskii pisatel', 1986. (In Russian)

Klemeshev, A.P. "Region v usloviyakh globalizatsii" [The region in the context of globalization]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2009): 22–38. (In Russian)

Krupnov, Yu. "Sibir' – novaya Tsentral'naya Rossiya, ili Kak Yug Zapadnoy Sibiri stanet tsentrom novoy industrializatsii" [Siberia is the new Central Russia, or How the South of Western Siberia will become the center of new industrialization]. *Voyennoye obozreniye*. August 23, 2013. Accessed February 01, 2019, <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializatsii.html> (In Russian)

Mecklenburg, N. *Erzählte Provinz. Regionalismus und Moderne im Roman*. Königstein: Athenäum, 1982.

Morgan, F.W. "Three Aspects of Regional Consciousness." *The Sociological Review*, vol. 31, no. 1 (1939): 68–86.

Pekarskii, P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: v 2 t.* [Science and literature in Russia under Peter the Great: 2 volumes]. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862. (In Russian)

Podlesnykh, A.S. *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale* [Geopoetics of Alexei Ivanov in the context of the prose about the Urals]. PhD thesis. Ural State University named after A.M. Gorky, 2008. (In Russian)

Pypin, A. "Sibir' i issledovaniya ee" [Siberia and exploring it]. *Vestnik Evropy*, year 23, bk 4, vol. 2 (April 1888). Accessed July 7, 2018. http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/ (In Russian)

Rakhmatullin, R. *Dve Moskvy, ili Metafizika stolitsy* [Two Moscows, or metaphysics of the capital]. Moscow: AST, 2009. (In Russian)

Rezvina, O.G. "Khronotop v sovremennom romane" [Chronotope in contemporary novel]. In *Khudozhestvennyy tekst kak dinamichnaya sistema. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 80-letiyu V.P. Grigor'eva, 19-22 maya 2005 g.* [Literary text as a dynamic system. Proceedings of the International Scientific Conference devoted to the 80th anniversary of V.P. Grigoriev, May 19–22, 2005], edited by N.A. Fateeva, 265–79. Moscow: Azbukovnik, 2006. (In Russian)

Sid, I.O. *Geopoetika. Esse, stat'i, kommentarii* [Geopoetics. Essays, articles, commentsaries]. St Petersburg: Aleteya, 2017. (In Russian)

Sid, I.O., comp. *Vvedenie v geopoetiku: antologiya* [Introduction to geopoetics: an anthology]. Moscow: Art Haus Media; Krymskiy Klub, 2013. (In Russian)

Sigov, V.K. *Prepodavaniye russkoy literatury v mnogonatsional'nom klasse* [Teaching Russian literature in a multinational class]. Moscow: Shkol'naya Kniga, 2008. (In Russian)

Streletskii, V.N. *Kul'turnyi regionalizm v Germanii i Rossii* [Cultural regionalism in Germany and in Russia]. Doctoral thesis. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 2012. (In Russian)

Tikhonravov, N.S. *Pamyatniki otrechennoi russkoi literatury: v 2 t.* [Monuments of the recanted Russian literature: 2 volumes]. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za," 1863. (In Russian)

Vail', P. *Genii mesta* [Genius Loci]. Moscow: KoLibri, 2006. (In Russian)

Vlasova, E.G. "U istokov obraza Urala: otchety ob uchenykh puteshestviyakh kontsa XVIII v." [The origins of the image of the Urals: reports about scientific travels of the late 18th century]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no. 2 (2013): 159–71. (In Russian)

Weidenfeld, W., and W. Wessels, *Evropa ot A do Ya. Spravochnik yevropeyskoy integratsii* [Europe from A to Z. Guide to European integration]. Riga: Alberts XII, 2008. (In Russian)

White, K. *Guido's Map: A European Pilgrimage*. Aberdeen: Aberdeen University Press, 2015.

White, K. *The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge*. Aberdeen: Research Institute of Irish and Scottish Studies, 2013.

Wundt, W. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of the psychology of nations]. St Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)

Yadrintsev, N.M. "Sibir' pered sudom russkoy literatury" [Siberia before the court of Russian literature]. *Sibirskii vestnik*, no. 3, 1866. Accessed February 2, 2019, <http://www.volgota.com/ru/node/144>. (In Russian)

Yarantsev, V. "Literatura Sibiri ili sibirskaya literatura?" [Literature of Siberia or Siberian literature?]. *Sibirskie ogni*, no. 11, 2013. Accessed February 2, 2019. <http://litbook.ru/article/5355/>. (In Russian)

Zonova, T.V. "Ot Evropy gosudarstv k Evrope regionov" [From Europe of the states to Europe of the regions]. *Polis*, no. 5 (1999): 155–64. (In Russian)

HISTORIA

Provinciae

2019 · Vol. 3 · № 3

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Новые материалы о Великой Российской революции 1917 года*

New Materials about the Great Russian Revolution of 1917

Рецензия на: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. – 336 с.

A review of: Nikolaev, A.B., D.A. Bazhanov, and A.A. Ivanov, eds. *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2018.

Юбилейный 2017 г. был отмечен выходом многих исторических монографий и статей, посвященных Великой Российской революции 1917 г. Содержательным был год и в отношении специализированных научных конференций. Одной из них стала всероссийская научная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенная 10 ноября 2017 г. факультетом истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. Однако, организованная в год 100-летия революции и неся в себе определенный юбилейный посыл, данная конференция стоит особняком. Дело в том, что традицию проведения в РГПУ научных конференций, посвященных изучению Революции 1917 года,

* Для цитирования: Ратьковский И.С. Новые материалы о Великой Российской революции 1917 года. Рецензия на книгу: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – Санкт-Петербург, 2018. – 336 с. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 3. С. 1028–1045. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-6

For citation: Rat'kovskii, I. "New Materials about the Great Russian Revolution of 1917. *A review of:* Nikolaev, A.B., D.A. Bazhanov, and A.A. Ivanov, eds. *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2018." *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 1028–1045, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-6>

заложил еще Виталий Иванович Старцев, руководивший кафедрой русской истории в 1984–1998 гг. Эта традиция была возобновлена и продолжена А.Б. Николаевым, известным специалистом по истории Февральской революции¹, который руководит кафедрой русской истории с 2012 года. В 2007 году кафедрой была проведена конференция, приуроченная к 90-летию Февральской революции 1917 года, а начиная с 2008 года, подобная конференция «ежегодно проходит под названием “Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды”»². Наиболее яркие выступления на конференции 2017 г. в виде 28 статей стали основой рецензируемого сборника.

Открывает сборник небольшая статья-вступление А.В. Воронцова «Великий Октябрь и вызовы XXI века», в которой отмечается значение Великой Российской революции в отечественной и мировой истории. Главное её цивилизационное значение, по мнению автора, заключается в социальной составляющей. В следующей за ней статье В.В. Калашникова «Причины русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии)» рассмотрена эволюция оценок дореволюционной России, современные дискуссии о закономерности и случайности революции. Среди прочего в статье рассмотрено соотношение данных советских и зарубежных историков и новой концепции Б.Н. Миронова, которая, на взгляд Калашникова, игнорирует ряд из них (сторонников «нового направления») и упрощает ситуацию. Данная статья, наряду с другими историографическими исследованиями В.В. Калашникова, значительно уточняет современное осмысление российской революции 1917 г., ее причинно-следственные связи, роль революции в последующей истории России³. К этим работам примыкает последняя по оглавлению, но одна из интереснейших статей сборника Г.З. Иоффе «“Главный историк 17-го года” и его трехтомник (воспоминания редактора)», в которой автор вспоминает перипетии своей работы по редактированию этапной советской работы по истории российской революции 1917 г. академика И.И. Минца⁴. Близкой к указанным публикациям яв-

¹ См., например: *Николаев А.Б.* Государственная дума и Февральская революция // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. – Санкт-Петербург: Лики России, 2014. – Т. 3. Февральская революция. – С. 186–342.

² *Николаев А.Б.* От составителя // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. – С. 3.

³ См., например: *Калашников В.В.* Новейшая историография Февральской революции: экспресс-анализ // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сборник докладов международной научной конференции 3 марта 2017 / Ответственный редактор профессор В.В. Калашников; под редакцией кандидата исторических наук Д.Н. Меньшикова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, 2017. – С. 137–174.

⁴ *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3 т. – Москва: Наука, 1967–1973.

ляется статья М.Б. Глотова «Социология в России после Октябрьской революции 1917 г.».

Остальные статьи сборника посвящены уже отдельным проблемам русской революции и ее предтеч. Работа А.А. Иванова «"Дуэльные" казусы в преддверии революции: к истории травли главы МВД А.Д. Протопопова» очевидно послужила одной из апробаций вскоре изданной замечательной монографии автора по дуэлям в Государственной думе⁵. Однако статья ценна и сама по себе, т. к. фиксирует не просто «нерукопожатость» Протопопова среди думских либералов, но и другие стереотипы оппозиции к государственным структурам. В этом отношении интерес представляет статья А.М. Смирновой «Социальное положение, чаяния и надежды петроградской интеллигенции накануне Февральской революции (1916 – начало 1917 гг.)». В ней выделяются общие характеристики петроградской интеллигенции, своеобразное, на наш взгляд, «корпоративное мышление», опять-таки с целым рядом стереотипов по отношению к властям. На росте радикальных взглядов интеллигенции сказывалась, как это убедительно показано в статье, и Первая мировая война. При этом речь шла не только об экономических причинах, но и росте популярности пацифистских идей. Это было характерно для всех категорий интеллигенции, но наиболее – для учительства, что нашло отражение в историографии (например, работы Н.Н. Смирнова)⁶. Очевидна связь проблематики этой публикации со статьей О.Н. Ерошкиной «Эволюция общественно-политических настроений интеллигенции Петрограда в период революционного кризиса 1917 года», которая продолжила поднятую тему. В свою очередь статья М.А. Златиной «Круг проблем, обсуждавшихся на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев в январе – марте 1917 г.» рассматривает попытки разрешения одной из важнейших социальных проблем предреволюционного года. Согласно автору, подход к разрешению указанной проблемы также не отличался новизной.

Хорошо представлена в сборнике проблематика Февральской революции. Здесь наличествуют самые разноплановые статьи. Известная тема «применение пулеметов» в ходе Февральской революции уточняется в статье А.Г. Румянцева «Об использовании пулеметов с броневигов в дни Февральской революции 1917 года». В ней рассмотрена одна из версий появления пулеметов: снятие их с броневигов, в т. ч. с ремонтируемых, а также – из мастерских и со склада Западного автобронедивизиона. Не отрицая данных случаев, автор приходит к

⁵ Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018.

⁶ Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция. (1914–1916 гг.) // Россия и Первая мировая война. (Материалы Международного colloквиума). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 267–269.

мнению, что большинство пулеметов оказались в руках восставших, а не сторонников самодержавия.

А.И. Шанявский в своей статье «Федор Федорович Линде – активный участник Февральской революции» уточняет ряд моментов биографии Ф.Ф. Линде, которому он уделял внимание и в других своих публикациях⁷. На основе воспоминаний дана подробная характеристика дореволюционной биографии Линде, правда почему-то не приводятся материалы архивных фондов Императорского университета⁸. Однако в дальнейшем биография Линде рассмотрена тщательнее, с привлечением архивных материалов. Обстоятельно, с привлечением мемуаров и периодической печати, в статье охарактеризована биография Линде в февральско-мартовские дни.

Роли Царскосельского уезда в революционных событиях посвящена статья Б.Д. Гальпириной «Эсеры, меньшевики и большевики в борьбе за власть в Царскосельском уезде Петроградской губернии (февраль – октябрь 1917 г.)». На наш взгляд, можно согласиться с автором статьи, что указанный уезд и политическая обстановка в нем, наряду с Петергофским, оказали наибольшее влияние на ход Российской революции 1917 г. Региональной тематике также посвящена статья Е.Ю. Дубровской «Расстановка общественно-политических сил в Петрозаводске в период российской революции (весна – лето 1917 г.)». Схожей тематике противостояния политических сил на местах посвящена статья Д.А. Бажанова «Процесс создания органов революционной власти в Гельсингфорсе 2–4 марта 1917 г.». Данный город, база Балтийского флота, оказал не меньшее влияние на ход революции, в т. ч. на радикализацию политического процесса 1917 г. Данная тема уже давно стала предметом научных изысканий, среди которых можно выделить работы В.И. Старцева⁹, Е.Ю. Дубровской¹⁰, А.Б. Николаева¹¹ и других известных специалистов по истории революционного 1917 г. Статья же Д.А. Бажанова (на материалах Российского государственного архива Военно-Морского Флота – РГАВМФ) уточняет многие моменты

⁷ Шанявский А.И. Федор Федорович Линде: опыт политической биографии // Пятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. – Санкт-Петербург: НИЦ «Мемориал», 2018. – С. 25–33.

⁸ Линде Фридрих Фридрихович // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 14. – Оп. 3. – Д. 39883.

⁹ Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. – С. 6–32.

¹⁰ Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2008.

¹¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. – Т. 1. – С. 531, 534, 535, 546, 548, 549, 564–565.

перехода власти к «революционным кругам» и их особенности, в частности речь идет об обстоятельствах вспышки насилия в Гельсингфорсе. Наряду с другими его статьями о Балтийском флоте¹², данная публикация создает в будущем, на наш взгляд, основу для обобщающей научной монографии.

Цена революции стала также предметом статьи Д.В. Надсаднова «В поисках жертв Великой русской революции: метрические книги как источник для выявления погибших от революционного насилия в Петрограде в 1917 году». Отметим вводимые им архивные материалы метрических книг 42 церквей (506 записей о насильственной смерти с 8 января по 31 декабря 1917 г.), которые наряду с выявленными данными Д.А. Бажанова и А.Б. Николаева¹³, позволяют представить всю трагичность тех дней, которые исключили возможность мирного перехода власти. Большим плюсом публикации являются приложения: февральско-мартовский, июльский и октябрьский мартирологи. Отметим их высокий уровень атрибуции: это хронологически составленные пофамильные списки погибших, с указанием места и даты рождения, обстоятельств гибели, мест захоронений и т.д.). Единственное замечание, на наш взгляд, может быть отнесено к названию статьи, в котором указывается на революционное насилие, без указания на схожие явления со стороны сторонников прежнего строя.

Своеобразным продолжением тематики статьи Д.А. Бажанова является статья Е.А. Козловой «Взаимодействие Местного флотского комитета Ревеля с революционными органами власти (март – октябрь 1917 г.)». Статья Козловой показывает, что явления, фиксируемые в Гельсингфорсе, также были характерны и для Ревеля. Своеобразным итогом проблемы революционного и контрреволюционного насилия является статья А.И. Петрова «Советы как органы помощи жертвам Февральской революции (март – октябрь 1917 г.)». Данная статья является, на наш взгляд, продолжением изысканий автора по уточнению жертв знаковых событий, начатых ранее еще в работах, посвященных «Кровавому воскресенью»¹⁴. Отметим широкий круг органов власти, исследованных автором статьи, ответственных за сбор информации, выплату пособий и т.д.: от думского Комитета до подразделений районных и Петроградского советов.

¹² См., например: *Бажанов Д.А.* Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей.* – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. – С. 156–66.

¹³ *Николаев А.Б.* Отрезанные головы Февральской революции // *90 лет Февральской революции: Сб. науч. ст. / Ответственный составитель А.Б. Николаев.* – Санкт-Петербург: Элексис Принт, 2007. – С. 33–42; *Николаев А.Б.* Кровавый февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* – 2017. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 60–74.

¹⁴ *Петров А.И.* Документы ЦГИА Санкт-Петербурга о жертвах 9 января 1905 г. // *Отечественные архивы.* – 2018. – № 3. – С. 58–63.

Схожей тематике посвящена и статья П.Н. Гордеева «Великокняжеские дворы и управления делами в 1917 году», по своему объему представляющая собой большую проработанную главу будущей научной монографии. В статье смещается только объект исследования насилия, с личностного на экономический (на имущество представителей великокняжеских семей). При этом автором убедительно показывается, что в революционный период 1917 г., при всех материальных потерях, ряду великокняжеских семей удалось еще сохранить значимую часть своих доходов, включая доходы от имений.

Безусловно, интересной представляется и статья К.Е. Дранцова «Митинги и демонстрации у Таврического дворца весной 1917 года», в которой рассмотрены различные аспекты приходов «делегаций» воинских частей, женщин, представителей национальных организаций. Можно пожелать автору лишь большей академичности текста, в котором присутствует порой излишняя литературность образов: «крышка с котла бурлящих народных страстей», «Вопли “Хлеба”!» и т. д.

Важной публикацией сборника, уточняющей многие обстоятельства начального периода Российской революции 1917 г., представляется статья А.Б. Николаева, изучающего деятельность временных судов в Петрограде¹⁵, «Члены домовых комитетов перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.)». В ней рассматриваются различные аспекты деятельности домовых комитетов в Петрограде, в т. ч. злоупотребления с их стороны в свете появившихся экономических и политических возможностей: махинации с карточками, захваты собственности, обыски квартир, незаконная винная торговля и т. д. Социальную проблематику 1917 г. в сборнике продолжает статья Е.С. Гавроевой «Письма во власть», в которой рассмотрены письма к торжественному заседанию депутатов Государственной думы всех четырех созывов, состоявшемуся 27 апреля 1917 г. (народные представители и М.В. Родзянко). Гавроева, известная исследованиями «писем во власть», в т. ч. публикациями на предыдущих Герценовских конференциях¹⁶, рассматривает в указанной статье предысторию депутатского заседания комитета 27 апреля 1917 г., телеграммы и письма к указанному событию. В статье производится их разбор применительно к характеристике деятельности ВКГД и ее председателя. Политическое видение российских революционных процессов в далекой Исландии в октябре – декабре 1917 г. на материалах пяти важнейших периодических изданий представлено в

¹⁵ Николаев А.Б. Домовладельцы перед Временным судом (Петроград, весна – лето 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. – С. 139–155.

¹⁶ Гавроева Е.С. Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. – С. 76–82.

статье О.С. Позняк «Русская революция 1917 года в отражении исландской периодической печати».

Интерес, на наш взгляд, представляет статья К.А. Тарасова «О выполнении приказов в революционной армии: генерал П.А. Половцов и пулеметчики в мае – июне 1917 г.», являющаяся продолжением авторского исследования истории Петроградского гарнизона в 1917 г., проблематики насилия в мае-июле указанного года¹⁷. В центре внимания автора находится проблема сопротивления воинских частей их выводу на фронт. Среди воинских подразделений, рассмотренных применительно к этой проблеме, Первый запасной пулеметный полк. Именно он стал основой июльских событий, которые подробно описаны в статье.

Целый ряд статей сборника посвящен социальным страницам истории 1917 г. А.А. Чемакин в статье «"И останется, как прежде, нашим, русским Киев-град": Внепартийный блок русских избирателей и выборы в Киевскую городскую думу 23 июля 1917 г.» разбирает особенности выборного процесса на окраинных национальных территориях, деятельность Внепартийного блока русских избирателей, зарегистрированного под № 3, по выборам в Киевскую городскую думу. При этом им разбираются, как программа блока, так и способы ведения избирательной кампании: от плакатов до стихотворных форм. А.Ю. Давыдов в статье «Антимешочнические мероприятия органов Временного правительства. 1917 г.» анализирует предтечи продовольственной политики большевиков, которой он посвятил свое более раннее, уже ставшей классическим, исследование¹⁸.

Вопросы реформирования медицины раскрываются в статье А.А. Смирновой «К вопросу о реформировании высшей медицинской школы (на примере Военно-медицинской академии)», а Т.Г. Фруменкова в работе «Воспитательные дома и начало формирования новой системы “защиты детей”» анализирует политику защиты детства. К этой публикации по тематике примыкает статья Т.И. Пашковой «Детям о революции (по материалам детских журналов для среднего и старшего возраста 1917–1918 гг.)».

Отметим и завершающие публикации сборника. Исследование И.А. Лапиной «Социал-демократическая группа «Вперед» и «впередовская» концепция развития революции» уточняет страницы истории известной леворадикальной политической организации, влившейся в 1917 г. в РСДРП (б). В работе использованы различные источники, от периодической печати и политических работ, до мемуаров и архивных материалов. Статья могла быть уси-

¹⁷ Тарасов К.А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае – июне 1917 г. // Новейшая история России. – 2014. – № 1. – С. 28–39.

¹⁸ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. – Санкт-Петербург: Наука, 2000.

лена за счет материалов РГАСПИ (Фонд 436), но в данном случае это создает задел для будущих исследований.

Важной проблеме посвящена статья В.И. Мусаева «Пьяные погромы в Петрограде в конце 1917 – начале 1918 гг.», которая уточняет ранее опубликованные им материалы по указанной тематике¹⁹. Соглашаясь со многими высказываниями автора, отмечу, что термин «погром» в статье при освещении февральских событий 1917 г. трактуется порой излишне широко. Примером подобного широкого толкования является, в частности, описание инцидента на квартире Ф. Кроми, который погромом сложно назвать. Вместе с тем остальной текст выполнен очень тщательно. Особенно подробно автором разобраны случаи пьяных погромов в послеоктябрьский период: аккумулированы архивные материалы, газетные публикации, мемуары. Приводятся автором и возможные причины этого явления.

Подводя итог разбора материалов сборника, можно отметить его неординарность. Он не только выявляет частные и общие явления истории Российской революции 1917 г., представляя итоги плодотворной работы авторов на протяжении ряда лет, но и делает задел на будущее, фактически обозначая выход у многих авторов сборника новых монографических исследований.

¹⁹ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 годы и борьба с ней. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001.

The jubilee 2017 was marked by the publication of many historical monographs and articles on the Great Russian Revolution of 1917. The year was also informative in relation to specialized scientific conferences. One of them was the All-Russian Scientific Conference “The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views,” held on November 10, 2017 by the Faculty of History and Social Sciences of the Herzen State Pedagogical University of Russia. However, being organized in the year of the 100th anniversary of the Revolution and carrying a certain jubilee message in itself, this conference stands out. The fact is that the tradition of holding scientific conferences devoted to the study of the 1917 Revolution in Herzen University was established by Vitalii Ivanovich Startsev, who headed the department of Russian history in 1984–1998. This tradition was renewed and continued by A. Nikolaev, a well-known specialist in the history of the February Revolution,¹ who has been the head of the department of Russian History since 2012. In 2007, the department held a conference dedicated to the 90th anniversary of the February Revolution of 1917, and since 2008, it “takes place annually under the title ‘The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views.’”² The brightest papers of the 2017 conference presented in the form of 28 articles became the basis of the collection under review.

The collection opens with a short introductory article by A. Vorontsov “The Great October and the Challenges of the 21st Century,” which points out the importance of the Great Russian Revolution in Russian and world history. Its main civilizational significance, according to the author, lies in its social component. The following article by V. Kalashnikov “The Causes of the Russian Revolution of 1917 (on the ‘Paradigms’ of Soviet Historiography)” considers the evolution of estimation of pre-revolutionary Russia as well as the up-to-date discussions about the regularity and randomness of the revolution. Among other things, the article considers the relationship between the data of Soviet and foreign historians and the new concept of B. Mironov, which, from Kalashnikov’s point of view, ignores a series of them (the supporters of “the new direction”) and simplifies the situation. Along with other historiographical studies by V. Kalashnikov, this article significantly clarifies the modern understanding of the Russian Revolution of 1917, its cause-and-effect relations,

¹ See, e.g., A.B. Nikolaev, “The State Duma and the February Revolution” [in Russian], in *World War I and the End of the Russian Empire*, vol. 3. *The February Revolution* (St Petersburg: Liki Rossii, 2014), 186–342.

² A.B. Nikolaev, “From the compiler” [in Russian], in *The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles*, ed. A.B. Nikolaev, D.A. Bazhanov, and A.A. Ivanov (St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A.I. Gertsena, 2018), 3.

and the role of the revolution in the subsequent history of Russia.³ These works are joined by the last in the table of contents but one of the most interesting articles in the collection, the article by G. Ioffe “‘Chief Historian of the 17th year’ and his three-volume book (editor’s memoirs),” in which the author recalls the vicissitudes of his work on editing the landmark Soviet publication on the history of the Russian Revolution of 1917 by academician I. Mints.⁴ Close to these publications is the article of M. Glotov “Sociology in Russia after the October Revolution of 1917.”

Other articles of the collection are devoted to separate problems of the Russian Revolution and its forerunners. The work of A. Ivanov “‘Duelling’ Incidents on the Eve of the Revolution: the History of the Persecution of the Head of the Ministry of Internal Affairs A.D. Protopopov” was obviously an approbation for a wonderful monograph on the duels in the State Duma,⁵ which was published by the author soon. However, the article is valuable in itself, because it captures not just Protopopov’s “notoriety” among Duma liberals, but other stereotypes of the opposition to the state structures. In this respect, the article by A. Smirnova “Social Position, Aspirations and Hopes of the Petrograd Intelligentsia on the Eve of the February Revolution (1916 – early 1917)” is of interest. It highlights the general characteristics of the Petrograd intelligentsia and a kind of peculiar, to my mind, “corporate thinking” with a number of stereotypes in relation to the authorities. The growth of radical views of the intelligentsia, as it is convincingly shown in the article, was also affected by the First World War. At the same time, it was not only about the economic reasons, but also about the growing popularity of pacifist ideas. It was typical for all categories of the intellectuals, but for teachers most of all, which was reflected in historiography (for example, the works by N.N. Smironov).⁶ There is an obvious connection between the problems considered in this publication with the article by O. Eroshkina “The Evolution of Social and Political Sentiments of the Intelligentsia in Petrograd during the Revolutionary Crisis of 1917,” which continues the subject. In its turn, the article by M. Zlatina “The Range of Problems Discussed in the Meetings of the Special Conference on the Refugees Settlement in January–March 1917” considers the

³ See, e.g., V.V. Kalashnikov, “The newest historiography of the February revolution: express analysis” [in Russian], in *The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography: Collection of Papers of the International Scientific Conference on March 3, 2017*, ed. V.V. Kalashnikov, D.N. Men'shikov (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi elektrotekhnicheskii universitet “LETI” imeni V.I. Ul'yanova, 2017), 137–74.

⁴ I.I. Mints, *History of the Great October Revolution*, 3 vols. [in Russian] (Moscow: Nauka, 1967–1973).

⁵ A.A. Ivanov, *‘A Matter of Honour’: Deputies of the State Duma and Duelling Scandals (1906–1917)* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2018).

⁶ N.N. Smironov, “The War and the Russian Intelligentsia. (1914–1916)” [in Russian], in *Russia and the First World War (Proceedings of the International Colloquium)* (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999), 267–69.

attempts to solve one of the most important social problems of the pre-revolutionary year. According to the author, the approach to solving this problem was also not new.

The problems of the February Revolution are well presented in the collection. It contains the most diverse articles. The well-known issue of using machine guns during the February Revolution is specified in the article of A. Rumyantsev “On the Use of Machine Guns from Armored Cars in the Days of the February Revolution of 1917.” It discusses one of the versions of the appearance of machine guns, that is, removing them from the armored vehicles including those being repaired, as well as from the workshops and from the warehouse of the Reserve Motor Armored Cars Division. Without denying those cases, the author comes to the conclusion that most of the guns were in the hands of the rebels but not the supporters of autocracy.

In his article “Fedor Fedorovich Linde as an Active Participant in the February Revolution” A. Shanyavskii clarifies a number of aspects in the biography of F. Linde, to whom he paid attention in other publications⁷ as well. Based on the memoirs, a detailed description of Linde’s pre-revolutionary biography is given, although for some reason the materials from the archival fonds of the Imperial University⁸ are not used. Later, however, the biography of Linde was examined more carefully with references to the archival materials. The article describes the biography of Linde in the days of February–March in detail, referring to memoirs and periodicals.

The role of Tsarskoye Selo Uyezd in the revolutionary events is dwelt upon in the article by B. Gal’pirina “The Socialist Revolutionaries, Mensheviks and Bolsheviks in the Struggle for Power in the Tsarskoye Selo Uyezd of the Petrograd Province (February – October 1917).” In my opinion, one can agree with the author of the article that along with Petergof Uyezd, the uyezd mentioned above and the political situation in it had the greatest influence on the course of the Russian Revolution of 1917. The article by E. Dubrovskaya “The Disposition of Social and Political Forces in Petrozavodsk during the Russian Revolution (spring – summer 1917)” is devoted to the regional theme. D. Bazhanov’s article “The Process of Establishing the Bodies of Revolutionary Authority in Helsingfors on March 2–4, 1917” is devoted to the similar theme of confrontation of political forces at the local level. Helsingfors, the base of the Baltic Fleet, had great influence on the course of the revolution, including the radicalization of the political process in 1917. This issue has long been the subject of research which includes the works of V. Startsev,⁹ E. Dubrovskaya,¹⁰ A. Nikolaev,¹¹

⁷ A.I. Shanyavskii, “Fedor Fedorovich Linde: The Experience of Political Biography” [in Russian], in *The Fifteenth Readings in Memory of Veniamin Iofe. The Right for a Name: Biography of the 20th century* (St Petersburg: NITs “Memorial”, 2018), 25–33.

⁸ Linde Friedrich Fridrihovich. F. 14, op. 3, d. 39883. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St Petersburg], St Petersburg, Russia.

⁹ V.I. Startsev, “The Provisional Government and Finland in 1917” [in Russian], in *Russia and Finland in the 20th century* (St Petersburg: Evropeiskii Dom, 1997), 6–32.

and other well-known specialists in the history of the revolutionary 1917. The article by D. Bazhanov (based on the materials of RGAVMF, the Russian State Archive of the Navy) specifies many aspects of the transfer of power to the “revolutionary circles” and their features; in particular, it considers the circumstances of the outbreak of violence in Helsingfors. Along with other articles about the Baltic Fleet¹² written by the author, this publication may lay a foundation for a generalizing monograph in the future.

The price of the revolution was also the subject of the article by D. Nadsadnov “In Search of the Victims of the Great Russian Revolution: Parish Registers as a Source for Identifying Those Killed in the Revolutionary Violence in Petrograd in 1917.” Let me point out the archival materials of the parish registers of 42 churches introduced by the author (506 records of violent deaths from January 8 to December 31, 1917), which, along with the data revealed by D. Bazhanov and A. Nikolaev,¹³ allow us to imagine the tragedy of those days that excluded the wasted opportunity for a peaceful transfer of power. The appended February–March, July and October martyrologies are a great advantage of the publication. Noteworthy is their high level of attribution: they are chronologically compiled name lists of the dead with the indication of the place and date of birth, circumstances of death, burial places, etc. In my opinion, the only remark could be made about the title of the article that refers to the revolutionary violence without specifying similar phenomena on the part of the supporters of the previous system.

A kind of continuation of the subject of D. Bazhanov’s article is the article by E. Kozlova “Interaction of the Local Fleet Committee of Revel with the Revolutionary Authorities (March–October 1917).” The phenomena recorded in Helsingfors, as Kozlova’s article shows, were also characteristic of Revel. A summary to the problem of revolutionary and counterrevolutionary violence is the article by A. Petrov “Soviets as Organs of Assistance to the Victims of the February Revolution (March–

¹⁰ E.Yu. Dubrovskaya, *Russian Military Personnel and the Population of Finland during the First World War (1914–1918)* [in Russian] (Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, 2008).

¹¹ A.B. Nikolaev, *The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917* [in Russian], vol. 1 (St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A.I. Gertsena, 2017), 531, 534, 535, 546, 548, 549, 564–65.

¹² See, e.g., D.A. Bazhanov “Establishment and Functioning of Ship Committees in the Baltic in March – October 1917: the Phenomenon of Power” [in Russian], in *The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles* (St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A.I. Gertsena, 2017), 156–66.

¹³ A.B. Nikolaev, “Severed heads of the February revolution” [in Russian], in *90 years of the February Revolution: Collection of Scientific Articles*, ed. A.B. Nikolaev (St Petersburg: Eleksis Print, 2007), 33–42; A.B. Nikolaev, “Bloody February of 1917 in Petrograd: Against the Myths of the Revolution” [in Russian], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 18, iss. 4 (2017): 60–74.

October 1917).” This article may be seen as a continuation of the author’s research to define more precisely the victims of significant events which he started in the works devoted to Bloody Sunday.¹⁴ What should be mentioned here is that the author considers a wide range of authorities that were responsible for collecting information, paying benefits, and so on: from the Duma Committee to the divisions of district and Petrograd councils. The article by P. Gordeev “Grand Ducal Courts and Business Administration in 1917” is devoted to a similar topic and, given its length, might become a chapter of a future scientific monograph. The article shifts the focus of studying violence from personal to economic (to the property of the representatives of the grand-ducal families). At the same time, the author convincingly shows that in the revolutionary period of 1917, despite all the material losses, a number of grand-ducal families managed to save a significant part of their income, including the income from the estates.

Of undoubted interest is the article by K. Drantsov “Meetings and Demonstrations at the Tauride Palace in the Spring of 1917,” which examines various aspects of the arrival of the delegations of military units, women, and representatives of national organizations. One can only wish the author a more academic text, which is sometimes excessively belles-lettres: “the lid of the seething cauldron of popular passions,” “Screams ‘Bread!’” etc.

An important publication in the collection, clarifying many of the circumstances of the initial period of the Russian Revolution of 1917, is the article by A. Nikolaev, who studies the activities of provisional courts in Petrograd,¹⁵ “Members of House Committees before the Provisional Court (Petrograd, March – July 1917).” It examines various aspects of the activities of the house committees in Petrograd, including the advantages they took of the emerging economic and political opportunities: card fraud, property seizures, apartment searches, illegal wine trade, etc. Social issues of 1917 are further considered in the collection in E.S. Gavroeva’s article “Letters to the Authorities” which analyzed the letters to the solemn meeting of the deputies of the State Duma of all four convocations on April 27, 1917 (people’s representatives and M. Rodzianko). In this article, E. Gavroeva, known for her research of “the letters to the authorities” including the publications in the previous Herzen University conference proceedings,¹⁶ examines the background of the deputy meeting of the committee on April 27, 1917, and the telegrams and letters to the event. The article analyzes

¹⁴ A.I. Petrov, “Documents of the Central State Historical Archive of St Petersburg about the victims of January 9, 1905” [in Russian], *Otechestvennyye arkhivy*, no. 3 (2018): 58–63.

¹⁵ A.B. Nikolaev, “Homeowners before the Provisional Court (Petrograd, Spring – Summer of 1917)” [in Russian], in *The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles* (St Petersburg: ElekSis, 2015), 139–55.

¹⁶ E.S. Gavroeva, “Letters to the Authorities: Workers and M.V. Rodzianko (March 1917)” [in Russian], in *The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles* (St Petersburg: ElekSis, 2015), 76–82.

them in relation to the description of the activities of the Provisional Committee of the State Duma and its chairman. The political vision of the Russian revolutionary processes in faraway Iceland in October–December 1917 based on the materials of five major periodicals is presented in the article by O. Poznyak “The Russian Revolution of 1917 in the Reflection of the Icelandic Periodical Press.”

Of interest is the article by K. Tarasov “On the Execution of Orders in the Revolutionary Army: General P. Polovtsov and Machine-gunners in May–June 1917” which continues the author’s study of the history of the Petrograd garrison in 1917 and the problems of violence in May–July of that year.¹⁷ The author focuses on the problem of the resistance of military units to their withdrawal to the front. Among the military units considered in relation to this problem, is the First Reserve Machine Gun Regiment. It was the regiment that became the basis of the July events, which the article describes in detail.

A number of articles in the collection are devoted to the social pages of the history of 1917. The article by A. Chemakin “‘And Kiev-Grad Will Remain Ours, Russian, As Before’: The Non-Party Bloc of Russian Voters and Elections to the Kiev City Duma on July 23, 1917” examines the features of the electoral process in the marginal national territories and the activities of the Non-Party Bloc of Russian Voters, registered under number three for the elections to the Kiev City Duma. The author considers both the program of the bloc and the methods of conducting the election campaign: from posters to poetic forms. In the article “Anti-Confiscatory Measures of the Provisional Government. 1917” A. Davydov analyzes the forerunners of the Bolshevik food policy, to which he dedicated his earlier study¹⁸ that has already become classic.

The issues of reforming medicine are examined in the article by A. Smirnova “On the Issue of Reforming Higher Medical School (on the Example of the Military Medical Academy),” and T. Frumenkova in her work “Orphanages and the Beginning of the Formation of the New ‘Child Protection’ System” analyzes the policy of protecting children. Close to this subject is the article by T. Pashkova “To the Children about the Revolution (on the Materials of Children’s Magazines of 1917–1918 for Early and Mid-Teens).”

The final publications of the collection should be noted as well. I. Lapina’s study “Social Democratic Group *Vperyod* and *Vperyod*’s Concept of the Development of the Revolution” clarifies the pages of the history of the well-known left-wing political organization that merged into the RSDLP(b) in 1917. The work is based on various sources, from periodicals and political works to memoirs and archival materials.

¹⁷ K.A. Tarasov, “Manifestations of political violence in the Petrograd garrison in May – July 1917” [in Russian], *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1 (2014): 28–39.

¹⁸ A.Yu. Davydov, *Illegal Supply of the Russian Population and the Authorities. 1917–1921: Bagmen* [in Russian] (St Petersburg: Nauka, 2000).

The article could have been strengthened by the materials (Fond 436) from RGASPI, the Russian State Archive of Social and Political History, but in this case it has laid the groundwork for further research.

An important problem is considered in the article by V. Musaev “Drunken Pogroms in Petrograd in Late 1917 – Early 1918” which specifies the materials he published on this subject earlier.¹⁹ Agreeing with many of the author’s statements, I should say that when covering the events of February 1917, the author understands the term “pogrom” too broadly. In particular, an example of such a broad interpretation is the description of the incident in the apartment of F. Cromie, which can hardly be called a pogrom. However, the rest of the text is written very carefully. The author gives most detailed analysis of the cases of drunken pogroms in the post-October period referring to archival materials, newspaper articles, and memoirs. The possible reasons for this phenomenon are given as well.

Summing up the review of the collection, one can note its originality. Not only does it reveal general and special phenomena of the history of the Russian Revolution of 1917, presenting the results of the authors’ fruitful work over the years, but also lays the foundations for the future, indicating further publications of new monographic studies by many of the authors.

Список литературы

Бажанов Д.А. Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. – С. 156–166.

Гавроева Е.С. Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ЭлекСиС, 2015. – С. 76–82.

Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 341 с.

Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2008. – 128 с.

Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. – 634 с.

Калашников В.В. Новейшая историография Февральской революции: экспресс-анализ // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сборник докладов международной научной конференции 3 марта 2017 / Ответственный редактор В.В. Калашников; под редакцией Д.Н. Меньшикова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, 2017. – С. 137–174.

Миц И.И. История Великого Октября: в 3 т. – Москва: Наука, 1967–1973.

¹⁹ V.I. Musaev, *Crime in Petrograd in 1917–1921 and the fight against it* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001).

Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 годы и борьба с ней. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. – 207 с.

Николаев А.Б. Государственная дума и Февральская революция // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. – Т. 3. Февральская революция. – Санкт-Петербург: Лики России, 2014. – С. 186–342.

Николаев А.Б. Домовладельцы перед Временным судом (Петроград, весна – лето 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. – С. 139–155.

Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2017. – Т. 1. – 592 с.

Николаев А.Б. Кровавый февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 60–74.

Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции: Сборник научных статей / Ответственный составитель А.Б. Николаев. – Санкт-Петербург: Элексис Принт, 2007. – С. 33–42.

Николаев А.Б. От составителя // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2018. – С. 3–5.

Петров А.И. Документы ЦГИА Санкт-Петербурга о жертвах 9 января 1905 г. // Отечественные архивы. – 2018. – № 3. – С. 58–63.

Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция. (1914–1916 гг.) // Россия и Первая мировая война. (Материалы Международного коллоквиума). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 257–270.

Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1997. – С. 6–32.

Тарасов К.А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае – июле 1917 г. // Новейшая история России. – 2014. – № 1. – С. 28–39.

Шанявский А.И. Федор Федорович Линде: опыт политической биографии // Пятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. – Санкт-Петербург: НИЦ «Мемориал», 2018. – С. 25–33.

References

Bazhanov, D.A. “Sozdanie i funktsionirovanie sudovykh komitetov na Baltike v marte – oktyabre 1917 g.: fenomen vlasti” [Establishment and functioning of ship committees in the Baltic in March – October 1917: the phenomenon of power]. In *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: new approaches and views. Collection of scientific articles], 156–66. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2017. (In Russian)

Davydov, A.Yu. *Nelegal'noe snabzhenie rossiiskogo naseleniya i vlast'. 1917–1921 gg.: Meshochniki* [Illegal supply of the Russian population and the authorities. 1917–1921: Bagmen]. St Petersburg: Nauka, 2000. (In Russian)

Dubrovskaya, E.Yu. *Rossiiskie voennosluzhashchie i naselenie Finlyandii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918)* [Russian military personnel and the population of Finland during the First World War (1914–1918)]. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Gavroeva, E.S. “Pis'ma vo vlast': rabochie i M.V. Rodzyanko (mart 1917 g.)” [Letters to the authorities: workers and M.V. Rodzianko (March 1917)]. In *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: New approaches and views. Collection of scientific articles], 76–82. St Petersburg: ElekSis, 2015. (In Russian)

Ivanov, A.A. *'Delo chesti': deputaty Gosudarstvennoi dumy i duel'nye skandaly (1906–1917)* [‘A matter of honor’: deputies of the State Duma and duelling scandals (1906–1917)]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2018. (In Russian)

Kalashnikov, V.V. “Noveishaya istoriografiya Fevral'skoi revolyutsii: ekspres-analiz” [The newest historiography of the February revolution: express analysis]. In *Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii: sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 3 marta 2017* [The February Revolution of 1917: Problems of history and historiography: Collection of papers of the International scientific conference on March 3, 2017], edited by V.V. Kalashnikov, D.N. Men'shikov, 137–74. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi elektrotekhnicheskii universitet “LETI” im. V.I. Ul'yanova, 2017. (In Russian)

Mints, I.I. *Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3 t.* [History of the Great October Revolution: in 3 volumes]. Moscow: Nauka, 1967–1973. (In Russian)

Musaev, V.I. *Prestupnost' v Petrograde v 1917–1921 gody i bor'ba s nei* [Crime in Petrograd in 1917–1921 and the fight against it]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Domovladel'tsy pered Vremennym sudom (Petrograd, vesna – leto 1917 g.)” [Homeowners before the Provisional Court (Petrograd, spring – summer of 1917)]. In *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: new approaches and views. Collection of scientific articles], 139–55. St Petersburg: ElekSis, 2015. (In Russian)

Nikolaev, A.B. *Dumskaya revolyutsiya: 27 fevralya – 3 marta 1917 goda: v 2 t.* [The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917. 2 vols]. Vol. 1. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2017. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Gosudarstvennaya дума i Fevral'skaya revolyutsiya” [The State Duma and the February Revolution]. In *Pervaya mirovaya voyna i konets Rossiiskoi imperii: v 3 t. T. 3. Fevral'skaya revolyutsiya* [World War I and the end of the Russian Empire: in 3 volumes. Vol. 3. The February Revolution], 186–342. St Petersburg: Liki Rossii, 2014. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Krovavyi fevral' 1917 goda v Petrograde: protiv mifov revolyutsii” [Bloody February of 1917 in Petrograd: against the myths of the revolution]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 18, issue 4 (2017): 60–74. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Otrezannye golovy Fevral'skoi revolyutsii” [Severed heads of the February revolution]. In *90 let Fevral'skoi revolyutsii: Sbornik nauchnykh statei* [90 years of the February Revolution: Collection of scientific articles], edited by A.B. Nikolaev. St Petersburg: Eleksis Print, 2007. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Ot sostavitelya” [From the compiler]. In *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei* [The Russian Revolution of 1917: new approaches and views. Collection of scientific articles], edited by A.B. Nikolaev, 3–5. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2018. (In Russian)

Petrov, A.I. “Dokumenty TsGIA Sankt-Peterburga o zhertvakh 9 yanvarya 1905 g.” [Documents of the Central State Historical Archive of St Petersburg about the victims of January 9, 1905]. *Otechestvennye arkhivy*, no. 3 (2018): 58–63. (In Russian)

Shanyavskii, A.I. “Fedor Fedorovich Linde: opyt politicheskoi biografii” [Fedor Fedorovich Linde: The Experience of Political Biography]. In *Pyatnadsatye chteniya pamyati Veniamina Iofe*.

Pravo na imya: Biografika 20 veka [The fifteenth readings in memory of Veniamin Iofe. The right for a name: Biography of the 20th century], 25–33. St Petersburg: NITs “Memorial,” 2018. (In Russian)

Smirnov, N.N. “Voina i rossiiskaya intelligentsiya. (1914–1916 gg.)” [The war and the Russian intelligentsia. (1914–1916)]. In *Rossiya i Pervaya mirovaya voina. (Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma)* [Russia and the First World War. (Proceedings of the International colloquium)], 257–70. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. (In Russian)

Startsev, V.I. “Vremennoe pravitel'stvo i Finlyandiya v 1917 g.” [The Provisional Government and Finland in 1917]. In *Rossiya i Finlyandiya v XX v.* [Russia and Finland in the 20th century], 6–32. St Petersburg: Evropeiskii Dom, 1997. (In Russian)

Tarasov, K.A. “Proyavleniya politicheskogo nasiliya v Petrogradskom garnizone v mae – iyule 1917 g.” [Manifestations of political violence in the Petrograd garrison in May – July 1917]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1 (2014): 28–39. (In Russian)

Ратьковский Илья Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Институт Истории СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
i.ratkovskij@spbu.ru

Rat'kovskii, Il'ya

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Institute of History, Saint Petersburg State University
(St Petersburg, Russia)
i.ratkovskij@spbu.ru

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-7

Историк и историография в зеркале юбилея***Historian and Historiography in the Mirror of an Anniversary**

Рецензия на: Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С.Н. Полторак (общая редакция), И.А. Тропов (ответственный редактор) и другие. – Санкт-Петербург: Полторак, 2018. – 272 с.

A Review of: S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., eds. *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladlen Semenovich Izmozik]. St Petersburg: Poltorak, 2018.

Юбилейный сборник как явление историографического процесса и формат издания обладает своей давно сложившейся традицией. Она обязывает составителей любой подобной книги показывать фигуру ученого-эпонима так, чтобы его личные и профессиональные свойства и заслуги – представляемые обычно в мемуарно-комплиментарном ключе, силами коллег, учеников и друзей – не за-

* Для цитирования: Всеволодов А.В. Историк и историография в зеркале юбилея. *Рецензия на:* Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С.Н. Полторак (общая редакция), И.А. Тропов (ответственный редактор) и другие. – Санкт-Петербург: Полторак, 2018. – 272 с. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 3. С. 1046–1064. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-7

For citation: Vsevolodov, A. “Historian and Historiography in the Mirror of an Anniversary. *A Review of:* S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., eds. *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladlen Semenovich Izmozik]. St Petersburg: Poltorak, 2018.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 1046–1064, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-7>

© Всеволодов А.В., 2019

© Vsevolodov A., 2019

слоняли научных целей, для достижения которых сборник задумывался. Действительно, историография и биография в нем близки друг другу порой до смешения, но законное желание как-то их разграничить или оттенить одно композиционное начало другим ведет порой к лоскутности, сюжетной пестроте. В результате теряется логико-содержательная связность – а без нее сборник превращается в академический конвюлт, лишенный какой бы то ни было концепции; в перечень трудов, оказавшихся под одной обложкой лишь по случаю.

Оправдать и обосновать внутреннюю нестройность может только широта исследовательских интересов юбиляра. Если его масштаб как ученого и как человека таков, что вокруг него сформировалась не просто сеть профессиональных контактов, а сообщество подлинных единомышленников, для которых он и авторитет, и двигатель, и нравственный камертон – тогда иной направляющей идеи, кроме его личности, не нужно. В этом случае сборник, конечно, интересен (хотя и меньше всего) как коллективное поздравление или сводная выставка достижений. Однако гораздо важнее его несправадная – диагностическая роль: способность фиксировать, пусть и в отдельных чертах, состояние исторического знания, динамику тенденций, направлений, тем, конфигурацию проблемных полей, институциональную и коммуникативную картину исторической науки. Помимо содержания самих текстов, любой параметр книги – география авторства, тематический диапазон, составительское и редакторское мастерство, техническое оформление и дизайн, иллюстративный ряд и др. – может дать немало информации к постановке общего «диагноза».

Недавно вышедший сборник в честь 80-летия видного российского историка В.С. Измозика, если применять к нему этот условно медицинский подход, интересен как свидетельство культуры исторического мышления, которая свойственна именно Петербургу. Это – петербургская, даже в чем-то «питерская» книга не только по подбору авторов (среди них также ученые из США, Москвы, Краснодар, Оренбурга), но в первую очередь по ощущаемой через текст близости их друг к другу, тесноте их общения, сотрудничества и, конечно, соученичества. Всего годом ранее увидел свет другой сборник – памяти члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина (1926–2014), для которого В.С. Измозик (ученик Рафаила Шоломовича) подготовил статью². И неслучайно имя Ганелина звучит уже на первых страницах рецензируемой книги³. Оно стоит в одном

² Измозик В.С. Место органов ВЧК–ОГПУ в организации политического контроля в СССР в 1920-е гг. // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / ответственные редакторы М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. – Москва: Новый хронограф, 2017. – С. 436–452.

³ Рудник С.Н. Слово об историке, коллеге, друге и просто порядочном человеке // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича

ряду с именами Ю.В. Егорова и А.З. Ваксера, с которыми также связано становление Измолика как ученого. В этом и дань уважения патриарху Петербургской школы, и признательность по отношению к Ганелину как к учителю – свидетельство живой преемственности поколений.

Характерно, что оба издания следуют общему архетипу: начальный раздел, отводимый целиком юбиляру, дополняется тематическими – отражающими и развивающими его исследовательские интересы. Различия появляются только в финальной части. В ганелинском сборнике эту позицию, по понятным причинам, занимает список трудов. Составители сборника в честь Измолика пошли по другому пути: «закольцевали» ее композицию биографическими этюдами – С.Н. Полторака о студенческих годах Даниила Гранина и С.В. Любичанковско-го о саратовском историке Г.А. Герасименко⁴. При этом открывающий сборник раздел (с. 5–24) намеренно сделан лаконичным. Потому в его шаблонном, на первый взгляд, названии нет повода для иронии: это в прямом смысле «несколько слов о юбиляре». Корректность такого определения обеспечивается структурой раздела и содержанием текстов. Вместо вполне уместного здесь жизнеописания читатель обнаружит лишь некоторые фотографии из личного архива В.С. Измолика. Они отмечают основные этапы жизненного пути ученого, создавая тем самым микрохронологию раздела. Сугубо биографических сведений в текстах немного. Порядок следования статей нисходящий, что определяется принадлежностью авторов к разным исследовательским поколениям. Доктор исторических наук А.М. Плеханов как старший коллега акцентирует внимание на научно-организаторской деятельности Владлена Семеновича – его роли в создании и работе Общества по изучению истории отечественных спецслужб и проведении ежегодных «Исторических чтений на Лубянке»⁵. Заведующий кафедрой Санкт-Петербургского горного университета С.Н. Рудник рассказывает об Измолике как о друге и соавторе – и в этом контексте раскрывает некоторые черты его творческой манеры, проявившиеся, например, при подготовке известной монографии о «черных кабинетах» или в написании

Измолика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и др. – Санкт-Петербург: Полторак, 2018. – С. 12; *Подольский С.И.* «Владлена Семеновича знает весь город»: заметки из блокнотов о В.С. Измолике // Государство, общество, личность в истории России. – С. 20.

⁴ *Полторак С.Н.* О студенческой жизни Д.А. Германа – будущего писателя Даниила Гранина // Государство, общество, личность. – С. 246–251; *Любичанковский С.В.* Профессор Г.А. Герасименко глазами коллеги-историка (о книге П.С. Кабытова. «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко») // Государство, общество, личность в истории России. – С. 252–257.

⁵ *Плеханов А.М.* Ветеран исторической науки // Государство, общество, личность в истории России. – С. 5–10.

учебников для средней школы⁶. Для С.И. Подольского Измозик уже – мэтр, чье имя, знакомое с детства, уважительно упоминают в лекциях вузовские преподаватели. Он и наставник, общение с которым приносит ценный личный опыт, и, наконец, свидетель и редкий знаток прошлого Ленинграда-Петербурга⁷.

Второй раздел сборника (с. 25–87) посвящен проблемам российской истории XVIII – начала XX вв. Сюжетный диапазон входящих в него работ достаточно широк – от развития регионального книжного дела (этому посвящена обзорная статья С.В. Степанова) до значения Отдельного корпуса пограничной стражи как части системы имперского политического контроля, рассмотренного А.А. Плехановым. И все же доминирует в разделе тематика, связанная с изучением диалога общества и власти в разных формах и контекстах. В центре внимания авторов рукописная словесность, публицистика и документная коммуникация. Так, И.Е. Барыкина, продолжая серию своих исследований о графе Д.Н. Толстом, установила, что он, а вовсе не его куда более известный племянник Д.А. Толстой, как считалось ранее, является автором статьи «Голос из Германии 1859 года», посвященной поражению Австрии в войне с Францией и Пьемонтом. Для Толстого-дяди одна из причин такого исхода заключалась в активной деятельности Католической церкви, излишняя самостоятельность которой существенно ослабила позиции Австрии в условиях конфликта. Дмитрий Николаевич полагал, что в России, где Православная церковь и императорская власть находятся в исторически неизбежном альянсе, пагубная для страны вольность духовенства в принципе невозможна. Состоявшийся же в Австрии «чудовищный союз либерализма с папизмом» должен был послужить для нашей страны еще одним предостережением от непродуманных реформ, нацеленных на разрушение традиционных политических институтов. Охранительные взгляды Д.Н. Толстого, их антикатолический пафос были, как отмечает Барыкина, усвоены Д.А. Толстым и реализованы в государственной деятельности последнего⁸.

Традиционализм вкупе с жестким противодействием разлагающим влияниям извне как рецепт обеспечения общественно-политической стабильности и культурный императив анализируются Е.И. Щербаковой. На материалах «Письма старушки-патриотки» – анонимного доноса, сохранившегося в бумагах Третьего отделения – автор показывает, как в сознании известной части российского общества 1850-х гг. «иностранное» / «европейское» становилось

⁶ Рудник С.Н. Слово об историке, коллеге, друге и просто порядочном человеке. – С. 11–17.

⁷ Подольский С.И. «Владлена Семеновича знает весь город»: заметки из блокнотов о В.С. Измозике. – С. 18–24.

⁸ Барыкина И.Е. «Голос из Германии 1859 года». Неизвестная статья гр. Д.Н. Толстого // Государство, общество, личность в истории России. – С. 38–46.

коррелятом неблагонадежности, причем в фокусе патриотической критики оказывались не только сами иностранцы (прежде всего – губернеры), но и отечественная демократическая печать, транслировавшая «чуждые» ценности и нормы, знакомявшая российского читателя с «вредным» для него культурным содержанием⁹.

Донос следует считать базовым сигнальным механизмом и в то же время триггером для всей системы имперского политического контроля. На вершине этой персонально-институциональной пирамиды находился император, воля которого, в зависимости от обстоятельств ее объективации, становилась основанием для репрессий, инициировала и санкционировала разнообразные изменения общественного и личностного масштаба, либо подтверждала *status quo*. Исключительная возможность верховной власти вмешиваться в индивидуальную судьбу в условиях, когда нормативным способом заявления и решения любой, порой мельчайшей проблемы признавалась апелляция к монарху, была также мощным репутационным ресурсом. Пользуясь им, даже с учетом многочисленных ограничений, можно было соблюсти букву закона и при этом не разрушить патерналистский идеал отношений с подданными, который лишь отчасти попадал в сферу формально-правовой регламентации. Один из примеров того, как власть пыталась совмещать следование в фарватере реформистской политики с адресными отходами от нее из внимания к «гласу народа», нередко просившему милосердия вопреки закону, рассматривает С.Н. Рудник. На основе анализа всеподданнейших докладов Министра внутренних дел по прошениям об освобождении от воинской повинности и императорских резолюций по ним, историк приходит к выводу о том, что сам Устав о воинской повинности 1874 г. оставлял некоторый простор для монаршего снисхождения. Исходная гибкость его норм хорошо сочеталась с представлениями о Высочайшей милости и ее риторикой, более понятной и привычной просителям, чем официально-правовой язык. Тем более эффект милости усиливался, если освобождение от призыва давалось императором по чрезвычайным основаниям – в обход Устава¹⁰.

Самый обширный третий раздел сборника (с. 88–208) посвящен Великой российской революции 1917–1922 гг. Открывают его статьи М.М. Сафонова и А.Б. Николаева, посвященные событиям Февраля 1917 г. Первая работа посвящена анализу различий в изложении обстоятельств отречения Николая II в публикациях, синхронных самому событию, и версиях его участников (Н.В. Руз-

⁹ Щербакова Е.И. Шпионы-губернеры и коммунист Некрасов // Государство, общество, личность в истории России. – С. 53–60.

¹⁰ Рудник С.Н. Всесловная воинская повинность и патернализм власти (на примере всеподданнейших докладов министра внутренних дел) // Государство, общество, личность в истории России. – С. 67–78.

ского, А.И. Гучкова, В.В. Шульгина), озвученных позднее, в том числе в мемуарах эмигрантской поры. Акцент на добровольности отречения, особенно сильный в поздних текстах, очевидные различия в распределении ролей между участниками драмы подводят М.М. Сафонова к мысли о намеренном искажении первоначальной ее фабулы¹¹.

А.Б. Николаев продолжает тему революционных фальсификаций. В центре его внимания – вопрос о возможности издания знаменитого приказа № 1 как совместного акта Петроградского совета и Временного комитета Государственной думы и существовании так называемого «подложного» приказа, спровоцировавшего волнения в некоторых воинских частях. Попытка думско-советского сотворчества, по мнению автора, не увенчалась успехом, поскольку положения проекта приказа, соавтором которого Николаев называет Б.А. Энгельгардта, не нашли поддержки у членов Военной комиссии ВКГД. В результате приказ был издан одним Петроградским советом, что стало «стратегической ошибкой ВКГД»¹².

Региональным аспектам революционного процесса посвящены статьи А.В. Баранова о военно-политическом противостоянии на Дону в 1920–1922 гг., В.И. Хрисанфова и С.В. Степанова – об установлении Советской власти в Луге и Лужском уезде Петроградской губернии. Но полнее всего, конечно, представлена картина событий на главной арене революции – в Петрограде. Ценно, что материалы этой группы различны по жанру и исследовательской оптике. Например, впервые на русском языке опубликован фрагмент дневника французского дипломата Л. де Робьена об обстановке в столице в первой половине марта 1917 г. (публикацию подготовили А.М. Иорданская и И.А. Тропов). Дневник и воспоминания военного цензора В.В. Суханина, содержащие, в частности, описание его вынужденного путешествия из Петрограда на Юг России, подробно исследуются П.В. Батулиным.

Заслуженный профессор университета Индианы (США) А. Рабинович в обширном эссе анализирует механизмы преодоления кризисных ситуаций в Петрограде мая – июля 1919 г. Он полагает, что устойчивость большевистской власти в городе была связана с харизматическим лидерством, высокой мобилизационной готовностью партийного актива и эффективным применением террористических методов в оперативном управлении кризисами¹³.

¹¹ Сафонов М. М. Из истории отречения Николая II // Государство, общество, личность в истории России. – С. 88–98.

¹² Николаев А.Б. Из истории приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Государство, общество, личность в истории России. – С. 104 (вся статья – С. 99–106).

¹³ Рабинович А. Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май - июль 1919 г.) // Государство, общество, личность в истории России. – С. 162–178 (на с. 148–161 помещен текст статьи на английском языке).

А.Ю. Давыдов оригинально трактует феномен мешочничества, рассматривая его не только как практику, порожденную хаосом войны и революции и направленную в первую очередь на индивидуальное выживание, но и как систему кризисных коммуникаций, на основе которой возникали временные сообщества, позволявшие их членам приспособляться к новому порядку и ритму повседневного существования. Эти сообщества, спаянные общей «культурой дороги»¹⁴, воспитывали в своих членах общие черты характера (инициативность, упорство, трудолюбие и др.). В результате мешочнические коллективы обрели и зачаточную собственную идентичность, противопоставляя себя тем, кто в них не входил¹⁵.

Выживание государства, общества и личности является стержневой проблемой четвертого раздела («Великая отечественная война и послевоенное общество в СССР», с. 209–251). Она представляется через призму сюжетов, так или иначе связанных с институтами политического контроля. В подборе статей заметно желание составителей осветить самые болезненные и бурно обсуждаемые сегодня вопросы эпохи. Это и выживание блокадного Ленинграда в условиях дифференцированного доступа к ресурсам и привилегиям, о чем пишет М.В. Ходяков, и депортации как компонент национальной политики 1941–1953 гг. (см. статью В.И. Мусаева), и малоизученные стороны внутренней жизни советских исправительно-трудовых учреждений в 1950–1960-е гг. (о них – статья В.А. Иванова). Можно спорить о тенденциозности или оправданности такого подхода, но нельзя не отметить, что на фоне внутренне цельных предыдущих частей книги четвертый раздел выглядит менее стройно. Не совсем понятно, почему отделена от него весьма интересная статья А.В. Зотовой о финансовой политике СССР в отношении новообразованных прибалтийских республик в 1941 г.: она и содержательно, и хронологически гораздо теснее связана именно с «военным», а не с «революционным» блоком. Упомянутый очерк С.Н. Полторака о Данииле Гранине, напротив, ближе к заключительному – пятому разделу («Историческая наука в современном обществе (историографические очерки и историческая публицистика)», с. 252–265). Этот раздел вообще кажется «сделанным», собранным, что называется, по остаточному принципу. Отсюда, вероятно, и скромный объем, явно не соответствующий названию. Впечатление искусственности усиливается при знакомстве с текстом О.М. Хлобутова, представляющим собой скорее полемическое, а не строго научное вы-

¹⁴ Термин введен Т.Б. Щепанской (*Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.* – Москва: Индрик, 2003).

¹⁵ *Давыдов А.Ю. Дорожные мытарства времен «русской смуты» 1917–1921 гг.: закалка характера или деградация личностных качеств россиян? // Государство, общество, личность в истории России.* – С. 179–187.

сказывание на тему информационных войн и роли историков спецслужб в их осмыслении¹⁶.

Постепенно нарастающий диссонанс концепции и композиции, пожалуй, является самым существенным изъяном рецензируемой книги. Также обращает на себя внимание, что у С.И. Подольского, С.Н. Рудника и С.В. Степанова к печати были приняты сразу по две работы. Впрочем, подобная мягкость редакционных требований, скорее всего, вынужденная и обусловлена тем, что сборник – детище настоящих энтузиастов. К тому же, она лишней раз делает акцент на камерности как типологической черте издания. Достаточно большой, по современным меркам, тираж (300 экземпляров) позволяет надеяться, что книга найдет своего читателя не только среди специалистов, но и в более широкой аудитории.

¹⁶ *Хлобустов О.М.* Феномен слепправды // Государство, общество, личность в истории России. – С. 258–265.

The jubilee collection as a phenomenon of the historiographical process and as a publication format has a long-standing tradition. It obliges the compilers of any such book to show the figure of an eponymous scientist in such a way that his personal and professional qualities and merit – usually presented in a complimentary memoir manner by colleagues, students, and friends – would not overshadow the scientific goals which the collection was intended for. Indeed, in a jubilee collection, historiography and biography are so close to each other that sometimes they can merge, but a legitimate desire to somehow separate them or to set off one compositional principle by another sometimes leads to a patchwork and plot diversity. As a result, logical and substantive coherence is lost, and without it a collection turns into an academic convolute devoid of any concept and into a collection of works assembled under a single cover only by chance.

Only the breadth of research interests of the hero of the anniversary can justify and rationalize the internal lack of system. If his academic and personal scope is such that not just a network of professional contacts but a community of genuine like-minded associates for whom he is an authority, a mover and inspirer, and a moral tuning fork has formed around him, there is no need for a guiding idea other than his personality. In this case, of course, a collection is of interest (least of all, though) as a collective greeting or an exhibition summarizing achievements. However, what is more important is its non-holiday – diagnostic – role: the ability to record, even if in individual terms, the state of historical knowledge, the dynamics of trends, directions, and themes, the configuration of problem fields, the institutional and communicative picture of historical science. In addition to the content of the texts themselves, any parameter of the book – geography of authorship, thematic range, composing and editing skills, technical design, illustrations, etc. – can give a lot of information for making a general “diagnosis”.

A recently published collection in honour of the 80th anniversary of the eminent Russian historian Vladlen Izmozik, if we apply this conditionally medical approach to it, is interesting as evidence of the culture of historical thinking peculiar to St. Petersburg. This is a book from St Petersburg’s, even, in a way, from “Peter”, not only because of the selection of the authors (among them there are scholars from the USA, Moscow, Krasnodar, Orenburg), but in the first place because of their congeniality, intercommunication, cooperation and, of course, co-learning that can be felt in the text. Just a year earlier, another collection saw the light, the collection to commemorate Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences R. Ganelin (1926–2014), for which V. Izmozik (a student of Rafail Sholomovich) prepared an article.¹

¹ V.S. Izmozik, “Place of the VCheKa–OGPU Organs in the Organization of Political Control in the USSR in the 1920s” [in Russian], in *Historian. Time. Society: Collection of Works to the 90th*

And it is no coincidence that the name of Ganelin is mentioned on the first pages of the book under review.² It ranks with the names of Yu. Egorov and A. Vakser, who are also associated with the formation of Izmozik as a scientist. This is both a tribute to the patriarch of the St Petersburg school of thought and gratitude to Ganelin as a teacher, which is the evidence of the living continuity of generations.

It is significant that both publications follow a common archetype: the opening section devoted entirely to the hero of the anniversary is complemented by thematic sections that reflect and develop his research interests. Differences appear only in the final part. In the Ganelin collection, for obvious reasons, this position is taken up by the list of works. The compilers of the collection in honour of Izmozik went another way: they “looped” its composition with biographical sketches – by S. Poltorak about the student years of Daniel Granin and by S. Lyubichankovskii about G. Gerasimenko, a historian from Saratov.³ At the same time, the section, opening the collection (pp. 5–24), was intentionally made concise. Therefore, in its stereotyped at first glance title, there is no reason for irony: it is literally “a word on anniversary celebrant.” The correctness of this definition is provided by the structure of the section and by the contents of the texts. Instead of the biography that is entirely appropriate here, the reader will find only some photographs from the personal archive of V. Izmozik. They mark the main stages of the scholar’s life, thereby creating micro-chronology of the section. There is little biographical information in the texts. The order of the articles is descending, which is determined by the authors’ belonging to different research generations. Doctor of Historical Sciences A. Plekhanov as a senior colleague focuses on the scientific and organizational activities of Vladlen Semenovich – his role in the establishment and work of the Society for the Study of the History of the Domestic Intelligence Services and holding the annual “Historical Readings at Lubyanka.”⁴ S. Rudnik, head of department at St. Petersburg Mining

Anniversary of the Birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Rafail Sholomovich Ganelin (1926–2014), eds. M.A. Voskresenskaya, A.S. Krymskaya, E.V. Petrov (Moscow: Novyi khronograf, 2017), 436–52.

² S.N. Rudnik, “A word on historian, colleague, friend and just a man of honour” [in Russian], *In State, Society, Person in the History of Russia (18th – 20th centuries): Collection of Scientific Works to the 80th Anniversary of the Birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik*, ed. S.N. Poltorak, et al. (St Petersburg: Poltorak, 2018), 12; S.I. Podol'skii, “ ‘The whole city knows Vladlen Semenovich’: Sketches from Notebooks about V.S. Izmozik” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 20.

³ S.N. Poltorak, “About the Student Life of D.A. German – the Future Writer Daniil Granin” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 246–51; S.V. Lyubichankovskii, “Professor G.A. Gerasimenko through the Eyes of his Colleague-Historian (about the Publication of P.S. Kabytov “Life and Work of Professor Grigorii Alekseevich Gerasimenko”)” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 252–57.

⁴ A.M. Plekhanov, “Veteran of the Historical Science” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 5–10.

University, talks about Izmozik as a friend and co-author, and in this context reveals some features of his creative manner, which manifested themselves, for example, during the preparation of a well-known monograph about the “black rooms” or while writing the textbooks for high school.⁵ For S. Podol'skii Izmozik is already a Maître, whose name, known since childhood, university professors respectfully mentioned in their lectures. Not only is he a mentor, communication with whom brings valuable personal experience, but also a witness and a rare expert on the past of Leningrad–Petersburg.⁶

The second section of the collection (pp. 25–87) is devoted to the problems of Russian history in the 18th – early 20th centuries. The subject range of the works it contains is wide enough: from the development of regional bookmaking (this is the subject of a review article by S. Stepanov) to the significance of the Separate Corps of the Border Guard as a part of the imperial political control system (considered by A. Plekhanov). Yet, the subjects that dominate in the section are related to the study of the dialogue between the society and the authorities in various forms and contexts. The authors focus on handwritten literature, journalism and document communication. Thus, continuing a series of her research concerning Count D.N. Tolstoy, I. Barykina established that not his much more famous nephew D.A. Tolstoy, as was previously believed, but he was the author of the article “Voice from Germany in 1859,” dedicated to the defeat of Austria in the war with France and Piedmont. For Tolstoy Uncle, one of the reasons for this outcome was the vigorous activity of the Catholic Church, whose excessive autonomy significantly weakened Austria’s position in the context of the conflict. Dmitry Nikolaevich believed that in Russia, where the Orthodox Church and the imperial power are in a historically inevitable alliance, the clergy’s freedom, harmful for the country, is impossible in principle. The “monstrous union of liberalism and popery” that had been made in Austria should have served our country as another warning against ill-considered reforms aimed at the destruction of traditional political institutions. As Barykina pointed out, the protective views of D.N. Tolstoy and their anti-Catholic pathos were assimilated by D.A. Tolstoy and were implemented in the state activity of the latter.⁷

Traditionalism coupled with tough opposition to the corrupting outside influences viewed as a recipe for social and political stability and a cultural imperative are analyzed by E. Shcherbakova. Based on the “Letter of an Old Patriot Woman,” an anonymous information to the authorities preserved in the papers of the Third Division, the author shows how “foreign” / “European” became a correlate of disloyalty in the minds of a certain part of Russian society of the 1850s, patriotic criticism being fo-

⁵ Rudnik, “A word on Historian,” 11–17.

⁶ Podol'skii, “The Whole City Knows Vladlen Semenovich,” 18–24.

⁷ I.E. Barykina, “‘Voice from Germany in 1859’. Unknown article of Count D. N. Tolstoy” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 38–46.

cused not only on foreigners themselves (tutors in the first place), but also on the national democratic press which broadcasted “alien” values and norms and familiarized Russian readers with the cultural content “harmful” for them.⁸

Reporting to the authorities should be considered a basic signaling mechanism and at the same time a trigger for the entire system of imperial political control. At the top of this personal institutional pyramid was the emperor, whose will, depending on the circumstances of its objectification, made the basis for repression, initiated and sanctioned various changes of social and personal scale, or confirmed the status quo. The exceptional possibility of the supreme power to intrude in an individual fate under the conditions when the appeal to the monarch was recognized as the normative way of stating and solving any (sometimes even the smallest) problems was also a powerful reputational resource. Using it, even taking into account numerous restrictions, it was possible to keep the letter of the law and at the same time to preserve the paternalistic ideal of relations with the subjects, which only partly fell within the sphere of formal legal regulation. One of the examples of how the authorities tried to combine pursuing reformist policy with targeted deviations from it to pay attention to the *vox populi*, which often asked for mercy notwithstanding the law, is considered by S. Rudnik. Based on the analysis of the reports of the Minister of Internal Affairs on applications for exemption from military service and the imperial resolutions on them, the historian comes to the conclusion that the Charter of Military Service of 1874 left some scope for royal condescension. The original flexibility of its norms was well combined with the notions of the Highest Mercy and its rhetoric, which was more understandable and familiar to petitioners than the official legal language. The effect of mercy increased even more if exemption from conscription was granted by the emperor for extraordinary reasons, sidestepping the Charter.⁹

The most extensive third section of the collection (pp. 88–208) is devoted to the Great Russian Revolution of 1917–1922. It opens with the articles by M. Safonov and A. Nikolaev, dedicated to the events of February 1917. The work of the former is devoted to analyzing the differences in the description of the circumstances of the abdication of Nicholas II in publications synchronous to the event itself, and the versions of its participants (N. Ruzskii, A. Guchkov, V. Shul'gin) voiced later, *inter alia*, in the memoirs of the emigrant period. The emphasis on the voluntary renunciation, especially strong in later texts, the obvious differences in the distribution of roles between

⁸ E.I. Shcherbakova, “Spies-Tutors and Communist Nekrasov” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 53–60.

⁹ S.N. Rudnik, “Compulsory Military Service of All Classes and Paternalism of the Power (through the Example of Loyal Reports of the Department of Interior)” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 67–78.

the participants of the drama lead M. Safonov to the thought of deliberate distortion of the original story.¹⁰

A. Nikolaev continues the theme of revolutionary falsifications. The focus of his attention is the possibility of issuing the famous Order Number One as a joint act of the Petrograd Soviet and the Provisional Committee of the State Duma and the existence of the so-called fake order that provoked unrest in some military units. The attempt of Duma-Soviet co-authorship, according to the author, was not crowned with success since the provisions of the draft order, whose co-author, according to Nikolaev, was B. Engelhardt, did not find support among the members of the Military Commission of the Provisional Committee of the State Duma (PCSD). As a result, the order was issued by the Petrograd Soviet on its own, which was a “strategic mistake of the PCSD.”¹¹

The articles by A. Baranov on the military and political confrontation on the Don in 1920–1922, by V. Khrisanfov and S. Stepanov on the establishment of Soviet power in Luga and the Luga Uezd of the Petrograd Province are devoted to the regional aspects of the revolutionary process. But the most complete, of course, is the picture of events on the main arena of the revolution, in Petrograd. It is valuable that the materials of this group are different in genre and research optics. For example, a fragment of the diary of a French diplomat L. de Robien about the situation in the capital in the first half of March 1917 was published in Russian for the first time (the publication was prepared by A. Iordanskaya and I. Tropov). The diary and memoirs of the military censor V. Sukhanin, which contain, in particular, a description of his forced journey from Petrograd to the South of Russia, are investigated in detail by P. Batulin.

In an extensive essay, Honored Professor of Indiana University (USA) A. Rabinovich examines the mechanisms for coping with crisis situations in Petrograd in May–July 1919. He believes that the stability of the Bolshevik government in the city was associated with charismatic leadership, high mobilization readiness of the party activists and effective use of terrorist methods in operational crisis management.¹²

A. Davydov interprets the phenomenon of *meshochniks* or “bag people” in an original way and considers it not only as a practice caused by the chaos of war and revolution and aimed primarily at individual survival, but also as a system of crisis

¹⁰ M.M. Safonov, “From the History of the Abdication of Nicholas II” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 88–98.

¹¹ A.B. Nikolaev, “Excerpts on the History of the Order Number One of the Petrograd Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 104. (For the whole article, see pp. 99–106)

¹² A. Rabinovich, “Coping with Crises in Civil War Petrograd (May–July, 1919)” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 162–78. (Pp. 148–61 contain the text of the article in English)

communications which became the basis of temporary communities allowing their members to adapt to the new order and to the rhythm of everyday existence. These communities, welded together by the common “road culture,”¹³ brought up common traits (initiative, perseverance, industriousness, etc) in their members. As a result, the bag people communities also acquired a rudimentary identity of their own, opposing themselves to those who did not belong to them.¹⁴

The survival of the state, society and the individual is the core problem of the fourth section (“The Great Patriotic War and the Post-War Society in the USSR”, pp. 209–251). It is presented through the prism of storylines, one way or another connected with the institutions of political control. The selection of articles reveals a desire of the compilers to highlight the most painful and most intensely discussed today issues of the era. Here belong the survival of besieged Leningrad under the conditions of differentiated access to resources and privileges, considered by M. Khodyakov; deportation as a component of the national policy of 1941–1953 (see the article by V. Musaev); little-studied aspects of the internal life of Soviet correctional labour institutions in the 1950–1960s (V. Ivanov’s article is about them). One can argue the tendentiousness or justification of such an approach, but it should be noted that, if compared with the internally consistent previous parts of the book, the fourth section looks less coherent. It is not quite clear why a rather interesting article by A. Zotova about the financial policy of the USSR in relation to the newly formed Baltic republics in 1941 is separated from it: it is both substantively and chronologically much more closely associated with the “military” and not with the “revolutionary” section. The above mentioned essay by S. Poltorak about Daniil Granin, on the contrary, is closer to the final fifth section (“Historical Science in Modern Society (Historiographical Essays and Historical Journalism)”, pp. 252–265). Generally, this section seems “made”, assembled, as they say, by residual principle. Hence, probably, its modest length, obviously not corresponding to the title. The impression of artificiality is enhanced when you get acquainted with the text of O. Khlobustov, which is rather a polemic than a strictly scientific statement on the subject of information wars and the role of historians of the special services in understanding them.¹⁵

Gradually increasing dissonance of the concept and composition is, perhaps, the most significant flaw of the book under review. It is also noteworthy that two works by S. Podol'skii, S. Rudnik and S. Stepanov each were accepted for publication.

¹³ The term was introduced by T.B. Schepanskaya (T.B. Schepanskaya, *Culture of the Road in the Russian Mythological and Cultural Tradition of the XIX – XX centuries* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2003)).

¹⁴ A.Yu. Davydov, “Travelling Drudgery in the Times of the ‘Russian Time of Troubles’ (1917–1921): Hardening of a Temper or Retrogression of Personal Qualities of the Russians?”, in *State, Society, Person in the History of Russia*, 179–87.

¹⁵ O.M. Khlobustov, “The Post-Truth Phenomenon” [in Russian], in *State, Society, Person in the History of Russia*, 258–65.

However, such softness of editorial requirements is probably forced and can be accounted for by the fact that the collection is the brainchild of true enthusiasts. In addition, it once again emphasizes “chamber” character as a typological feature of the publication. Quite large by modern standards number of printed copies (300 copies) allows us to hope that the book will find its reader not only among specialists, but also among a wider audience.

Список литературы

Барыкина И.Е. «Голос из Германии 1859 года». Неизвестная статья гр. Д.Н. Толстого // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 38–46.

Давыдов А.Ю. Дорожные мытарства времен «русской смуты» 1917–1921 гг.: закалка характера или деградация личностных качеств россиян? // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 179–187.

Измозик В.С. Место органов ВЧК–ОГПУ в организации политического контроля в СССР в 1920-е гг. // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / ответственный редактор М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. – Москва: Новый хронограф, 2017. – С. 436–452.

Любичанковский С.В. Профессор Г.А. Герасименко глазами коллеги-историка (о книге П.С. Кабытова «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко») // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 252–257.

Николаев А.Б. Из истории приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 99–106.

Плеханов А.М. Ветеран исторической науки // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 5–10.

Подольский С.И. «Владлена Семеновича знает весь город»: заметки из блокнотов о В.С. Измозике // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторака, 2018. – С. 18–24.

Полторац С.Н. О студенческой жизни Д.А. Германа – будущего писателя Даниила Гранина // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 246–251.

Рабинович А. Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май-июль 1919 г.) // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 162–178.

Рудник С.Н. Всесословная воинская повинность и патернализм власти (на примере всеподданнейших докладов министра внутренних дел) // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 67–78.

Рудник С.Н. Слово об историке, коллеге, друге и просто порядочном человеке // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 11–17.

Сафонов М. М. Из истории отречения Николая II // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 88–98.

Хлобустов О.М. Феномен послеправды // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 258–265.

Щербакова Е.И. Шпионы-гувернеры и коммунист Некрасов // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.): Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / под общей редакцией С.Н. Полторака, ответственный редактор И.А. Тропов и другие. – Санкт-Петербург: Полторац, 2018. – С. 53–60.

References

Barykina, I.E. “ ‘Golos iz Germanii 1859 goda’. Neizvestnaya stat'ya gr. D.N. Tolstogo” [“ ‘Voice from Germany in 1859’. Unknown article of Count D. N. Tolstoy”]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 38–46. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Davydov, A.Yu. “Dorozhnye mytarstva vremen ‘russkoi smuty’ 1917–1921 gg.: zakalka kharaktera ili degradatsiya lichnostnykh kachestv rossiyan?” [Travelling drudgery in the times of the “Russian Time of Troubles” (1917–1921): hardening of a temper or retrogression of personal qualities of the Russians?]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 179–87. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Izmozik, V.S. “Mesto organov VChK–OGPU v organizatsii politicheskogo kontrolya v SSSR v 1920-e gg.” [Place of the VCheKa–OGPU organs in the organization of political control in the USSR in the 1920s]. In *Istoriik. Vremya. Obshchestvo: Sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN Rafaila Sholomovicha Ganelina (1926–2014)* [Historian. Time. Society: Collection of works to the 90th anniversary of the birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Rafail Sholomovich Ganelin (1926–2014)], edited by M.A. Voskresenskaya, A.S. Krymskaya, E.V. Petrov, 436–52. Moscow: Novyi khronograf, 2017. (In Russian)

Khlobustov, O.M. “Fenomen poslepravdy” [The post-truth phenomenon]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 258–65. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Lyubichankovskii, S.V. “Professor G.A. Gerasimenko glazami kollegi-istorika (o knige P.S. Kabytova ‘Zhizn' i tvorchestvo professora Grigoriya Alekseevicha Gerasimenko’)” [Professor G.A. Gerasimenko through the eyes of his colleague-historian (about the publication of P.S. Kabytov “Life and work of Professor Grigoriy Alekseyevich Gerasimenko”)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 252–57. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Iz istorii prikaza No 1 Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov” [Excerpts on the history of the Order Number One of the Petrograd Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 99–106. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Plekhanov, A.M. “Veteran istoricheskoi nauki” [Veteran of the historical science]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 5–10. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Podol'skii, S.I. “‘Vladlena Semenovicha znaet ves' gorod’: zametki iz bloknotov o V.S. Izmozike” [‘The whole city knows Vladlen Semenovich’: sketches from notebooks about V.S. Izmozik]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 18–24. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Poltorak, S.N. “O studencheskoi zhizni D.A. Germana – budushchego pisatelya Daniila Granina” [About the student life of D.A. Herman – the future writer Daniel Granin]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 246–51. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Rabinovich, A. “Bor'ba s krizisami v period Grazhdanskoi voyny v Petrograde (mai-iyul' 1919 g.)” [Coping with Crises in Civil War Petrograd (May–July, 1919)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 162–78. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian).

Rudnik, S.N. “Slovo ob istorike, kollege, druze i prosto poryadochnom cheloveke” [A word on historian, colleague, friend and just a man of honour]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 11–17. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Rudnik, S.N. “Vsesoslovnaya voinskaya povinnost' i paternalizm vlasti (na primere vsepodanneishikh dokladov ministra vnutrennikh del)” [Compulsory military service of all classes and paternalism of the power (through the example of loyal reports of the Department of Interior)]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 67–78. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian)

Safonov, M. M. “Iz istorii otrecheniya Nikolaya II” [From the history of the abdication of Nicholas II]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika* [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 88–98. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian).

Shcherbakova, E.I. “Shpiony-gubernery i kommunist Nekrasov” [Spies-tutors and communist Nekrasov]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Se-*

menovicha Izmozika [State, society, person in the history of Russia (18th – 20th centuries): Collection of scientific works to the 80th anniversary of the birth of Doctor of History, Professor Vladlen Semenovich Izmozik], edited by S.N. Poltorak, I.A. Tropov, et al., 53–60. St Petersburg: Poltorak, 2018. (In Russian).

Всеволодов Антон Владимирович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Череповецкое музейное объединение;
Доцент, научный сотрудник,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
Vsevolodov12@yandex.ru

Vsevolodov, Anton

Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Researcher,
Cherepovets Museum Association
Associate Professor, Research,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
Vsevolodov12@yandex.ru

HISTORIA

Provinciae

Информация
для авторов

Guide for Authors

2019 · Vol. 3 · № 3

ТРЕБОВАНИЯ К СТРУКТУРЕ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Общие требования к содержанию статей

1.1. К публикации в журнале принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, заметки, сообщения, а также историографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам истории и политических наук.

1.2. Журнал печатает только оригинальные научные работы, ранее нигде не публиковавшиеся и не содержащие некорректных или чрезмерных заимствований.

1.3. Присылаемые материалы должны соответствовать тематике журнала, представленной следующими направлениями:

- исторические науки,
- политические науки.

1.4. Присылаемые материалы должны отличаться научной новизной и фундаментальностью, что предполагает наличие в статье историографического обзора.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций библиографический список должен включать не менее 20 наименований, примерно четверть из которых – зарубежные издания. Предпочтительно обращение к журналам, входящим в международные наукометрические базы данных (Scopus, Web of Science).

1.5. Рукописи, которые не соответствуют тематике журнала или подготовлены без учета требований журнала по их оформлению, не рассматриваются на предмет публикации.

1.6. При написании статьи авторам следует придерживаться правил и требований российских и международных ассоциаций и организаций: АНРИ (Ассоциация научных издателей и редакторов), ВАК (Высшая аттестационная комиссия), COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) и EASE (European Association of Science Editors).

2. Общие требования к оформлению статей

2.1. Рукописи следует предоставлять в формате .doc (Word) или .docx

2.2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи – 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А 4), ориентация книжная. Поля страницы – все по 20 мм. Шрифт – Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный. Текст без автоматической расстановки переносов. Название статьи: полужирным шрифтом по центру страницы. Нумерация страниц внизу справа.

2.4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: первый – включает УДК, информацию об авторе, название статьи, аннотацию, ключевые слова, текст статьи, список использованной литературы; второй – полностью на английском, включает сведения об авторе, название статьи, аннотацию (необязательно), ключевые слова (необязательно), список использованной литературы (References).

3. Структура и правила оформления рукописи

3.1. Информация о (КАЖДОМ!) авторе статьи: ФИО автора – полностью, ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, место работы/учебы (полностью), страна, город, индекс, улица, номер дома организации, контактный телефон автора, e-mail, идентификатор ORCID (смотри подробнее: <http://orcid.org/>).

Сведения приводятся на русском и английском языках.

3.2. УДК и название статьи (название статьи на русском и английском языках).

3.3. Аннотация объемом 400–600 печатных знаков должна быть информативной и содержательной (т.е. максимально точно отражать содержание статьи, ее структуру и выводы). Аннотация приводится на русском и английском языках.

3.4. Ключевые слова (8–10 слов). Ключевые слова должны способствовать поиску статьи в электронных системах. Приводятся на русском и английском языках.

3.5. Информация о финансировании и благодарности (гранты, спонсоры, посвящения и проч.). Приводится на русском и английском языках.

3.6. Текст статьи. В статье желательно выделение следующих структурных элементов:

а) введение;

б) основная часть;

в) выводы.

3.7. Список литературы и References, оформленные в соответствии с требованиями журнала (см. ниже ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ссылок, списка литературы и References)

4. Правила оформления графических данных

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и проч. должны быть обязательно пронумерованы, иметь название и помещаться в печатное поле страницы. Ссылки на рисунки, таблицы, схемы, графики в основном «теле» статьи обязательны.

4.2. Все авторские выделения в тексте статьи – только курсивом (жирный шрифт или подчеркивание не допускаются).

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов Редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. Правила оформления сносок

5.1. Сноски (Автор. Название. Место издания, издательство, год издания, страница(ы) / лист) оформляются постранично 10 кеглем внизу при помощи продолжающихся номерных сносок (т.е. по всей статье сквозная нумерация сносок).

Цифра – обозначение сноски в тексте – ставится в конце предложения перед точкой или иным знаком препинания, обозначающим конец предложения или в конце цитаты после кавычек.

Постраничные примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

При ссылке на электронные ресурсы в конце добавляются точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Если источником является архивный документ, то сначала следует название документа, затем название архива без сокращений, далее в скобках – аббревиатура названия. Затем указываются: фонд, опись, дело, лист. При повторной ссылке на документы из этого же архива для его названия достаточно указать только аббревиатуру.

Упоминание уже встречавшейся в тексте работы или других работ упомянутого автора не предполагает использования в сносках общепринятых указателей: Там же (Ibid); Он же (Idem); Указ. соч. (Op. cit.). При повторном обращении к той же работе используется краткая запись ссылки (см. ниже ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ссылок, списка литературы и References). При обращении к другим работам упомянутого автора ссылка на работы дается в полном объеме (включая имя автора).

Последовательность информации в ссылках:

для книг –

фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск (если есть) и страница, на которую ссылается автор (если есть):

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – Москва: Политиздат, 1989.
Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. – Санкт-Петербург: Час пик, 1992. – С. 294.
Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia. 1894–1917. – Princeton: Princeton University Press, 1993.

для книг без автора –

полное название книги, затем редколлегия, редакторы или составители, место издания, издательство, год издания, том или выпуск (если есть) и страница, на которую ссылается автор (если есть):

Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Редколлегия: А. Костриц, А.С. Стыкалин (отв. ред.), О.В. Хаванова. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – С.168
Сталинские депортации. 1928–1953 / под общей редакцией А.Н. Яковлева; составители Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – Москва: МФД: Материк, 2005.
Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) / Составители С.И. Долгова, Л.А. Кирилина, В. Колоша, И.В. Чуркина. – Москва: Древлехранилище, 2010. – С. 302.

для статей в периодических изданиях –

фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала (сборника, газеты), год издания (для сборника – также место издания и издательство), том, номер (выпуск), первая и последняя страницы статьи либо конкретная страница статьи (при цитировании), DOI (если имеется)

Кирилина Л.А. Борьба за создание словенского университета в конце XIX – начале XX вв.: соглашения, компромиссы, противостояния // Славянский мир в третьем тысячелетии. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2016. – Вып. 11. – С. 171–183.
Кормазов В.А. Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестник Маньчжурии (Харбин). – 1930. – № 7. – С. 25.
Cross A. English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. – 2015. – Vol. 74. – No. 1. – P. 57–68. DOI: 10.1111/russ.10756

для статей в неперидических изданиях (книгах) –

фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название книги (сборника), место издания, издательство, год издания, первая и последняя страницы статьи либо конкретная страница статьи (при цитировании);

Земсков В.Н. Депортация населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные // Население России в XX веке. Т. 2. – Москва: РОССПЭН, 2001. – С. 166.

Сетницкий Н.А. Сторожею на Сунгари // Из истории философско-эстетической мысли 1920-х – 1930-х гг. Вып. 1. – Москва: Институт мировой литературы РАН, 2003. – С. 255–259.

Gruner F. Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World / B.D. Behnken and S. Wendt (eds.). – Lanham: Lexington books, 2013. – P. 183–205.

для тезисов и текстов докладов на конференциях (семинарах, симпозиумах) –

фамилия и инициалы автора, название доклада, полное название сборника тезисов или трудов конференции, дата и место проведения конференции, том, номер (выпуск), конкретная страница (если в тексте представлена прямая цитата) или первая и последняя страницы тезисов или текста доклада (если в сноске дается общее указание на работу)

Цветков С.Н. О настроениях граждан СССР немецкой национальности, вернувшихся из-за границы на жительство в Вологодскую область после Великой Отечественной войны // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3. – Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000. – С. 200–207.

Нижник Н. С., Щепкин С. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Научный форум, посвященный 300-летию российской полиции (о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Санкт-Петербургский университет МВД России, 28–29 апреля 2016 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2(70). – С. 218–226.

Стоцкий А.П. Полицейский Петербург: артефакты деятельности столичной полиции (о здании сыскной полиции на Офицерской улице) // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей. Санкт-Петербург, 25 апреля 2018 г. / Под редакцией Н. С. Нижник. Электронные дан. (5,11 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 31.

для источников из архивов –

Название документа, затем – полное название архива, в скобках – аббревиатура (при первичном упоминании архива; при повторном упоминании архива – только его аббревиатура.), фонд, описание, дело, лист, далее в скобках – название дела.

Формулярный список о службе Домашнего Учителя Коллежского Регистратора Лаврентия Сантесона, составлен в августе 1850 года // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 733. – Оп. 9. – Д. 788. – Л. 2–5. (О награждении домашних наставников и Учителей медалями. 18 августа 1850 – 8 мая 1851 г.)

Record of service of Home Teacher Collegiate Registrar Lavrentii Santeson, compiled in August 1850, Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (henceforward RGIA), f. 733, op. 9, d. 788, l. 2–5, “On awarding medals to home mentors and teachers, 18 August 1850 – 8 May 1851”.

22 февраля 1847 Письмо министра внутренних дел Л.А. Перовского министру народного просвещения С.С. Уварову от 22 февраля 1847 г. // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 9. – Д. 281. – Л. 1–2 об. (По отношению Г. Министра Внутренних Дел о разрешении вопроса как поступать с теми лицами, кои находясь при детях без надлежащих свидетельств на звание Домашних Учителей, отзываются, что они наук не преподают, а живут в частных домах Гувернерами или Компаньонами. 25 февраля – 4 марта 1847 г.)

Letter of the Minister of Internal Affairs L.A. Perovsky to the Minister of National Education S.S. Uvarov, 22 February 1847, RGIA, f. 733, op. 9, d. 281, l. 1-2 ob., “In relation to the Minister of Internal Affairs on resolving the dispute on how to deal with the persons who stay with the children, hold no proper certificates of home teachers, and claim that they teach no sciences but live in private homes as Tutors or Companions.”

для авторефератов и диссертаций –

фамилия и инициалы автора, полное название, место защиты, год, страница (конкретная) при цитировании или общее количество страниц работы (только в Списке литературы)

Главинская С.Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курский государственный университет, 2006. – 26 с.

Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Институт российской истории РАН, 2016. – С. 236.

для электронных публикаций –

фамилия и инициалы автора (если есть), название публикации, название ресурса (если есть), электронный адрес (URL), дата обращения

Пылаева Е.И. Секретная агентура губернских жандармских управлений в начале XX в.: характеристика источников (по материалам Вологодской губернии). – URL: <http://naukarus.com/sekretnaya-agentura-gubernskih-zhandarmskih-upravleniy-v-nachale-hh-v-harakteristika-istochnikov-po-materialam-vologodsko> (дата обращения: 06.10.2018).

Boisbouvier Ch. Mali: le retour de la Françafrique? // RFI.fr. 23.07.2013. – URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20130722-mali-presidentielle-francafrique-hollande-fabius-traoretiebile-d...> (accessed: 26.02.2014).

6. Правила оформления списка литературы

6.1. Список не нумеруется и группируется по алфавиту, сначала – книги на русском языке, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включаются только научные работы (источники, издания энциклопедического и справочного характера в список литературы не включаются!). Приветствуется включение в список литературы статей по теме исследования, опубликованных в изданиях, входящих в международные БД Scopus и Web of Science.

Примеры оформления:

КНИГИ

фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск (если есть) и общее количество страниц издания:

Назимов А.Е. Лекции по полицейскому праву, читанные профессором А.Е. Назимовым в Новороссийском университете / под редакцией Б.Ф. Лемеша-Лемешинского. – Одесса: Типография и хромо-литография А.Ф. Соколовского, 1903. – 211 с.

Перов И.Ф., Кузнецов М.В. Полиция Рязанской губернии. – Рязань: Узорочье, 2002. – 259 с.

Ruud Ch., Stepanov S. Fontanka, 16. The Tsar's secret police. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. – 432 p.

для книг без автора –

полное название книги, затем редколлегия, редакторы или составители, место издания, издательство, год издания, том или выпуск (если есть) и общее количество страниц издания:

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / составитель М.Б. Смирнов. – Москва: Звенья, 1998. – 597 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – нач. 1933 г.: сборник документов / составители С.А. Красильников и другие; ответственные редакторы В.П. Данилов, С.А. Красильников. – Новосибирск: ЭКОР, 1993. – 341 с.

Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) / составители С.И. Долгова, Л.А. Кирилина, В. Колоша, И.В. Чуркина. – Москва: Древлехранилище, 2010. – 654 с.

статьи в журнале

фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, год издания, том, номер (выпуск), первая и последняя страницы статьи, DOI (если имеется)

Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 1 (50). – С. 25–31.

Бубличенко В.Н. Документы Госархива Российской Федерации и региональных архивов о детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1943–1945 гг. // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 57–62.

Gamsa M. Harbin in Comparative Perspective // Urban History. – 2010. – Vol. 37. – No. 1 (May). – P. 136–149.

статьи в сборнике

фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название книги (сборника), место издания, издательство, год издания, первая и последняя страницы статьи.

Кротова М.В. Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции // Нансеновские чтения: 2009. Санкт-Петербург: Русская эмиграция, 2010. С. 117–130.

Семенова О.В. Гражданское общество и государство: специфика взаимосвязи и взаимодействия // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции: в 2 т. Т. I. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – С. 136–138.

диссертации и авторефераты –

фамилия и инициалы автора, полное название, место защиты, год, общее количество страниц работы:

Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002. – 521 л.

Чеченков К.В. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации как фактор боеспособности (по материалам Западного региона РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2012. – 21 с.

ссылки на электронные ресурсы –

оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс (полное название сайта) и дата обращения к нему.

Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью. URL: <https://uraloved.ru/literatura/proza-ob-urale/mamin-sibiryak-po-zaugalyu> (дата обращения 20.02.2018)

Науйокс М. Немецкое кабаре 20-30 годов // Иностранная литература. – 2011. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/2> (дата обращения: 08.01.2019)

Stansfield G. Iraqi Kurdistan: political development and emergent democracy. Taylor & Francis e-library, 2003. – URL: https://www.academia.edu/3271178/Iraqi_Kurdistan_Political_development_and_emergent_democracy (accessed: 04.10.2014)

Tucholsky K. Der Mensch // Glossen und Essays (1907–1935). – URL: <https://www.textlog.de/tucholsky-der-mensch.html> (дата обращения: 10.01.2019).

7. Правила оформления раздела References

7.1. Список литературы на английском языке (References) оформляется в соответствии с английским алфавитом.

7.2. В раздел "References", как и в список литературы, включаются только научные статьи, диссертации, авторефераты, монографии. Все ссылки на источники оформляются в виде подстрочных сносок и не включаются в список литературы и References.

7.3. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для автоматической транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

7.4. При оформлении References используется стиль библиографического описания Chicago Manual of Style (17 ed., “Notes and Bibliography System”). Подробнее:

– Список литературы в References должен быть написан только в романском алфавите. Источники на английском, немецком, итальянском, испанском и других языках, использующих латиницу, приводятся на языке оригинала. Для написания ссылок на русскоязычные источники (и источники на иных, не использующих романский алфавит, языках) следует использовать ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД или ТРАНСЛИТЕРАЦИЮ (зависит от конкретного элемента описания).

– Если статья написана НЕ на латинице — на кириллице (русском, белорусском, болгарском, украинском и др.), иероглифами и иными символами, то нужно представить ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД или выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз) – для названия статьи. Парафраз записывается в квадратных скобках. Для книг необходимо в этом случае привести транслитерацию на латиницу и перевод названия на английский язык или только перевод. В конце описания в круглых скобках указать язык издания.

– Объем оформления источников:

Количество авторов. В библиографическом описании каждого источника (книги, журнала и проч.) должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. Однако, если у публикации 4 и более авторов, то после 1-го автора необходимо поставить сокращение "..., et al.".

Важно!: обязательна запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «et al.». (п.14.18, с.662)

– Названия и сокращения. Недопустимы сокращения (или изменения) названия статей и журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить только в официальном сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать библиотеку WorldCat, CAS Source Index или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала не найдено, то необходимо указывать его полное наименование.

– Идентификатор DOI. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI у источника можно на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке.

– Выходные данные. Библиографические описания следует составлять в формате Chicago Manual of Style. Для описания даты выхода, тома и выпуска периодического издания и страниц, на которых опубликовано наименование ссылки, следует использовать сокращенный формат записи (см. ниже ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ссылок, списка литературы и References).

Пунктуация:

в References не используются знаки предписанной по ГОСТ пунктуации «//», «/», «-». Производится замена данных символов на запятые и точки;

при указании ФИО авторов следует инициалы помещать после фамилии и после фамилии ставить запятую;

фамилию и инициалы авторов следует отделять друг от друга запятой;

название публикации следует отделять от остальной части ссылки точкой;

название издания (книги, научного журнала, газеты) пишется курсивом; при указании даты публикации, места, издательства, иных выходных данных пунктуация должна соответствовать приведенным ниже примерам.

ФИО авторов, редакторов. Фамилии и инициалы всех авторов на латинице следует приводить в ссылке так, как они даны в оригинальной публикации. Если в оригинальной публикации уже были приведены на латинице ФИО авторов — в ссылке на статью следует указывать именно этот вариант (независимо от использованной системы транслитерации в первоисточнике). Если в официальных источниках (на сайте журнала, в базах данных, в том числе — в eLibrary) ФИО авторов на латинице не приведены — следует транслитерировать их самостоятельно по стандарту BSI.

Название публикации. Если у цитируемой работы существует официальный перевод на английский язык или англоязычный вариант названия (его следует искать на сайте журнала, в базах данных, eLibrary) — требуется указать именно его. Если в официальных источниках название публикации на латинице не приведено, то следует выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз). Парафраз приводится только в квадратных скобках.

Название издания (журнала). Некоторые не англоязычные научные издания (журналы) имеют кроме названия на родном языке, официальное «параллельное» название на английском. В списке References в ссылке на статью из русскоязычного журнала следует указать либо транслитерированное название журнала, либо переводное. Переводное название журнала можно взять либо с официального сайта журнала (или использовать данные о правильном написании англоязычного названия из цитируемой статьи), либо проверить его наличие в базе данных (CAS Source Index, библиотеке WorldCat или каталоге Web of Science). В случае, когда у журнала нет официального названия на английском языке, в References нужно приводить транслитерацию по системе BSI. Самостоятельный перевод названий журналов недопустим.

Место издания. Место издания в ссылках всегда следует указывать полностью на английском языке, транслитерация и сокращения недопустимы. Например: Moscow (не «Moskva» и не «M.:»), St Petersburg (не «Sankt Peterburg» и не «SPb»), Vologda.

Название издательства/издателя. В отличие от места издания, название издательства для ссылок в References следует только транслитерировать (за исключением крайне редких случаев наличия у издателя параллельного официального англоязычного названия).

Идентификатор языка. Если цитируемая Вами в References публикация исходно не англоязычная, то в самом конце ссылки, после указания диапазона страниц, в круглых скобках следует указать язык, на котором написан первоисточник. Для ссылок на русскоязычные источники, например, следует использовать фразу «(in Russian)».

**ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ
ссылок, Списка литературы и References**

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Книга с 1 автором	
Первичная (полная) сноска: <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. Избранные труды. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.	Первичная (полная) сноска: Yu.V. Galaktionov, <i>National Socialism in Germany: Problems of Study, Ways of Overcoming. Selected Works</i> [in Russian] (Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006).
Сноска при первом цитировании: <i>Rathenau W.</i> <i>Gesammelte Reden.</i> – Berlin: Verlag Fischer, 1924. – S. 65–66.	Сноска при первом цитировании W. Rathenau, <i>Gesammelte Reden</i> (Berlin: Verlag Fischer, 1924), 65–66.
Сокращённая сноска (при повторном обращении к источнику): <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. – С. 58.	Сокращённая сноска (при повторном обращении к источнику): Galaktionov, <i>National Socialism in Germany</i>, 58.
Список литературы: <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. Избранные труды. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 166 с.	References: Galaktionov, Yu.V. <i>Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya, puti preodoleniya. Izbrannye trudy</i> [National Socialism in Germany: problems of study, ways of overcoming. Selected Works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. (In Russian)
<i>Rathenau W.</i> <i>Gesammelte Reden.</i> – Berlin: Verlag Fischer, 1924. – 78 S.	Rathenau, W. <i>Gesammelte Reden.</i> Berlin: Verlag Fischer, 1924.
Книга с 2 авторами	
Сноска: <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 45.	Сноска: I.M. Savel'eva and A.V. Poletaev, <i>Knowledge of the Past: Theory and History: in 2 volumes. Vol. 1, Designing the Past</i> [in Russian] (St Petersburg: Nauka, 2003), 45.
Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом: теория и история. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 47.	Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): Savel'eva and Poletaev, <i>Knowledge of the Past: Theory and History</i>, 47.

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Список литературы: <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 632 с.	References: Savel'eva, I.M., and A.V. Poletaev. <i>Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t. T. 1, Konstruirovaniye proshlogo</i> [Knowledge of the past: theory and history: in 2 volumes. Vol. 1, Designing the past]. St Petersburg: Nauka, 2003. (In Russian)
Книга с 3 авторами	
Сноска: <i>Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зувев М.Н.</i> История России. – Москва: Высшая школа, 2003. – С. 51.	Сноска: A.A. Chernobaev, I.E. Gorelov, and M.N. Zuev. <i>Russian history</i> [in Russian] (Moscow: Vysshaya shkola, 2003), 51.
Сокращённая сноска (при повторном обращении к источнику): <i>Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зувев М.Н.</i> История России. – С.52.	Сокращённая сноска (при повторном обращении к источнику) Chernobaev, Gorelov, and Zuev. <i>Russian history</i>, 52.
Список литературы: <i>Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зувев М.Н.</i> История России. – Москва: Высшая школа, 2003. – 479 с.	References: Chernobaev, A.A., I.E. Gorelov, and M.N. Zuev. <i>Istoriya Rossii</i> [History of Russi]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. (In Russian)
Книга с 4 и более авторами или редакторами	
Сноска при первом упоминании: Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / [Алексеев В.В. и др.]. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – С. 37.	Сноска при первом упоминании: V. V. Alekseev et al., <i>Actors of Russian Imperial Modernization (the 18th – the beginning of the 20th century): the Region Dimension</i> [in Russian] (Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016), 37.
Сноска (при повторном упоминании работы): Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / [Алексеев В.В. и др.]. – С. 221.	Сноска (при повторном упоминании работы): Alekseev et al., <i>Actors of Russian Imperial Modernization</i>, 221.

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Часть книги с автором и редактором (или переводчиком)	
Сноска при первом упоминании: <i>Ikuta M. Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony // Kimitaka Matsuzato (Ed.). Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945. – Lanham, MD: Lexington Books, 2017. – P. 179.</i>	Сноска при первом упоминании: <i>M. Ikuta, “Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony,” in <i>Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945</i>, ed. Kimitaka Matsuzato (Lanham, MD: Lexington Books, 2017), 179.</i>
Список литературы: <i>Ikuta M. Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony // Kimitaka Matsuzato (Ed.) Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945. – Lanham, MD: Lexington Books, 2017. – P. 175–187.</i>	References: <i>Ikuta, M. “Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony.” In <i>Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945</i>, edited by Kimitaka Matsuzato, 175–87. Lanham, MD: Lexington Books, 2017.</i>
Книга без автора, с редактором (или переводчиком)	
<i>Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782 / Hrsg. von E. Faber, G. Klingenstein, A. Trampus et al. 4 Bde. – Wien: Böhlau, 2009. – 2011 S. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs. Bd. 103)</i>	<i>Faber, E., G. Klingenstein, and A. Trampus, eds. <i>Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs, Band 103)</i>. Vienna: Böhlau, 2009.</i>
Статья в научном журнале:	
Сноска: <i>Соколов С.М. Россия на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. // Американский ежегодник. 1984. – С. 152–164.</i>	Сноска: <i>S.M. Sokolov, “Russia at the World Exhibition in Chicago in 1893,” <i>American Yearbook</i> (1984): 152–64.</i>
<i>Юнгблюд В., Збоев А. Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6. – № 1. – С. 252.</i>	<i>V. Yungblud and A. Zboev, “The Activity of American Non-Governmental Organizations in the Post-Soviet States during the 1990s” [in Russian], <i>Quaestio Rossica</i> 6, no. 1 (2018): 252.</i>
<i>Carmena d’Almeida P. La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture // Annales de geographie. – 1904. – Vol. 13. – P. 273.</i>	<i>Carmena, d’Almeida P., “La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture,” <i>Annales de geographie</i>, vol. 13 (1904): 270–75.</i>

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Список литературы: <i>Соколов С.М.</i> Россия на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. // Американский ежегодник. – 1984. – С. 152–164.	References: Sokolov, S.M. “Russia at the World Exhibition in Chicago in 1893.” <i>American Yearbook</i> (1984): 152–64. (In Russian)
<i>Юнгблуд В., Збоев А.</i> Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. // <i>Quaestio Rossica</i>. – 2018. – Т. 6. – №1. – С. 251–256. DOI 10.15826/qr.2018.1.294	Yungblud, V., and A. Zboev. “The Activity of American Non-Governmental Organizations in the Post-Soviet States during the 1990s.” <i>Quaestio Rossica</i>, vol. 6, no. 1 (2018): 251–56. https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.294 (In Russian)
<i>Carmena d’Almeida P.</i> La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture // <i>Annales de geographie</i>. – 1904. – Vol. 13. – P. 270–275.	Carmena, d’Almeida P. “La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture.” <i>Annales de geographie</i>, vol. 13 (1904): 270–75.
Важно: Если приводится статья в научном журнале с двумя/тремя/более авторами, то имена и фамилии соавторов указываются в том же порядке, как в книгах.	
Статья в научном on-line журнале:	
Сноска: <i>Попова Б.</i> Юлия Николаевна Рейтлингер // Наше наследие. – 2008. – №87. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php. (дата обращения 01.10.2018)	Сноска: B. Popova, “Julia N. Reitlinger” [in Russian], <i>Nashe nasledie</i>, no. 87 (2008), http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php
<i>Рябкова Е.С.</i> Женщины и женский быт в СССР 1950–1960 гг. в советской и современной российской историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2017. – Т. 16. – №4. – С. 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685	E.S. Ryabkova, “Women and Women's Life in the USSR 1950–1960 in Soviet and modern Russian historiography” [in Russian], <i>RUDN Journal of Russian History</i>, vol. 16, no. 4 (2017): 670–85, https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685
Список литературы: <i>Попова Б.</i> Юлия Николаевна Рейтлингер // Наше наследие. – 2008. – №87. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php. (дата обращения 01.10.2018)	References: Popova, B. “Julia N. Reitlinger.” <i>Our Heritage</i>, no. 87 (2008). http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php (In Russian)
<i>Рябкова Е.С.</i> Женщины и женский быт в СССР 1950–1960 гг. в советской и современной российской историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2017. – Т. 16. – №4. – С. 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685	Ryabkova, E.S. “Women and Women's Life in the USSR 1950–1960 in Soviet and modern Russian historiography”, <i>RUDN Journal of Russian History</i>, vol. 16, no. 4 (2017): 670–85. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685 (In Russian)

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Газетная статья	
Сноска: <i>Деягин М.Г.</i> России нужен Буш // Независимая газета. – 2003. – 9 апреля.	Сноска: M.G. Delyagin, “Russia needs Bush” [in Russian], <i>Nezavisimaya Gazeta</i>, April 9, 2003.
Список литературы: <i>Деягин М.Г.</i> России нужен Буш // Независимая газета. – 2003. – 9 апреля.	References: Delyagin, M.G. “Russia needs Bush,” <i>Nezavisimaya Gazeta</i> [Independent Newspaper], April 9, 2003. (In Russian)
Статья в сборнике с редактором:	
Сноска: <i>Шукин Д.В.</i> Германия в политической практике и оценке партии кадетов и ее фракции в Государственной думе Российской империи третьего созыва (на примере Боснийского кризиса 1908–1909 гг.) // Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность: материалы Международного семинара (Череповец, 11–12 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.В. Петелин. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – С. 250.	Сноска: D.V. Shchukin, “Germany in the Political Practice and Evaluation of the Cadet Party and its Faction in the State Duma of the Russian Empire of the Third Convocation (on the example of the Bosnian crisis of 1908–1909),” in <i>Conservative, social and liberal tendencies in the party and political development of Germany and Russia: history and modernity: materials of the International Workshop</i> (Cherepovets, October 11–12, 2016), ed. B.V. Petelin (Cherepovets: Cherepovets State University, 2017), 250.
Список литературы: <i>Шукин Д.В.</i> Германия в политической практике и оценке партии кадетов и ее фракции в Государственной думе Российской империи третьего созыва (на примере Боснийского кризиса 1908–1909 гг.) // Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность: материалы Международного семинара (Череповец, 11–12 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.В. Петелин. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – С. 248–255.	References: Shchukin, D.V. “Germaniya v politicheskoi praktike i otsenke partii kadetov i ee fraktsii v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii tret'ego sozyva (na primere Bosniiskogo krizisa 1908–1909 gg.)” [Germany in the political practice and evaluation of the Cadet Party and its faction in the State Duma of the Russian Empire of the third convocation (on the example of the Bosnian crisis of 1908–1909)]. In <i>Konservativnye, sotsial'nye i liberal'nye tendentsii v partiino-politicheskom razvitii Germanii i Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnogo seminarara (Cherepovets, 11–12 oktyabrya 2016 g.)</i> [Conservative, social and liberal tendencies in the party and political development of Germany and Russia: history and modernity: materials of the International Workshop (Cherepovets, October 11–12, 2016)], edited by B.V. Petelin, 248–55. Cherepovets: Cherepovets State University, 2017. (In Russian)

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Рецензия на книгу в научном журнале:	
Сноска: <i>Егоров А.Н.</i> Рецензия на книгу: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 // <i>Historia Provinciae – журнал региональной истории.</i> – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 142.	Сноска: A.N. Egorov, Review of <i>The Duma revolution: February 27 – March 3, 1917</i>, by A.B. Nikolaev, <i>Historia Provinciae – the Journal of Regional History</i>, vol. 2, no. 2 (2018): 142.
Список литературы: <i>Ратьковский И.С.</i> Новые материалы о Великой Российской революции 1917 года <i>Рецензия на:</i> Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Редакционная коллегия: А.Б. Николаев (ответственный редактор и ответственный составитель), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. – 336 с. // <i>Historia Provinciae – журнал региональной истории.</i> – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 1029–1045.	References: Rat'kovskii I. "New Materials about the Great Russian Revolution of 1917." <i>A review of:</i> Nikolaev, A.B., D.A. Bazhanov, and A.A. Ivanov, eds. <i>Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady. Sbornik nauchnykh statei</i> [The Russian Revolution of 1917: New Approaches and Views. Collection of Scientific Articles]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2018. <i>Historia Provinciae – the Journal of Regional History</i> 3, no. 3 (2019): 1029–45. (In Russian)
Диссертация:	
Сноска: <i>Некрылова О.Г.</i> Политика американских и британских оккупационных властей и образование Христианско-демократического союза в Западной Германии (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Воронежский государственный университет, 2012. –С. 125.	Сноска: O.G. Nekrylova, <i>The policy of the American and British occupation authorities and the formation of the Christian Democratic Union in West Germany (1945–1949)</i> (PhD diss. Voronezh State University, 2012), 125.
Список литературы: <i>Некрылова О.Г.</i> Политика американских и британских оккупационных властей и образование Христианско-демократического союза в Западной Германии (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Воронежский государственный университет, 2012. –208 с.	References: Nekrylova, O.G. <i>Politika amerikanskikh i britanskikh okkupatsionnykh vlastei i obrazovanie Khristiansko-demokraticheskogo soyuza v Zapadnoi Germanii (1945–1949 gg.)</i> [The policy of the American and British occupation authorities and the formation of the Christian Democratic Union in West Germany (1945–1949)]. PhD diss. Voronezh State University, 2012. (In Russian).

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
Автореферат диссертации:	
Сноска: <i>Молодчик А.В.</i> Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау: автореф. дис. ... канд. ист. наук. –Пермский государственный университет, 2001. –С. 7.	Сноска: <i>A.V. Molodchik, Socio-economic and political views and concepts of V. Rathenau</i> (PhD thesis. Perm State University, 2001), 7.
Список литературы: <i>Молодчик А.В.</i> Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау: автореф. дис. ... канд. ист. наук. –Пермский государственный университет, 2001. –26 с.	References: <i>Molodchik, A.V. Sotsial'no-ekonomi-cheskie i politicheskie vzglyady i kontseptsii V. Ratenau</i> [Socio-economic and political views and concepts of V. Rathenau]. PhD thesis. Perm State University, 2001. (In Russian)
Архивы:	
Сноска: Формулярный список о службе Домашнего Учителя Коллежского Регистратора Лаврентия Сантесона, составлен в августе 1850 года. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 9. Д. 788. Л. 2–5. (О награждении домашних наставников и Учителей медалями. 18 августа 1850 – 8 мая 1851 г.)	Сноска: Record of service of Home Teacher Collegiate Registrar Lavrentii Santeson, compiled in August 1850. “O nagrazhdenii domashnikh nastavnikov i Uchitelei medalyami” [On awarding medals to home mentors and teachers]. 18 August 1850 – 8 May 1851. F. 733, op. 9, d. 788, l. 2–5. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive], St Petersburg, Russia.
Список литературы: 22 февраля 1847 Письмо министра внутренних дел Л.А. Перовского министру народного просвещения С.С. Уварову от 22 февраля 1847 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 281. Л. 1–2 об. (По отношению Г. Министра Внутренних Дел о разрешении вопроса как поступать с теми лицами, кои находясь при детях без надлежащих свидетельств на звание Домашних Учителей, отзываются, что они наук не преподают, а живут в частных домах Гувернерами или Компаньонами. 25 февраля – 4 марта 1847 г.)	References: Letter of the Minister of Internal Affairs L.A. Perovsky to the Minister of National Education S.S. Uvarov, 22 February 1847. “Po otnosheniyu G. Ministra Vnutrennikh Del o razreshenii voprosa kak postupat' s temi litsami, koi nakhodyas' pri detyakh bez nadlezhashchikh svidetel'stv na zvanie Domashnikh Uchitelei, otzyvayutsya, chto oni nauk ne prepodayut, a zhivut v chastnykh domakh Guvernerami ili Kompan'onami” [In relation to the Minister of Internal Affairs on resolving the dispute on how to deal with the persons who stay with the children, hold no proper certificates of home teachers, and claim that they teach no sciences but live in private homes as Tutors or Companions]. F. 733,

Русскоязычный вариант статьи	Англоязычный вариант статьи
	op. 9, d. 281, l. 1–2 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive], St Petersburg, Russia.